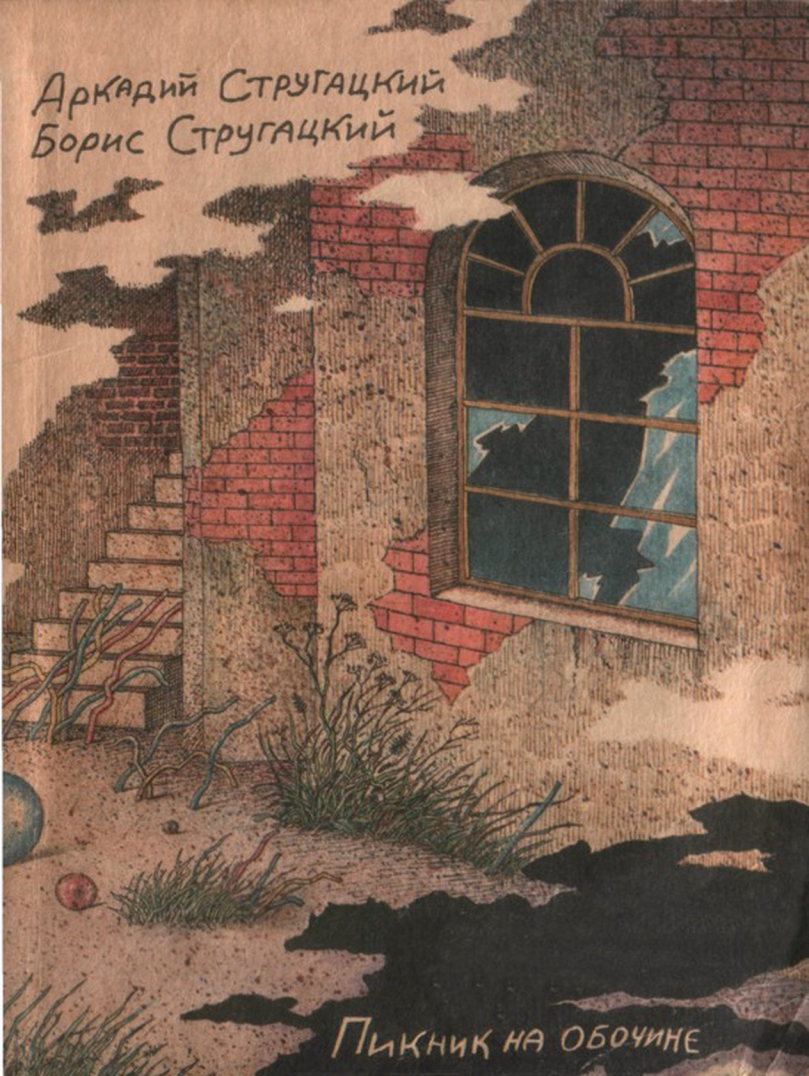

Аркадий Стругацкий
Борис Стругацкий
Пикник на обочине

Пикник на обочине

Аркадий Натанович Стругацкий, Борис Натанович Стругацкий

Аннотация
Пикник на обочине
1. Рэдрик Шухарт, 23 года, холост, лаборант Хармонтского филиала Международного института внеземных культур
2. Рэдрик Шухарт, 28 лет, женат, без определенных занятий
3. Ричард Г. Нунан, 51 год, представитель поставщиков электронного оборудования при Хармонтском филиале МИВК
4. Рэдрик Шухарт, 31 год

Аннотация

Захолустный городок Хармонт, затерянный где-то на просторах Канады, место, в котором никогда ничего интересного не происходит, внезапно оказывается одной из "зон Посещения" - столкновения землян с загадочной цивилизацией. Людям не удается увидеть самих пришельцев - они удаляются так же внезапно, как и появились, оставив в Зоне множество удивительных предметов и явлений, странных, необъяснимых и чаще всего губительных. (Я.Г. Тестелец)

Пикник на обочине

Ты должна сделать добро из зла, потому что его больше не из чего сделать.
Р. П.УОРРЕН

Из интервью, которое специальный корреспондент Хармонтского радио взял у доктора Валентина Пильмана по случаю присуждения последнему Нобелевской премии по физике за 19... год.

— Вероятно, вашим первым серьезным открытием, доктор Пильман, следует считать так называемый радиант Пильмана!

— Полагаю, что нет. Радиант Пильмана — это не первое, не серьезное и, собственно, не открытие. И не совсем мое.

— Вы, вероятно, шутите, доктор. Радиант Пильмана — понятие, известное всякому школьнику.

— Это меня не удивляет. Радиант Пильмана и был открыт впервые именно школьником. К сожалению, я не помню, как его звали. Посмотрите у Стетсона в его «Истории Посещения» — там все это подробно рассказано. Открыл радиант впервые школьник, опубликовал координаты

впервые студент, а назвали радиант почему-то моим именем.

— Да, с открытиями происходят иногда удивительные вещи. Не могли бы вы объяснить нашим слушателям, доктор Пильман...

— Послушайте, земляк. Радиант Пильмана — это совсем простая штука. Представьте себе, что вы раскрутили большой глобус и принялись палить в него из револьвера. Дырки на глобусе лягут на некую плавную кривую. Вся суть того, что вы называете моим первым серьезным открытием, заключается в простом факте: все шесть Зон Посещения располагаются на поверхности нашей планеты так, словно кто-то дал по Земле шесть выстрелов из пистолета, расположенного где-то на линии Земля - Денеб. Денеб — это альфа созвездия Лебедя, а точка на небесном своде, из которой, так сказать, стреляли, и называется радиантом Пильмана.

— Благодарю вас, доктор. Дорогие хармонтцы! Наконец-то нам толком объяснили, что такое радиант Пильмана! Кстати, позавчера исполнилось ровно тринадцать лет со дня Посещения. Доктор Пильман, может быть, вы скажете своим землякам несколько слов по этому поводу!

— Что именно их интересует? Имейте в виду, в

Хармонте меня тогда не было...

— Тем более интересно узнать, что вы подумали, когда ваш родной город оказался объектом нашествия инопланетной сверхцивилизации...

— Честно говоря, прежде всего я подумал, что это утка. Трудно было себе представить, что в нашем старом маленьком Хармонте может случиться что-нибудь подобное. Гоби, Ньюфаундленд — это еще куда ни шло, но Хармонт!

— Однако в конце концов вам пришлось поверить.

— В конце концов — да.

— И что же?

— Мне вдруг пришло в голову, что Хармонт и остальные пять Зон Посещения... впрочем, виноват, тогда было известно только четыре... что все они ложатся на очень гладкую кривую. Я сосчитал координаты радианта и послал их в «Нэйчур».

— И вас нисколько не взволновала судьба родного города?

— Видите ли, в то время я уже верил в Посещение, но я никак не мог заставить себя поверить паническим корреспонденциям о горящих кварталах, о чудовищах, избирательно пожирающих стариков и детей, и о кровопролитных боях

между неуязвимыми пришельцами и в высшей степени уязвимыми, но неизменно доблестными королевскими танковыми частями.

— Вы были правы. Помнится, наш брат информатор тогда много напутал... Однако вернемся к науке. Открытие радианта Пильмана было первым, но, вероятно, не последним вашим вкладом в знания о Посещении!

— Первым и последним!

— Но вы, без сомнения, внимательно следили все это время за ходом международных исследований в Зонах Посещения...

— Да... Время от времени я листаю «Доклады».

— Вы имеете в виду «Доклады Международного института внеземных культур»?

— Да.

— И что же, по вашему мнению, является самым важным открытием за все эти тринадцать лет?

— Сам факт Посещения.

— Простите?

— Сам факт Посещения является наиболее важным открытием не только за истекшие тринадцать лет, но и за все время существования человечества. Не так уж важно, кто были эти пришельцы. Неважно, откуда они прибыли, зачем прибыли, почему так недолго пробыли и куда

девались потом. Важно то, что теперь человечество твердо знает: оно не одиноко во Вселенной. Боюсь, что институту (внеземных культур уже никогда больше не повезет сделать более фундаментальное открытие.

— Это страшно интересно, доктор Пильман, но я, собственно, имел в виду открытия технологического порядка. Открытия, которые могла бы использовать наша земная наука и техника. Ведь целый ряд очень видных ученых полагает, что находки в Зонах Посещения способны изменить весь ход нашей истории.

— Н-ну, я не принадлежу к сторонникам этой точки зрения. А что касается конкретных находок, то я не специалист.

— Однако вы уже два года являетесь консультантом Комиссии ООН по проблемам Посещения...

— Да. Но я не имею никакого отношения к изучению внеземных культур. В КОПРОПО я вместе со своими коллегами представляю международную научную общественность, когда заходит речь о контроле за выполнением решения ООН относительно интернационализации Зон Посещения. Грубо говоря, мы следим, чтобы инопланетными чудесами, добытыми в Зонах,

распоряжался только Международный институт.

— А разве на эти чудеса посягает еще кто-нибудь?

— Да.

— Вы. вероятно, имеете в виду сталкеров?

— Я не знаю, что это такое.

— Так у нас в Хармонте называют отчаянных парней, которые на свой страх и риск проникают в Зону и тащат оттуда все, что им удается найти. Это настоящая новая профессия.

— Понимаю. Нет, это вне нашей компетенции.

— Еще бы! Этим занимается полиция. Но было бы интересно узнать, что именно входит в вашу компетенцию, доктор Пильман...

— Имеет место постоянная утечка материалов из Зон Посещения в руки безответственных лиц и организаций. Мы занимаемся результатами этой утечки.

— Нельзя ли чуть поконкретней, доктор?

— Давайте лучше поговорим об искусстве. Неужели слушателей не интересует мое мнение о несравненной Гвади Мюллер?

— О, разумеется! Но я хотел бы сначала покончить с наукой. Вас как ученого не тянет самому заняться инопланетными чудесами?

— Как вам сказать... Пожалуй.

— Значит, можно надеяться, что хармонтцы в один прекрасный день увидят своего знаменитого земляка на улицах родного города?

— Не исключено.

1. Рэдрик Шухарт, 23 года, холост, лаборант Хармонтского филиала Международного института внеземных культур

Накануне стоим это мы в хранилище. Уже вечером — остается только спецовки сбросить и можно пройтись к Эрнесту принять капельку-другую крепкого. Я стою просто так, все дела сделал и уже сигарету наготове держу, а он все возится со своими сейфами: один загрузил и запер, а второй еще только загружает — берет «пустышки» одну за другой, каждую со всех сторон осматривает и осторожненько водворяет на полку. Опять он с ними целый день возился и опять без всякого толку. Я бы на его месте давно плюнул и другим бы чем-нибудь занялся за те же деньги. Хотя, с другой стороны, и его понять можно. «Пустышка» — штука забавная, замысловатая. Я их сколько повидал и перетаскал, а все равно, как увижу — не могу, удивляюсь. Два медных кружка в мою ладонь и миллиметров пять толщиной, а между ними — ничего. То есть совсем ничего, пусто. Можно руку просунуть, можно даже голову, если

ты совсем дурак, — пустота и пустота. И при всем при том что-то между ними все-таки есть, сила какая-то, как я понимаю. Чем-то они между собой связаны. Будто взяли стеклянную трубу, заткнули с обоих концов медными крышками, а потом труба куда-то пропала, да так ловко, что вроде бы и не пропадала совсем. Поставишь такую «пустышку» на попа — она тяжелая, сволочь, шесть с половиной кило, между прочим, — поставишь ее на попа, верхний кружок толкнешь — она падает, как, скажем, жестянка с апельсиновым соком, у которой только дно и крышка видны. Повалится, и вроде бы два колеса на одной оси, даже ось вроде бы мерещится, хотя, конечно, никакой оси на самом деле там нет. Обман зрения...

Да, так вот, он с этими «пустышками» второй месяц канителится. У него их четыре штуки; было три, а позавчера четвертую при тащили. Старик Барбридж нашел в Доме Без Крыши, патрули его накрыли, «пустышку» к нам, к Кириллу, а самого в кутузку. А что толку? Хоть их три. хоть четыре, хоть сто — все они одинаковые, и никогда в них никому ничего не понять. Но Кирилл все пытается. Есть у него гипотеза, будто это какие-то ловушки — то ли гидромагнитные, то ли гиромагнитные, то ли просто магнитные — высокая

физика, я этого ничего не понимаю. Ну, и в полном соответствии с этой гипотезой подвергает он «пустышки» разным воздействиям. Температурному, например, то есть накаляет их до полного обалдения. В электропечи. Или, скажем, химическому — обливает кислотами, кладет в газ под давлением. Под пресс тоже кладет, ток про пускает. В общем, много воздействий оказывает, но так пока ничего и не добился. Замучился только вконец. Он вообще смешной парень, Кирилл. Я этих ученых знаю, не первый год с ними вкалываю. Когда у них ничего не получается, они нехорошими делаются, грубить начинают, придираться, орут на тебя, как на холуя, так бы и дал по зубам. А Кирилл не такой. Он просто балдеет, глаза делаются, как у больной сучки, даже слезятся, что ему говоришь — не понимает, бродит по лаборатории, мебель роняет и всякую дрянь в рот сует: карандаш под руку попался — карандаш, пластилин попался — пластилин. Сунет и жует. И жалобно так спрашивает: «Почему же — говорит, — обратно пропорционально, Рэд? Не может быть, — говорит, — обратно. Прямо должно быть...»

Так вот. стоим мы с ним в хранилище, смотрю я на него, какой он серый стал, как он истомился,

и жалко мне чего-то его стало, сам не знаю чего. И словно меня кто-то за язык дернул.

— Слушай, — говорю, — Кирилл... — А он как раз стоит, «пустышку» перед собой держит, и с таким видом, словно так бы в нее и залез. — Слушай, — говорю, — Кирилл, а если бы у тебя такая же «пустышка» была бы, только полная, а?

— «Пустышка»? — повторяет он и брови сдвигает, как будто я ему бог весть какую сложную гипотезу предложил.

— Ну да, — говорю, — гидромагнитная твоя ловушка, как ее... объект «семьдесят семь бэ». Только с дерьмом каким-то внутри, с синеватым.

Смотрю — начало доходить. Поднял он на меня глаза, прищурился, и появился у него там за слезой какой-то проблеск разума, как он сам любит выражаться.

— Постой, — говорит он. — Полная? Вот такая же штука, только полная?

— Ну да.

— Где?

— Пойдем, — говорю, — покурим.

Он живо сунул «пустышку» в сейф, прихлопнул дверцу, запер на три с половиной оборота, и пошли мы с ним обратно в лабораторию. Честно говоря, я уже жалеть начал, что сболтнул. За пу-

стую «пустышку» Эрнест дает четыреста монет, а за полную и все шестьсот вырвать можно было бы. Но ходу назад мне уже не было, и я ему все рассказал: и какая она, и где лежит, и как к ней лучше всего подобраться. Он сразу же вытащил карту, нашел этот гараж, и по глазам его я вижу, что все он про меня понял, да и чего здесь было не понять?

— Что ж, говорит, — надо идти. Давай прямо завтра утром. В девять я закажу пропуска, а в десять выйдем. Давай?

— Давай, — говорю. — А кто еще пойдет?

— Ты да я...

— Э нет, — говорю. — Это не в бар прогуляться. А если что-нибудь с тобой случится?

Он посмотрел на меня, пощурился, усмехнулся.

— Без свидетеля не пойдешь?

— Зона, — говорю. — Порядок должен быть.

Другой бы на его месте шипеть стал, руками размахивать, расписки давать «прошу, мол, никого не винить». Он не такой. Не первый год работает, порядок в Зоне знает. Двое дело делают, третий смотрит, а когда его потом спросят — расскажет.

— Ну что ж, — говорит Кирилл. — Лично я бы взял Остина, но ты его, наверное, не захочешь.

Или ничего?

— Ну нет, — говорю. — Только не Остина. Остина ты в другой раз возьмешь.

Остин — парень неплохой, смелость и трусость у него в нужной пропорции, но уж больно он хвастун. Обязательно раззвонит, что-де ходил в Зону с Кириллом и Рэдриком, махнули прямо к гаражу, взяли, что надо, и сразу обратно. Как на склад сходили. И каждому ясно будет, что заранее знали, за чем идут. А к гаражу, между прочим, с пропуском никто никогда не ходил. Значит, кто-то навел. А уж кто навел — любой сообразит.

— Нет, — говорю. — Остин не годится.

— Ну, хорошо, — говорит Кирилл. — А Тендер? Тендер — это его лаборант. Ничего мужик, спокойный.

— Староват, — говорю я.

— Ничего. Он в Зоне бывал.

— Ладно, — говорю. — Тебе виднее. Тендер так Тендер.

В общем, он остался сидеть над картой, а я пошел прямиком в «Боржч». потому что жрать хотелось невмоготу и в глотке пересохло.

Ладно. Являюсь я утром, как всегда, к девяти, предъявляю пропуск, а в проходной дежурит этот дылда, сержант, которого я в прошлом году

отметелил, когда он к Гуте стал приставать по пьяному делу.

— Здорово, — он мне говорит. — Тебя, — говорит, — Рыжий, по всему институту ищут...

Тут я его так вежливо перебиваю:

— Прикуси, — говорю, — язык, сержант. Я за «рыжего» из людей бледных делал.

— Господи, — говорит, — Рыжий! Да тебя же так все зовут.

— Все не все, — говорю, — а язык прикуси. Он плюнул, вернул мне пропуск и докладывает:

— Рэдрик Шухарт, — говорит. — Вас срочно вызывает к себе уполномоченный отдела безопасности капитан Херцог.

— Вот так, — говорю я, — это другое дело. Учись, сержант, в фельдфебели произведут.

А сам думаю: что еще за новости? Какого это хрена я понадобился капитану Херцогу в служебное время? Ладно, прихожу. У него кабинет на третьем этаже, хороший кабинет, просторный. Сам Вилли сидит за своим столом, курит трубку и разводит какую-то писанину на машинке, а в углу копошится какой-то сержантик, новый какой-то, не знаю я его.

— Здравствуйте, — говорю я. — Вызывали?

Вилли смотрит на меня как на пустое место,

отодвигает машинку, кладет перед собой папку и начинает ее листать.

— Рэдрик Шухарт? — говорит.

— Он самый, — отвечаю, а самому смешно — сил нет.

— Сколько времени работаете в институте?

— Два года, третий, — говорю.

— Состав семьи?

— Два брата нас, — говорю. — Сиротки. Мал мала меньше. Тогда он поворачивается к тому сержантику и строго ему приказывает:

— Сержант Луммер, — говорит, — отправляйтесь в архив и принесите папку номер сто пятьдесят.

Сержантик козырнул и смылся, а Вилли захлопывает папку и мрачно так спрашивает:

— Опять за старое взялся?

— За какое такое старое? — говорю.

— Сам знаешь, за какое. Опять на тебя материал пришел.

Так, думаю.

— И откуда материал?

Он нахмурился и покачал головой.

— Это тебя не касается, — говорит. — Я тебя по старой дружбе предупреждаю. Болтаешь, наверное, много. А ведь во второй раз попадешься

— шестью месяцами не отделаешься. И из института тебя вышибут в два счета и навсегда. Понял?

— Понял, — говорю. — Одного я не понял: какая же это сволочь на меня настучала?

Но он уже опять смотрит на меня оловянными глазами и знай себе листает папку. Сержант, значит, пришел с делом номер сто пятьдесят.

— Хорошо, Шухарт, — говорит капитан Вилли Херцог, по прозвищу Боров. — Это все, что я хотел узнать. Можете идти.

Ну. я пошел в раздевалку, надел спецовку, закурил, а сам все думаю: откуда же это звон идет? Думал-думал, ничего не придумал и решил наплевать. Последний раз я в Зону ночью ходил три месяца назад, уже почти весь хабар сбыл и деньги почти все растратил. С поличным не поймали, а теперь хрен меня возьмешь, я скользкий. Но когда уже по лестнице в лабораторию поднимался, меня вдруг осенило; и только я Кирилла увидел, как сразу ему сказал:

— Что же это ты, — говорю, — треплешься? Не понимаешь, что ли, чем это для меня пахнет?

Он нахмурился и весь напрягся. Сразу видно: ни черта не понимает, о чем речь идет.

— Что случилось? — говорит. — О чем ты?

— Ты кому о гараже говорил?

— О гараже? Никому. А что?

— Да так, ничего, — говорю. — Какие будут распоряжения?

— Пойдем, прикинем маршрут, — говорит он.

— Какой маршрут?

Тут он, конечно, на меня вылупил глаза.

— То есть как — какой? Маршрут по Зоне.

— А что, — говорю, — в Зону сегодня идем разве?

Тут он. видно, что-то сообразил. Взял меня за локоть, отвел к себе в кабинетик, усадил за свой стол, а сам примостился рядом на подоконнике. Закурили. Молчим. Потом он осторожно так спрашивает:

— Что-нибудь случилось. Рэд7

— Нет, — говорю, — ничего не случилось. Вчера в покер двадцать монет продул этому... Дику. Здорово играет, шельма. У меня, понимаешь, на руках «стрит»...

— Подожди, — говорит он. — Ты что, раздумал?

Ну, у меня терпенье лопнуло. Не могу я с ним в такие игрушки играть.

— Да, — говорю, — раздумал. Трепло ты, — говорю. — Звонарь. Я тебе как человеку сказал, а ты раззвонился на весь город, уже до безопасно-

сти дошло... — Он на меня рукой замахал, но я все-таки закончил: — Я на таких условиях тебе не работник. Так и запомни, хотя вряд ли я тебе теперь когда-нибудь что-нибудь еще скажу.

Выразил я ему все это и замолчал. Опять у него несчастный вид сделался, и опять у него глаза стали, как у больной суки. Передохнул он этак судорожно, закурил новую сигарету от окурка старой и говорит мне тихо:

— Хочешь верь, Рэд. хочешь не верь, а я никому ни слова не говорил.

— Ну, не говорил — и хорошо.

— Я даже Тендеру еще ничего не говорил. Пропуск на него выписал, а самого даже не спросил, пойдет он или нет.

Я молчу, курю. Как он не понимает, что нельзя мне теперь идти? Опасно. Неважно, кто назвонил. Может быть, даже и не он, хотя если не он, то кто, спрашивается? Никакой сталкер, если он со всем не свихнулся, на пушечный выстрел к Зоне не подойдет, когда знает, что за ним следят. Мне сейчас в самый темный угол залезть надо. Какая, мол, Зона? Я туда, мол, и по пропускам-то не хожу который месяц...

— Слушай, Рэд. — говорит вдруг он. — А может быть, тебя совсем не из-за этого гаража на замет-

ку взяли. Мало что у тебя было раньше!

— Какая мне разница. — говорю.

— Но я же не звонил. Этому ты веришь?

— Верю, — соврал я, чтобы его успокоить.

Но он не успокоился. Соскочил с подоконника, прошелся по своему кабинетику взад-вперед, а сам бормочет расстроенно:

— Нет, брат, не веришь ты мне. А почему, собственно, не веришь? Зря ты мне не веришь.

Он, значит, но кабинетику бегает, а я сижу, дым пускаю и помалкиваю. Жалко мне его, конечно, и обидно, что так по-дурацки получилось. А кто виноват? А сам я и виноват. Кто меня за язык тянул? Поманил дитятю пряником, а пряник-то в заначке, и доставать его нельзя... Тут он перестает бегать, останавливается около меня и, глядя куда-то вбок, неловко спрашивает:

— Слушай, Рэд, спрашивает, — а сколько она может стоить — полная «пустышка»?

Я сначала его не понял, подумал сначала, что он у меня купить хочет, а денег у него, конечно, нет, откуда у него деньги, у иностранного специалиста, да еще русского? А потом меня словно обожгло: что же это он, сука, он что, думает, что я из-за зелененьких эту бодягу развел? Ах ты, думаю, стервец, за кого ты меня принимаешь?

А с другой стороны, как ему это не подумать? Ведь что такое сталкер? Сталкер — он сталкер и есть, ему бы только зелененьких побольше, он за зелененькие жизнью торгует. Вчера, значит, удочку забросил, а сегодня приманку вожу, цену набиваю. У меня даже язык отнялся от таких мыслей. А он вдруг ладонью о ладонь хлопнул, руки потер и бодрячком этаким объявляет:

— Ну, что ж, нет так нет. Я тебя понимаю, Рэд, и осуждать не могу. Пойду сам. Авось обойдется, не в первый раз...

Расстелил на подоконнике карту, уперся руками, сгорбился над ней, и вся его бодрость прямо-таки на глазах испарилась. Слышу — бормочет:

— Сто двадцать метров... Даже сто двадцать два... И что там еще в самом гараже... Нет, не возьму я Тендера. Как ты думаешь, Рэд, может, не стоит Тендера брать? Все-таки у него двое детей...

— Одного тебя не выпустят, — говорю я.

— Ничего, выпустят, — бормочет он. — У меня все сержанты знакомые. Не нравятся мне эти грузовики... Тринадцать лет под открытым небом стоят, а как новенькие... В двадцати шагах от них бензовоз — ржавый, как решето... а они — как с конвейера... Ох уж эта Зона!

Поднял он голову от карты и уставился в окно. И я тоже уставился в окно. Стекло в окне толстое, свинцовое, а за стеклом Зона-матушка — вот она, рукой подать, вся как на ладони с двенадцатого этажа. Так вот посмотришь на нее — земля как земля. Солнце на нее как на всю остальную землю светит, и ничего вроде бы на ней не изменилось, все вроде бы как тринадцать лет назад. Отец-покойник посмотрел бы, ничего бы особенного не заметил, разве что спросил бы, чего это завод не дымит, забастовка, что ли? Желтая порода конусами, кауперы на солнышке отсвечивают, рельсы, рельсы, рельсы, на рельсах паровозик с платформами... Индустриальный пейзаж, одним словом. Только людей нет. Ни живых, ни мертвых. Вон и гараж виден: длинная серая кишка, ворота нараспашку, а на асфальтовой площадке машины стоят. Тринадцать лет стоят, и ничего им не делается. Правильно он насчет машин отметил, соображает. Упаси бог между двумя машинами оказаться, их надо стороной обходить... там одна трещина есть в асфальте... если она с тех пор колючкой не заросла... Сто двадцать два метра... Это откуда же он считает? А, наверное, от крайней вешки считает. Правильно, так больше не будет. Все-таки продвигаются ученые...

Смотри, до самого отвала дорогу провесили, да как ловко провесили! Вон она, та канавка, где Слизняк гробанулся, всего в двух метрах от ихней дороги... А ведь говорил Барбридж Слизняку, держись от канав подальше, дурак, а то ведь и хоронить нечего будет... Как в воду глядел. Нечего хоронить. С Зоной ведь так: с хабаром вернулся — чудо; живой вернулся — удача; патрульная пуля — везенье; все остальное — судьба. Тут я посмотрел на Кирилла и вижу: он за мной искоса наблюдает. И лицо у него такое, что я в этот момент снова все перерешил. Он бы мог вообще ничего не говорить, но он сказал:

— Младший препаратор Шухарт, — говорит. — Из официальных — подчеркиваю: из официальных источников я получил сведения, что осмотр гаража может принести большую пользу науке. Есть предложение осмотреть гараж. Премиальные гарантирую. — А сам улыбается, как майская роза.

— Из каких же это официальных источников? — спрашиваю я и сам тоже улыбаюсь.

— Это конфиденциальные источники, — отвечает. — Но вам я могу сказать. — Тут он перестал улыбаться и насупился. — Скажем, от доктора Дугласа...

— А, — говорю, — от доктора Дугласа... От какого же это Дугласа?

— От Сэма Дугласа, — говорит он сухо. — На прошлой неделе он погиб в Зоне.

У меня мурашки по коже пошли. Кой черт! Разве о таких вещах перед выходом говорят? Хоть кол им на голове теши, ничего не соображают. Ткнул я окурок в пепельницу и говорю:

— Ладно. Где ваш Тендер? Долго мы его еще ждать будем?

В общем, больше мы на эту тему не говорили. Кирилл позвонил в ППС, заказал «летучую галошу», а я взял карту и посмотрел, что у них там нарисовано. Ничего нарисовано, в порядке. Фотографическим путем сверху и с большим увеличением. Даже рубчики на брошенной покрышке, у ворот гаража видны. Нашему бы брату сталкеру такие карты, а впрочем, черта от них толку, когда ночью задницу звездам показываешь и собственных рук не видишь. А тут и Тендер заявился. Красный, запыхался. Дочка у него заболела, за доктором бегал. Тут мы ему и поднесли подарочек — в Зону идти. Он даже задыхаться забыл, сердяга. «Как так — в Зону? — говорит. — Почему — я?» Однако, услыхав про двойные премиальные и про то, что Рэд Шухарт тоже идет,

оправился и задышал снова.

В общем, спустились мы в «будуар», Кирилл смотался за пропусками, предъявили мы их сержанту (этих сержантов в институте больше, чем в дивизии, да все такие дородные, румяные, кровь с молоком, им в Зону ходить не надо), предъявили мы, значит, наши пропуска сержанту, и выдал нам сержант по спецкостюму. Вот это хорошая вещь. Перекрасить бы его из красного в какой-нибудь подходящий цвет — любой сталкер за него пятьсот монет отвалит, глазом не моргнет. Я уж давно поклялся, что изловчусь как-нибудь, сопру один обязательно. На первый взгляд — ничего особенного, костюм такой, вроде водолазного, и шлем как у водолаза, с большим окном впереди. Даже не вроде водолазного, а скорее как у летчика-реактивщика или, скажем, у космонавта. Легкий, удобный, нигде не жмет, не давит, и от жары в нем не потеешь. Но в этом костюмчике и в огонь можно, и газ никакой через него не проходит. Пуля, говорят, и то не пробивает. Конечно, и огонь, и иприт какой-нибудь, и пуля — это все человеческое. В Зоне ничего этого нет, в Зоне не этого надо опасаться. Чего там говорить, в этих спецкостюмах тоже мрут как миленькие... Другое дело, что без костюмов, может быть, и еще

больше мерли бы. От «жгучего пуха», например, они на сто процентов спасают. Или от плевков «чертовой капусты». Ладно.

Натянули мы спецкостюмы эти и побрели через весь институтский двор к выходу в Зону. Так здесь у них это заведено — чтобы с все видели: вот, мол, идут герои науки, живот свой на алтарь класть во имя человечества, знания и святого духа, аминь. И точно, во все окна аж до двенадцатого этажа хайла повыставлялись, только что платочками не машут и оркестра нет.

— Шире шаг, — говорю я Тендеру. — И брюхо подбери. Похоронная команда... Меньше себя жалей, больше о деле думай, а благодарное человечество тебя не забудет.

Посмотрел он на меня, и вижу я, что ему не до шуток. Да и то верно, какие уж тут шутки. Но когда в Зону выходишь, то одно из двух: либо плачь, либо шути, а я сроду не плакал. Посмотрел я на Кирилла. Ничего держится, опять что-то бормочет — никак молится ?

— Что, — спрашиваю, — молишься? Молись, — говорю, — молись! В Зону дальше, к небу ближе.

— Что? — спрашивает.

— Молись! — кричу. — Погибших в Зоне господь без очереди принимает!

А он вдруг руку поднял и меня по плечу похлопал. Не бойся, мол, со мной, мол, не пропадешь, а если и пропадешь, то умираем, мол, один раз. Нет, он ничего парень. Смешной.

Сдали мы пропуска последнему сержанту — на этот раз, в порядке исключения, это лейтенант оказался, я его знаю, бардачник неуемный, — а «летучая галоша» уже тут как тут, подогнали ее ребята из ППС и поставили у самой проходной. Поднялись мы на «галошу». Кирилл встал за управление и говорит мне:

— Ну, Рэд, командуй.

Я без всякой торопливости приспустил «молнию> на груди, достал из-за пазухи флягу, хлебнул как следует, крышечку завинтил и флягу обратно за пазуху сунул. Не могу без этого. В который раз в Зону иду, а без этого нет, не могу. Они на меня смотрят и ждут.

— Так, — говорю. — Вам не предлагаю, потому что иду с вами впервые и не знаю, как на вас спиртное действует. Порядок у нас будет такой. Все, что я сказал, выполнять мигом и беспрекословно. Если кто замешкается, буду бить кулаком, извиняюсь заранее. Вот, например, я тебе, господин Тендер, прикажу: на руки встань и иди, так вот ты, господин Тендер, должен зад свой толстый

задрать и выполнять. А не выполнишь, дочку свою больную, может, и не увидишь больше. Но я уж позабочусь, чтобы ты увидел. Понятно?

— Понятно, — сипит Тендер, сам весь красный, уже потеет и губами шлепает. — Не новичок, — говорит. — Ты, Рэд, главное, приказать не забудь, а уж я на зубах пойду, не то что на руках.

— Вы для меня оба новички. — говорю. — А уж приказать я не забуду, не беспокойся. Кстати, «галошу» ты водить умеешь?

— Умеет, — говорит Кирилл. — Хорошо водит.

— Хорошо так хорошо, — говорю. — Тогда с богом. Опустить забрала! Малый вперед по вешкам, высота пять метров. У двадцать седьмой вешки остановишься.

Кирилл поднял «галошу» на пять метров и дал малый вперед, а я незаметно повернул голову и три раза тихонько дунул через левое плечо. Смотрю — лейтенант в дверях проходной торчит и честь нам, дурак, отдает. Тендер хотел было ему ручкой сделать, но я ему так в бок двинул, что у него сразу все прощания из головы вылетели. Я тебе покажу прощаться, морда твоя толстозадая. Поплыли.

Справа у нас был институт, слева — Чумной квартал, а мы шли от вешки к вешке по самой се-

редине улицы. Ох и давно же но этой улице никто не ходил и не ездил. Асфальт весь потрескался, трещины травой проросли, но это еще наша была трава, человеческая.

А вот на тротуаре по левую руку уже росла черная колючка, и по тому, как она росла, было видно, как четко Зона себя обозначает: заросли черной колючки у самой мостовой будто косой срезало. Нет, пришельцы эти все-таки порядочные ребята были. Нагадили, конечно, но сами же своему дерьму четкую границу обозначили. Ведь даже «жгучий пух», хотя его ветром как попало мотает, на нашу сторону из Зоны ни-ни. Дома в Чумном квартале облупленные, мертвые, но стекла в окнах почти везде целы, грязные только и потому вроде бы слепые. А вот ночью, когда проползаешь, очень хорошо видно, как внутри светится, словно спирт горит, язычками такими голубоватыми. Это «ведьмин студень» из подвалов дышит.

Так вот на квартал посмотришь — квартал как квартал, дома как дома, ремонта, конечно, требуют, а в общем, ничего особенного нет, людей только не видно. А вот в этом доме кирпичном, между прочим, наш учитель арифметики жил, но прозвищу Запятая. Дурак был и неудачник, тре-

тья жена у него ушла перед самым Посещением, а у дочки бельмо на глазу было, мы ее, помню, до слез задразнивали. Когда паника началась, он со всеми прочими из этого квартала в одном белье до самого моста бежал, все шесть километров без передышки. Потом долго чумкой болел, вся кожа с него слезла. Да кто в этом квартале жил — почти все переболели, поэтому-то и квартал Чумным называется. Некоторые померли, но в большинстве старики, да и то не все. Я. например, думаю, что они не от чумки померли, а от страху. Странное дело — кто в этом квартале жил, чумкой болел, а вот в следующих трех кварталах люди слепли; так кварталы теперь и называются — Первый Слепой. Второй Слепой... Не до конца слепли, а так, что-то вроде куриной слепоты. Рассказывают, между прочим, что ослепли они будто бы не от вспышки какой-нибудь там, хотя вспышки, говорят, были, а от сильного грома. Загремело, говорят, с такой силой, что сразу ослепли. Доктора им: да не может этого быть, мол, вспомните хорошенько — нет, стоят на своем: сильнейший грохот, от которого они и ослепли. И при этом никто, кроме них, грома не слыхал...

Да, будто здесь ничего и не случилось. Вон киоск стоит стеклянный, целехонек. Детская

коляска в воротах, даже белье в ней будто чистое. Вот антенны только подвели: обросли какими-то волосами вроде мочала. Ученые наши на эти антенны все зубы точат — интересно, видите ли, им посмотреть, что это за мочало, нигде такого больше нет, только в Чумном квартале и только на антеннах. В прошлом году догадались: с вертолета якорь спустили на стальном тросе, зацепили одну. Только он потянул — вдруг «пш-ш-ш!» — смотрим: от антенны дым, от якоря дым, и трос уже дымится, да не просто дымится, а с жутким таким шипением, вроде как гремучая змея. Ну, пилот, даром что лейтенант, быстро сообразил, что к чему. Трос выбросил, а сам деру дал. Вон он, этот трос, висит, до земли почти свисает и сам теперь мочалом оброс...

Так потихоньку-полегоньку доплыли мы до конца улицы, до по ворота. Кирилл посмотрел на меня: сворачивать? Я ему махнул: «самый малый». Повернула наша «галоша» и пошла самым малым над последними шагами человеческой земли. Тротуар ближе, ближе, вот уже и тень «галоши» на колючки наехала... Все. Зона. И сразу такой озноб по коже. Каждый раз у меня этот озноб, и я не знаю до сих пор, то ли это Зона так встречает, то ли нервишки у сталкера шалят.

Каждый раз думаю: вернусь и спрошу, у других то же самое или нет? — и каждый раз забываю. Ну, ладно, ползем потихоньку над бывшими огородами, двигатель под ногами гудит ровно, спокойно, ему-то ничего, его не тронут. И тут мой Тендер не выдержал. Не успели мы еще до первой вешки дойти, как принялся он болтать. Ну, как обычно новички болтают в Зоне: зубы у него стучат, сердце заходится, себя плохо помнит, и стыдно ему, и удержаться не может. Я думаю, это вроде поноса, от человека не зависит, а льет себе и льет. И чего только они не болтают! То начнет пейзажем восхищаться, то свои соображения по поводу Посещения примется высказывать, а то и вообще к делу не относящееся — вот как Тендер сейчас про новый свой костюм завел и остановиться не может: сколько он заплатил за него, да какая шерсть тонкая, да как ему портной пуговицы менял...

— Замолчи, — говорю.

Он грустно так на меня посмотрел, губами пошевелил — и снова. А огороды уже кончаются, глинистый пустырь пошел, где раньше свалка городская была, и чувствую я — ветерком здесь тянет. Только что никакого ветра не было, а тут вдруг потянуло, пылевые чертики побежали, и

вроде бы я что-то слышу.

— Молчи, сволочь. — говорю я Тендеру.

Нет, никак не может остановиться. Ну, тогда извини.

— Стой, — говорю Кириллу.

Он немедленно тормозит. Реакция хорошая, молодец. Тогда я беру Тендера за плечо, поворачиваю его к себе и ладонью с размаху ему по забралу. Треснулся он, бедняга, носом в окошко, глаза закрыл и замолчал. И только он замолчал, как я слышу: тр-ррр... тр-ррр... тр-ррр... Кирилл на меня смотрит, зубы стиснуты, рот оскален. Я рукой ему показываю: стой, мол, стой, ради бога, не шевелись. Но ведь он тоже слышит, и, как у всех новичков, у него сразу позыв: действовать, делать что-нибудь. «Задний ход?» — шепчет. Я ему отчаянно головой мотаю, кулаком перед самым шлемом потряс: нишкни, мол. Эх, мать честная, с этими новичками не знаешь, куда смотреть: то ли в Зону смотреть, то ли на них смотреть. И тут я про все забыл. По-над кучей старого мусора, над битым стеклом и тряпьем разным поползло этакое дрожание, трепет какой-то, ну как горячий воздух над железной крышей в полдень, перевалило через бугор и пошло, пошло, пошло нам наперерез, рядом с вешкой прошло, над самой

дорогой задержалось, постояло с полсекунды — или это мне показалось так? — и утянулось в поле, за кусты, за гнилые заборы, туда, к кладбищу старых машин.

Мать их, ученых, в чертову душу, надо же, сообразили, где дорогу провесили: по выемке! Но и я тоже хорош — как же не сообразил, когда на карту смотрел?

— Давай малый вперед. — говорю Кириллу.

— А что это было?

— А хрен его знает. Было и нету, и слава богу. И заткнись, пожалуйста. Ты сейчас не человек, понял? Ты сейчас машина, рычаг мой...

Сказал и спохватился, что меня, похоже, тоже словесный понос одолевать начинает.

— Все, — говорю. — Ни слова больше.

Хлебнуть бы сейчас. Достать из-за пазухи родимую, свинтить колпачок не торопясь, по горлышко на нижние зубы положить и голову задрать, чтобы полилось, в самую глотку полилось, продрало бы, слезу выточило... а потом флягу покачать и еще раз приложиться. Дерьмо эти скафандры, вот что я вам скажу. Без скафандра я, ей-богу, столько прожил и еще столько же проживу, а без хорошего глотка в такой вот момент... Ну да ладно.

Ветерок вроде бы упал, и ничего дурного вокруг не слышно, только двигатель гудит, ровно так, спокойно. Вокруг солнце, вокруг жара, над гаражом марево, все вроде бы нормально, вешки одна за другой мимо проплывают. Тендер молчит, Кирилл молчит — шлифуются новички. Ничего, ребята, в Зоне тоже дышать можно, если умеючи. А вот и двадцать седьмая вешка — железный шест и красный круг на нем с номером двадцать семь. Кирилл на меня посмотрел, я ему кивнул, и наша «галоша» остановилась.

Цветочки кончились, теперь начинаются ягодки. Теперь самое главное для нас полнейшее спокойствие. Торопиться некуда, видимость хорошая, ветра нет, все как на ладони. Вон канава проходит, где Слизняк гробанулся — пестрое там что-то виднеется, может, тряпье его. Паршивый был парень, упокой господи его душу, жадный, глупый, грязный, а вообще-то Зона не спрашивает, плохой ты или хороший, и спасибо тебе. Слизняк, дурак ты был, а умным людям показал, куда ступать нельзя... Так. Конечно, лучше всего добраться бы нам теперь до асфальта. Асфальт ровный, на нем все виднее, и трещина эта там знакомая. Только не нравятся мне эти бугорочки. Если по прямой к асфальту идти, как раз между

ними проходить придется. Ишь. стоят, будто ухмыляются, ожидают. Нет, промежду вами я не пойду. Вторая заповедь сталкера: справа или слева должно быть все чисто на сто шагов. А вот через левый бугорочек перевалить можно... правда, не знаю я, что там за ним. На карте как будто ничего нет, но кто же картам верит?

— Слушай, Рэд, — шепчет мне Кирилл. — Давай прыгнем, а? На двадцать — тридцать метров вверх и сразу вниз, и мы у гаража, а?

— Молчи, дурак. — говорю я. — Не мешай, молчи...

На двадцать метров вверх... А долбанет тебя там, на двадцати метрах? Костей ведь не соберешь. Или «комариная плешь» здесь где-нибудь есть... Тут не то что костей, мокрого места не останется.

Ох уж эти рисковые, не терпится ему. видишь ты... Давай прыгнем... В общем, как до бугра идти — ясно, а там постоим, посмотрим. Сунул я руку в наколенный карман и вытащил горсть гаек. Показал их Кириллу на ладони и говорю:

— Мальчика с пальчик помнишь? Проходил в школе? Так вот. сейчас будет все наоборот. Смотри! — и бросил я первую гаечку. Недалеко бросил, как положено — метров на десять, и гаечка прошла нормально. — Видел?

— Ну? — говорит.

— Не «ну», а видел, я спрашиваю?

— Видел.

— Теперь самым малым веди «галошу» к этой гаечке и, двух шагов до нее не доходя, остановись. Понял?

— Понял. Гравитационные ноля ищешь?

— Что надо, то и ищу. Подожди, я еще одну брошу, следи, куда упадет, и глаз с нее больше не спускай.

Бросил я еще одну гайку. Само собой, тоже прошла нормально и легла рядом с первой.

— Давай, — говорю.

Тронул он галошу. Лицо у него спокойное и ясное сделалось: видно, все понял. Они ведь все, ученые, такие. Им главное — название придумать. Пока не придумал — смотреть на него жалко, дурак дураком. Ну а придумает тут ему словно все понятно становится. Словно жить ему легче.

Прошли мы первую гайку, прошли вторую. Потом и третью прошли. Тендер вздыхает, с ноги на ногу переминается, обвыкся немного, и теперь ему, видите ли, скучно. А может, не скучно, а томно.

— По сторонам посматривай. — говорю ему.

— Видишь ведь, мы заняты.

— А чего посматривать? — удивляется. — Все тихо...

Пришлось припугнуть:

— Вот врежет нам сзади или сбоку, тогда узнаешь, как тихо. В Зоне чем тише, тем опаснее.

Все. Доконал парня. Завертелся Тендер, аж «галоша» закачалась. Ничего, это ему на пользу. Бросил я четвертую гаечку. Как-то она не так прошла. Не могу объяснить, в чем дело, но чувствую, что не так, и сразу хватаю Кирилла за руку.

— Стой, — говорю, — ни с места.

А сам взял пятую и кинул повыше и подальше. Вот она, «плешь комариная». Гаечка вверх полетела нормально, вниз — тоже вроде бы нормально было пошла, но на полпути ее словно кто-то вбок и вниз дернул, да так дернул, что она в глину ушла и из глаз исчезла.

— Видал? — говорю шепотом.

— В кино только видал, — говорит. Сам весь вперед подался, того и гляди с «галоши» сверзится. — Брось еще одну, а?

Смех и грех. Одну! Да разве здесь одной обойдешься? Эх, наука! Ладно, разбросал я еще восемь гаек; честно говоря, семи хватило бы, но одну я специально для него бросил, в самую середку

«комариной плеши» — пусть полюбуется на свое гравитационное. Ахнула она об глину, как будто не гаечка упала, а пятипудовая гиря. Ахнула и как прилипла. Он даже закряхтел от удовольствия.

— Ну ладно, — говорю, — побаловались, и хватит. Сюда смотри. Кидаю проходную, глаз с нее не спускай.

Короче, обошли мы «комариную плешь» и на бугорочек поднялись. Бугорочек этот — как кот нагадил, я его до той поры вообще не примечал. Да. Ну, зависли мы над бугорочком, до асфальта рукой подать, шагов двадцать. Место чистейшее. Каждую травинку видно, каждую трещинку. Казалось бы, ну что — кидай гайку, и с богом.

Не могу кинуть гайку.

Сам не понимаю, что со мной делается, а гайку кинуть никак не решусь.

— Ты что? — говорит Кирилл. — Чего мы стоим?

— Подожди, — говорю. — Замолчи, ради бога.

Сейчас, думаю, кину гаечку, спокойненько пройдем, а там асфальт... И тут вдруг пОтом меня как прошибет, даже глаза залило. и уже знаю я, что гаечку я туда кидать не буду. Влево — пожалуйста, хоть две. И дорога туда длиннее, и камушки какие-то я там вижу не шибко прият-

ные, но туда я гаечку кинуть берусь, а прямо — ни за что. И кинул я гаечку влево. Кирилл ничего не сказал, повернул «галошу», подвел к гайке и только тут на меня посмотрел. И вид у меня, должно быть, был нехороший, потому что он тут же глаза отвел.

— Ничего, — я ему говорю. — Кривой дорогой ближе. — И кинул последнюю гаечку на асфальт.

Дальше дело пошло проще. Нашел я свою трещинку, чистая она оказалась, милая моя, никакой дрянью не заросла, цвет не переменила, смотрел я на нее и тихо радовался. И довела она нас до самых ворот гаража лучше всяких вешек.

Приказал я Кириллу снизиться до трех метров, лег на живот и стал смотреть в раскрытые ворота. Сначала с солнца ничего не было видно, черно и черно, потом глаза привыкли, и вижу я, что в гараже с тех пор ничего вроде бы не переменилось. Тот грузовик как стоял на яме, так и стоит, целенький стоит, без дыр, без пятен, и на цементном полу вокруг все как прежде — потому, наверное, что «ведьмина студня» в ямине мало скопилось, не выплескивался он с тех пор ни разу. Одно мне только не понравилось: в самой глубине гаража, где канистры стоят, серебрится что-то. Раньше этого не было. Ну ладно, серебрится так

серебрится, что ж теперь, возвращаться, что ли, из-за этого? Ведь не как-нибудь так особенно серебрится, а чуть-чуть, спокойно так, вроде бы даже ласково. Поднялся я, отряхнул брюхо и огляделся. Вон четыре машины на площадке стоят, действительно, как новенькие, с тех пор, как я в последний раз здесь был, они вроде бы еще новее стали, а бензовоз вот совсем, бедняга, проржавел, скоро разваливаться начнет. Вон и покрышка у ворот валяется, которая на карте значится...

Не понравилась мне эта покрышка. Тень от нее какая-то ненормальная. Солнце в спину светит, а тень к нам протянулась. Ну да ладно, до нее далеко... В общем, ничего, работать можно. Только что это там все-таки серебрится? Или это мерещится мне? Сейчас бы закурить, конечно, присесть тихонечко и поразмыслить — почему около канистр серебрится, почему поодаль не серебрится... тень почему такая от покрышки... Старик Барбридж про тени что-то рассказывал, диковинное что-то, но безопасное... С тенями здесь бывает. А вот что это там все-таки серебрится? Ну ровно паутина в лесу на деревьях. Какой же это паучок ее там сплел. Ох, ни разу и жизни жучков-паучков я в Зоне не видел. И хуже всего, что пустышка моя как раз там, шагах в трех от канистр, валяется.

Надо мне было тогда же ее и упереть, никаких забот сейчас бы не было. Но уж больно тяжелая, стерва, не зря полная, поднять-то я ее мог, но на себе тащить, да еще ночью, да еще на карачках... а кто «пустышек» ни разу не таскал, пусть попробует, это все равно, что пуд воды без ведра нести... Так идти, что ли? Надо идти. Хлебнуть бы сейчас... Повернулся я к Тендеру и говорю:

— Сейчас мы с Кириллом спустимся вниз и пойдем в гараж. Ты остаешься здесь за водителя. К управлению без моего приказа не прикасайся, что бы ни случилось. Хоть земля под тобой загорится. Если струсишь — на том свете найду, тогда молись.

Он серьезно мне покивал — не струшу, мол. Нос у него — ровно слива, здорово я ему дал. Ну, спустил я тихонечко аварийные блок-тросы, посмотрел еще раз на это серебрение, кивнул Кириллу и стал спускаться. Встал на асфальт, жду. пока Кирилл спустится по другому тросу.

— Не торопись, — говорю, — не спеши. Меньше пыли.

Стоим мы на асфальте, «галоша» над нами покачивается, тросы под ногами ерзают. Тендер башку через перила выставил, на нас смотрит. Надо идти. Я говорю Кириллу:

— Иди за мной шаг в шаг, на два шага позади, смотри мне в спину, не зевай.

И пошел. Остановился я на пороге, огляделся. Все-таки до чего же проще работать днем, чем ночью. Помню я, как лежал вот на этом самом месте. Темно, как у негра в ухе, из ямы «ведьмин студень» языки выбрасывает, голубые, как спиртовое пламя, и ведь что обидно — ничего, сволочь, не освещает, даже темнее из-за этих языков кажется. А сейчас что — глаза к сумраку привыкли, все как на ладони, даже в самых темных углах пыль видно. Вот тут-то я и напортачил: привык один работать, у самого глаза пригляделись, а про Кирилла-то я и забыл. Шагнул это я внутрь и прямо к канистрам. Действительно, серебрится что-то, нити какие-то от канистр тянутся к потолку — очень на паутину похожие. Может, паутина и есть, но лучше от нее подальше. Присел я над «пустышкой» на корточки. К ней паутина вроде бы не пристала. Взялся я за один конец и говорю Кириллу:

— Ну. берись, да не урони — тяжелая...

Глянул я на него, и горло у меня схватило: ни слова не могу сказать. Хочу крикнуть: стой, мол, замри! — и не могу. Да и не успел бы, наверное, больно быстро все получилось. Кирилл шагает

через «пустышку», поворачивается к канистрам задом и всей спиной — в это серебрение. Я только глаза закрыл. Все во мне обмерло, ничего не слышу — слышу только, как эта паутина рвется. Со слабым таким сухим треском, словно обыкновенная паутина порвалась, только погромче. Сижу я с закрытыми глазами, ни рук, ни ног не чувствую, а Кирилл говорит:

— Ну что ты? — говорит. — Взяли?

— Взяли, — говорю.

Подняли мы «пустышку» и понесли к выходу, боком идем. Тяжеленная стерва, даже вдвоем ее тащить нелегко. Вышли мы на солнышко, остановились под «галошей», Тендер к нам уже лапы протянул.

— Ну. — говорит Кирилл, — раз, два...

— Нет, — говорю. — погоди. Поставим сначала.

Поставили.

— Повернись. говорю, — спиной.

Он без единого слова повернулся. Смотрю я — ничего у него на спине нет. Я и так. я и этак — нет ничего. Тогда я поворачиваюсь и смотрю на канистры. И там ничего нет.

— Слушай, — говорю я Кириллу, а сам все на канистры смотрю. — Ты паутину видел?

— Где?

— Ладно, — говорю. — Счастлив наш бог. — А сам думаю: сие, впрочем, пока неизвестно. — Давай, — говорю, — берись.

Взвалили мы «пустышку» на «галошу», поставили на попа, что бы не каталась. Стоит она, голубушка, новенькая, чистенькая, на меди солнышко играет, и синяя начинка между медными кружками туманно так переливается, струйчато. И видно теперь, что не «пустышка» это, а именно вроде сосуда, вроде стеклянной банки с синим сиропом. Полюбовались мы на нее, вскарабкались на «галошу» сами и без лишних слов в обратный путь. Лафа этим ученым. Во-первых, днем работают. А во-вторых, тяжело им только в Зону ходить, а из Зоны «галоша» сама везет, есть у нее такое устройство, курсограф, что ли, которое «галошу» точно по тому же курсу обратно ведет, по которому «галошу» сюда привели. Плывем мы обратно, все маневры повторяем: останавливаемся, повисим немного и дальше, и над всеми моими гайками проходим, хоть собирай их.

Новички мои, конечно, сразу духом воспрянули. Головами вертят, страху в них почти не осталось, одно любопытство да радость, что все благополучно обошлось. Болтать было принялись: Тендер руками замахал и принялся

грозиться, что вот вернется, пообедает и сразу обратно в Зону, дорогу к гаражу провешивать, а Кирилл взял меня за рукав и начал про свое гравитационное поле, про «комариную плешь» то есть, втолковывать. Ну, я их не сразу, правда, но укоротил. Спокойненько так рассказал им, сколько дураков на обратном пути с радости гробанулись. Молчите, говорю, и глядите лучше по сторонам, а то будет с вами как с Линденом-Коротышкой. Подействовало. Даже не спросили, что случилось с Линденом-Коротышкой. И хорошо. В Зоне по знакомой тропке сто раз благополучно пройдешь, а на сто первый гробанешься. Плывем в тишине, а я об одном думаю: как колпачок свинчивать буду. Представляю я себе, как первый глоток сделаю, а перед глазами нет-нет да паутинки и блеснут.

Короче говоря, выбрались мы из Зоны, загнали нас с «галошей» вместе в «вошебойку», в санитарный ангар то есть. Мыли нас там в трех кипятках и трех щелоках, облучали какой-то сволочью, обсыпали чем-то и снова мыли, потом высушили и сказали: валяйте, ребята, свободны. Тендер с Кириллом «пустышку» поволокли — народу набежало смотреть, не протолкнешься, и ведь что характерно: все только смотрят, а взяться

и помочь усталым людям тащить — ни одного смелого не нашлось. Ладно, меня это все не касается. Меня теперь ничего не касается. Стянул я с себя спецкостюм, бросил его прямо на пол — холуи-сержанты подберут, — а сам по шел прямо в душевую, потому что мокрый я был весь с головы до ног. Заперся в кабинке, вытащил флягу, отвинтил колпачок и присосался к ней, как клоп. Сижу на лавочке, в коленках пусто, в голове пусто, в душе пусто, знай себе глотаю крепкое, как воду. Живой. Отпустила Зона. Отпустила, сука. Стерва родимая. Подлая. Живой. Ни хрена новичкам этого не понять. Никому, кроме сталкера, этого не понять. И текут у меня по щекам слезы — то ли от крепкого, то ли не знаю от чего. Высосал флягу досуха, сам мокрый, фляга сухая. Одного последнего глотка, конечно, не хватило. Ну ладно, это поправимо. Закурил сигарету, сижу. Чувствую — отходить начал. Премиальные в голову пришли. Это у нас в институте поставлено отчетливо. Прямо хоть сейчас иди и получай конвертик. А может, и сюда принесут, прямо в душевую.

Стал я потихоньку раздеваться. Снял часы, смотрю — а в Зоне-то мы пробыли пять часов с минутами, господа мои. Пять часов. Меня аж передернуло. Да, господа мои, в Зоне времени

нет. Пять часов. А если разобраться, что такое для сталкера пять часов? Плюнуть и растереть. А двенадцать часов не хочешь? А двое суток не хочешь, когда за ночь не успел, целый день в Зоне лежишь рылом в землю и уже не молишься даже, а вроде бы бредишь и сам не знаешь, живой ты или мертвый, а во вторую ночь дело сделал, с хабаром к кордону подобрался, а там патрули-пулеметчики, и снова рылом в землю — молиться до темноты, а хабар рядом лежит, и ты даже не знаешь, то ли он просто лежит, то ли он тихонько убивает. Или как Мослатый Исхак застрял на рассвете на открытом месте, сбился с дороги и застрял между двумя канавами — ни вправо, ни влево. Два часа по нему стреляли, попасть не могли, два часа он мертвым притворялся, а потом не выдержал все-таки, встал во весь рост и пошел прямо на пулемет. Царство ему небесное, хороший был мужик, такие долго не живут, мы с Барбриджем в ста шагах от него за камушком лежали, он нас выручил. Не заметили нас. Шлепнули его и ушли.

Ладно, отер я слезы и включил воду. Долго мылся. Горячей мыл ся, холодной мылся, снова горячей. Мыла целый кусок извел. Потом надоело. Выключил душ и слышу: барабанят в дверь, и

Кирилл весело орет:

— Эй, сталкер, вылезай! Зелененькими пахнет! Зелененькими — это хорошо. Открыл я дверь, стоит Кирилл, голый, веселый, и конверт мне протягивает.

— Держи, — говорит, — от благодарного человечества.

— Кашлял я на твое человечество. Сколько здесь?

— В виде исключения и за геройское поведение в опасных обстоятельствах — два оклада.

Да. Так жить можно. Если бы мне здесь за каждую «пустышку» по два оклада платили, я бы давно Эрнеста подальше послал.

— Ну как, доволен? — спрашивает Кирилл, а сам сияет — рот до ушей.

— Я-то доволен, — говорю. — А ты-то как?

Он ничего не сказал. Обхватил меня за шею, прижал к потной своей груди, притиснул, оттолкнул и скрылся в соседнюю кабинку.

— Эй! — кричу ему вслед. — А Тендер что? Подштанники, небось, меняет?

— Что ты! — говорит. — Тендера там корреспонденты окружили, ты бы на него посмотрел, какой он важный! Как он там компетентно излагает...

— Как, — говорю, — излагает?

— Компетентно.

— Ладно, — говорю, — сэр. В следующий раз захвачу словарь, сэр. — И тут меня словно током ударило. — Подожди, Кирилл. — говорю. — Ну-ка выйди сюда.

— Да я уж трусы снял, — говорит.

— Выйди, я не баба.

Ну, он вышел. Взял я его за плечи, повернул спиной. Нет. Показалось. Чистая спина. Струйки пота засохли.

— Чего тебе моя спина далась? — он спрашивает.

Дал я ему пинка под голую задницу, нырнул к себе в душевую и заперся. Нервы, черт бы их подрал. Там мерещилось, здесь мерещится... К дьяволу все это. Напьюсь сегодня, как зюзя. Хорошо бы Ричарда ободрать... Надо же, стервец, как играет! Ни с какой картой его не возьмешь. Я и передергивать пробовал, и карты под столом крестил, и по-всякому...

— Кирилл! — кричу. — В «Боржч» сегодня придешь?

— Не в «Боржч», а в «Борщ», сколько раз тебе говорить...

— Брось! Написано «Боржч». Ты со своими порядками к нам не суйся. Так придешь или нет?

Ричарда бы ободрать...

— Ох, не знаю, Рэд. Я сейчас помоюсь — и в лабораторию. Ты ведь, простая твоя душа, и не понимаешь, какую мы штуку притащили...

— А ты-то понимаешь?

— Я, впрочем, тоже не понимаю. Это верно. Но теперь, во-первых, понятно, для чего эти «пустышки» служили, а во-вторых, если одна моя идейка пройдет... Напишу статью и тебе ее персонально посвящу: «Рэдрику Шухарту, почетному сталкеру, с благоговением и благодарностью посвящаю».

— Тут-то меня и упекут на два года. — говорю я.

— Зато в историю войдешь! Так эту штуку и будут называть: Банка Шухарта. Звучит, а?

Пока мы так трепались, я оделся, сунул пустую флягу в карман, пересчитал зелененькие и пошел себе.

— Счастливо тебе оставаться, сложная твоя душа...

Он не ответил, видно, вода сильно шумела.

Смотрю, в коридоре — господин Тендер собственной персоной, красный весь, надутый, что твой индюк. Вокруг него толпа — тут и сотрудники, и корреспонденты, и пара сержантов

затесалась, а он знай себе болбочет. «Та техника, которой мы располагаем, — болбочет, — дает почти стопроцентную гарантию успеха и безопасно сти...» Тут он меня увидал и сразу как-то подсох, улыбается, ручкой делает. Ну, думаю, надо удирать. Рванул я когти, но не успел. Слышу — топочут позади.

— Господин Шухарт! Господин Шухарт! Два слова о гараже!

— Комментариев не имею, — говорю и перехожу на бег. Черта с два от них оторвешься: один с микрофоном справа, другой с фотоаппаратом слева.

— Видели ли вы в гараже что-нибудь необычное? Буквально два слова.

— Нет у меня комментариев! — говорю я, стараясь держаться к фотографу затылком. — Гараж как гараж.

— Благодарю вас. Какого вы мнения о турбоплатформах ?

— Прекрасного, — говорю я, а сам нацеливаюсь точненько в сортир.

— Что вы думаете о цели Посещения?

— Обратитесь к ученым, — говорю. И раз — за дверь. Слышу — скребутся. Тогда я им через дверь говорю:

— Настоятельно рекомендую, — говорю, — расспросите господина Тендера, почему у него нос, как свекла. Он по скромности замалчивает, а это было самое наше увлекательное приключение.

Как они вдарят по коридору! Как лошади, ей-богу. Я выждал минутку — тихо. Высунулся — никого. И пошел себе, посвистывая. Спустился в проходную, предъявил дылде пропуск — смотрю, он мне честь отдает. Герою дня. значит.

— Вольно, сержант, — говорю. — Я вами доволен.

Он осклабился, как будто я ему бог весть как польстил.

— Ну, ты, Рыжий, молодец. — говорит. — Горжусь, — говорит, — таким знакомством.

— Что, — говорю, — будет тебе в твоей Швеции о чем девкам рассказывать?

— Спрашиваешь! — говорит. — Они же кипятком писать будут.

Нет, ничего он парень. Я. честно говоря, таких рослых и румяных не люблю. Девки от них без памяти, а чего, спрашивается? Не в росте ведь дело. Иду это я по улице и размышляю, в чем же тут дело. Солнышко светит, безлюдно вокруг. И захотелось мне вдруг прямо сейчас же Гуту увидеть. Просто так. Посмотреть на нее, за руку

подержать. И не потому что я слюнтяй какой нибудь или, скажем, романтик. Просто я знаю, что после Зоны только одно и остается — за руку держать. Зона — она хуже ста баб человека измочаливает. Особенно когда вспомнишь все эти разговоры про детей сталкеров, какие они получаются. Да уж, какая сейчас Гута, мне сейчас для начала бутылку крепкого, не меньше.

Миновал я автомобильную стоянку, а там и кордон. Стоят две патрульные машины во всей своей красе, широкие, желтые, прожекторами и пулеметами, жабы, ощетинились, ну и, конечно, голубые каски, всю улицу загородили, не протолкнешься. Я иду, глаза опустил, лучше мне сейчас на них не смотреть, днем мне на них лучше не смотреть: есть там два-три рыла, так я боюсь их узнать, скандал большой получится, если я их узнаю. Повезло им, ей-богу, что Кирилл меня в институт сманил, я их, сук, искал тогда, пришил бы и не дрогнул. Прохожу я через эту толпу плечом вперед, прошел уже и тут слышу: «Эй, сталкер!» Ну, это меня не касается, иду дальше, тащу из пачки сигаретку. Догоняет сзади кто-то, берет за плечо. Я эту руку с плеча стряхнул и. не оборачиваясь, вежливенько так спрашиваю:

— Какого хрена вам надо, мистер?

— Постой, сталкер. — говорит.— Два вопроса.

Поднял я на него глаза — капитан Квотерблад. Старый знакомый. Совсем ссохся, желтый стал какой-то.

— А, — говорю, — здравия желаю, капитан. Как ваша печень?

— Ты, сталкер, мне зубы не заговаривай, — требует он, а сам так и сверлит меня глазами. — Ты мне лучше скажи, почему сразу не останавливаешься, когда тебя зовут? И уже тут как тут две голубые каски у него за спиной, лапы на кобурах, глаз не видно, только челюсти под касками шевелятся. И где у них в Канаде таких набирают? Вот что значит — давно народ не воевал... Днем я патрулей вообще-то не боюсь, но вот обыскать, суки, могут, а мне это сейчас ни к чему.

— Что вы, капитан? — говорю. Разве вы меня звали? Вы какого-то сталкера...

— А ты, значит, уже не сталкер?

— Как по вашей милости отсидел — бросил, — говорю. — Завязал. Спасибо вам, капитан, глаза вы мне тогда открыли. Если б не вы...

— Что в нрдзоннике делал?

— Как — что? Я там работаю. Два года уже.

И чтобы кончить этот неприятный разговор, вынимаю свое удостоверение и предъявляю.

Капитан Квотерблад взял мою книжечку, перелистал, каждую страничку, каждую печать просто-таки обнюхал, чуть ли не облизал. Возвращает мне книжечку, а сам доволен, глаза разгорелись, и даже зарумянился.

— Извини, — говорит, — Шухарт. Не ожидал. Значит, — говорит, — не прошли для тебя даром мои советы. Что ж, это прекрасно. Хочешь верь, хочешь не верь, а я еще тогда уверен был, что из тебя толк должен получиться. Не допускал я, чтобы такой парень...

И пошел, и пошел. Я, значит, слушаю, глаза смущенно опускаю, поддакиваю, руки развожу и даже, помнится, ножкой застенчиво так панель ковыряю. Эти громилы у капитана за спиной послушали-послушали, невтерпеж им стало, ну и пошли. А капитан знай мне о перспективах излагает, ученье, мол, свет, неученье — тьма кромешная, господь, мол, честный труд любит и ценит, в общем, несет эту разнузданную тягомотину, которую нам в тюрьме священник каждое воскресенье читал. А мне выпить хочется — никакого терпежу нет. Ничего, думаю, Рэд, это ты, браток, тоже выдержишь. Надо, Рэд, терпи! Не сможет он долго в том же темпе, вот уже и задыхаться начал... Тут, на мое счастье, одна из

патрульных машин принялась сигналить. Капитан Квотерблад оглянулся, крякнул с досадой и протягивает мне руку.

— Ну что ж, — говорит. — Рад был с тобой познакомиться, честный человек Шухарт. С удовольствием бы опрокинул с тобой по стаканчику в честь такого знакомства... Крепкого, правда, мне нельзя, печень не позволяет, но пивка я бы с тобой выпил. Но вот видишь, служба! Еще встретимся, — говорит.

Не приведи господь, думаю. Но ручку ему пожимаю и продолжаю краснеть и делать ножкой — все, как ему хочется. Потом он ушел наконец, а я чуть ли не стрелой — в «Боржч».

В «Боржче» в это время пусто. Эрнест стоит за стойкой, бокалы протирает и смотрит их на свет. Удивительная, между прочим, вещь: как ни придешь — вечно эти бармены бокалы протирают, словно у них от этого спасение души зависит. Вот так и будет стоять хоть весь день: возьмет бокал, прищурится, посмотрит на свет, подышит на него и давай тереть, потрет-потрет, опять посмотрит, теперь через донышко, и опять тереть...

— Здорово, Эрни, — говорю. — Хватит тебе его мучить, дыру протрешь!

Посмотрел он на меня через бокал, пробурчал

что-то, будто животом, и, не говоря лишнего слова, наливает мне на четыре пальца крепкого. Взгромоздился я на табурет, глотнул, зажмурился, головой помотал и опять глотнул. Холодильник пощелкивает, из музыкального автомата тихое какое-то пиликанье доносится. Эрнест сопит в очередной бокал... Хорошо, спокойно. Я допил, поставил бокал на стойку, и Эрнест без задержки наливает мне еще на четыре пальца прозрачного.

— Ну что. легче стало? — бурчит. — Оттаял, сталкер?

— Ты знай себе три, — говорю. — Знаешь, один тер-тер и злого духа вызвал. Жил потом в свое удовольствие.

— Это кто же такой? — спрашивает Эрни с недоверием.

— Да был такой бармен здесь, — отвечаю. — Еще до тебя.

— Ну и что?

— Да ничего... Ты думаешь, что это было такое — Посещение? Чье, ты думаешь, это было Посещение?

— Трепло ты, — говорит мне Эрни. Вышел на кухню, вернулся с тарелкой. Жареных сосисок принес. Поставил тарелку передо мной, кетчуп

пододвинул, а сам снова за бокалы взялся.

Эрнест свое дело знает. Глаз у него наметанный, сразу видит, что сталкер из Зоны, что хабар будет, знает, что сталкеру после Зоны надо. Свой человек Эрни. Благодетель. Доел я сосиски, закурил и стал прикидывать, сколько же Эрнест на нашем брате зарабатывает. Какие цены на хабар в Европе — я не знаю, краем уха слышал, что пустышка, например, идет чуть ли не за две с половиной тысячи монет, а Эрнест дает нам всего четыреста. «Батарейки» там стоят не меньше ста, а мы получаем от силы по двадцать. Наверное, и все прочее в том же роде. Правда, конечно, переправить хабар в Европу тоже денег стоит. Тому на лапу, этому на лапу, начальник станции наверняка у них на содержании. В общем, если подумать, не так уж много Эрнест и заколачивает, процентов пятнадцать — двадцать, не больше, а если попадется — лет десять каторги ему обеспечено...

Тут мои благочестивые размышления прерывает какой-то вежливый тип. Я даже не слыхал, как он вошел. Объявляется он около моего правого локтя и спрашивает: «Разрешите?»

— Прошу, — говорю. — О чем речь?

Маленький такой, худенький, с востреньким носиком и при галстуке бабочкой. Фотокарточка

его вроде мне знакома, где-то я его уже видел. Залез он на табурет рядом и говорит Эрнесту:

— Бурбон, пожалуйста. — И сразу же ко мне: — Простите, кажется, я вас знаю. Вы в международном институте работаете, так?

— Да, — говорю. — А вы?

Он ловко выхватывает из кармашка карточку и кладет передо мной. Читаю: «Алоиз Макно, полномочный агент Бюро эмиграции». Ну, конечно, знаю я его. Пристает к людям, чтобы они из города уезжали. Кому-то надо, чтобы мы все из города уехали. Нас, понимаешь, в городе и так едва половина осталась от прежнего, так им надо совсем место от нас очистить. Отодвинул я карточку и говорю ему:

— Нет, — говорю, — спасибо. Не интересуюсь. Мечтаю так и умереть на родине.

— А почему? — живо спрашивает он. — Простите за нескромность, но что вас здесь удерживает?

Так ему и скажи, что меня здесь держит.

— А как же, — говорю. — Сладкие воспоминания детства, первый поцелуй в городском саду, маменька, папенька. Как в первый раз пьян надрался в этом вот баре. Милый сердцу полицейский участок... — Тут я достаю из кармана свой засморканный носовой платок и прикладываю к

глазам. — Нет, — говорю. — Ни за что.

Он посмеялся, лизнул своего бурбону и задумчиво так говорит:

— И все-таки не совсем я вас, местных, понимаю. Жизнь в городе тяжелая. Власть принадлежит военным организациям. Снабжение неважное. Под боком Зона, живете как на вулкане. В любой момент может либо эпидемия какая-нибудь. разразиться или что-нибудь похуже. Я понимаю — старики. Им трудно сняться с насиженного места. Но такие люди, как вы... Сколько вам лет? Года двадцать два — двадцать три, наверное? Вы поймите, наше Бюро — организация благотворительная, никакой корысти мы не извлекаем. Просто хочется, чтобы люди ушли с этого дьявольского места и включились бы в настоящую жизнь. Мы обеспечиваем подъемные, трудоустройство на новом месте... молодым, таким, как вы, обеспечиваем возможность учиться...

— А что, — говорю я, — никто не хочет уезжать?

— Да нет, не то чтобы никто... Некоторые соглашаются, особенно люди с семьями... Но вот молодежь и старики... Ну что вам в этом городе? Это же дыра, провинция...

И тут я ему выдал.

— Господин Алоиз Макно, — говорю. — Все правильно. Городишко наш — дыра. Всегда дырой был и сейчас дыра. Только сейчас, — говорю, — это дыра в будущее. Через эту дыру мы такое в ваш мир накачаем, что все переменится. Жизнь будет другая, правильная, у каждого будет все, что надо. Вот вам и дыра. Через эту дыру знания идут. А когда знание будет, мы и богатыми всех сделаем, и к звездам полетим, и куда хочешь заберемся. Вот такая у нас здесь дыра.

И тут я вижу, что Эрнест смотрит на меня с огромным удивлением, и стало мне неловко. Не люблю я чужие слова повторять, да же если эти слова мне нравятся. Тем более что у меня это как-то коряво выходит. Когда Кирилл говорит, заслушаться можно. Я вроде бы то же самое излагаю, но получается как-то не так. Может быть, потому, что Кирилл никогда Эрнесту под прилавок хабар не складывал. Ну ладно. Тут Эрнест спохватился и торопливо налил мне сразу пальцев на шесть: очухайся, мол, парень, что это с тобой сегодня? А востроносый господин Макно снова лизнул своего бурбону и задумчиво так говорит:

— Да, конечно... Вечные аккумуляторы, «синяя панацея»... Но вы в самом деле вериге, что будет

так, как вы сказали?

— Это не ваша забота, во что я там на самом деле верю, — говорю я. — Это я про город говорил. А про себя я так скажу: что я у вас там в Европе не видел? Скуки вашей не видел? День вкалываешь, вечер телевизор смотришь, ночь пришла — к постылой бабе под одеяло, детей делать. Стачки ваши, демонстрации, политика раздолбанная... В гробу я вашу Европу видел, — говорю, — занюханную.

— Ну почему же обязательно Европа?

— А, — говорю, — везде одно и то же, а в Антарктиде еще вдобавок холодно.

И ведь что удивительно: говорил я и всеми печенками верил в то, что говорю. И Зона наша, сука стервозная, убийца, во сто раз милее мне в этот момент была, чем все эти Европы и Африки. И ведь пьян еще не был, а просто представилось мне на мгновение, как я усталый с работы возвращаюсь в стаде таких же кретинов, как меня в ихнем метро давят со всех сторон, и все мне обрыдло, и ничего мне не хочется.

— А вы что скажете? — обращается востроносый к Эрнесту.

— У меня дело, — веско отвечает Эрни.— Я вам не сопляк какой-нибудь. Я все свои деньги в это

дело вложил. Ко мне иной раз сам комендант заходит, генерал, не хрен собачий, чего же я отсюда поеду.

Господин Алоиз Макно принялся ему что-то втолковывать, но я его уже не слушал. Хлебнул я как следует из бокала, выгреб из кармана кучу мелочи, слез с табуретки и первым делом запустил музыкальный автомат на полную катушку. Есть там одна такая песенка — «Не возвращайся, если не уверен». Очень она на меня хорошо действует после Зоны. Ну, автомат, значит, гремит и завывает, а я забрал свой бокал и пошел в угол к «однорукому бандиту» старые счеты сводить. И полетело время, как птичка.

Просаживаю это я последний никель, и тут вваливаются под гостеприимные своды Гуталин и Дик. Гуталин уже на взводе, вращает белками и ищет, кому бы дать в рыло, а Ричард Нунан нежно держит его под руку и отвлекает анекдотами. Хороша парочка. Гуталин здоровенный, черный, курчавый, руки до колен, а Дик маленький, плотненький, розовенький весь, благостный, что твой священник.

— А! — кричит Дик, увидев меня. — Вот и Рэд здесь. Иди к нам, Рэд!

— Правильно! — рычит Гуталин. — Во всем

городе есть только два человека — Рэд и я. Все остальные свиньи, дети сатаны. Рэд тоже служит сатане, но он все-таки человек.

Я подхожу к ним, Гуталин сгребает меня за куртку, сажает за столик и говорит:

— Садись, Рэд, садись, слуга сатаны. Люблю тебя. Поплачем о грехах человеческих. Горько восплачем!

— Восплачем, — говорю. — Глотнем слез греха.

— Ибо грядет день! — возвещает Гуталин. — Уже взнуздан конь бледный, и уже вложил ногу в стремя всадник его. И тщетны молитвы продавшихся сатане. И спасутся только ополчившиеся на него. Вы, дети человеческие, сатаной прельщенные, сатанинскими игрушками играющие, сатанинских сокровищ взалкавшие, вам говорю: слепые! Опомнитесь, сволочи, пока не поздно! Растопчите дьявольские бирюльки! — Тут он вдруг замолчал, словно забыл, как будет дальше. — А выпить здесь дадут? — спросил он уже другим голосом. — Знаешь, Рэд, меня опять с работы выгнали. Агитатор, говорят. Я им объясняю: «Опомнитесь, сами, слепые, в пропасть валитесь и других слепцов за собой тянете». Смеются. Ну, дал я управляющему по харе и ушел. Посадят теперь.

Подошел Дик, поставил на стол бутылку, расставил бокалы.

— Сегодня я плачу! — крикнул я Эрнесту. Дик на меня скосился.

— Все законно, — говорю. — Премию будем пропивать.

— Ходили в Зону? — Дик спрашивает. — Что вынесли?

— Полную «пустышку», —говорю я. — И полные штаны вдобавок. Ты разливать будешь или нет?

— «Пустышку»! — гудит Гуталин горестно. — За какую то «пустышку» жизнью своей рисковал. Жив остался, но в мир принес еще одно дьявольское изделие... А как ты можешь знать, сколько горя и греха...

— Засохни, Гуталин, — сказал я строго. — Пей и веселись, что я живой вернулся. За удачу, ребята!

Хорошо пошло за удачу. Гуталин совсем скис — сидит, плачет. Ничего, я его знаю, это у него первая стадия такая — обливаться слезами и проповедовать, что Зона, мол, — это соблазн, выносить из нее ничего нельзя, а что вынесли — вернуть обратно и жить так. будто ее вовсе нет. Дьяволу, мол, дьяволово. Ничего, он еще разойдется. Дик меня спрашивает:

— Что это такое — полная «пустышка»? Просто «пустышку» я знаю, а вот что такое полная? Первый раз слышу.

Я ему объяснил. Он головой покачал, языком поцокал.

— Да, — говорит, — это интересно. Это, — говорит, — что-то новенькое. А с кем ты ходил? С русским?

— Да, — отвечаю. — С Кириллом и с Тендером, знаешь, наш лаборант.

— Обгадились они там, наверное, — говорит.

— Ничего подобного. Очень прилично держались ребята. Особенно Кирилл. Прирожденный сталкер, — говорю. — Ему бы опыта побольше, торопливость с него эту детскую сбить, я бы с ним каждый день в Зону ходил.

— И каждую ночь? — спрашивает этак небрежно, а сам разливает.

— Ты это брось, — говорю. — Шутки шутками...

— Знаю, — говорит он. — Шутки шутками, а за такое и по морде можно схлопотать. Считай, что я тебе должен две плюхи...

— Кому две плюхи? — встрепенулся Гуталин. — Который здесь?

Схватили мы его за руки, посадили. Дик ему бокал придвинул, сигарету в зубы вставил и

зажигалку поднес. А народу тем временем все прибавляется. Стойку уже облепили, многие столики заняты, Эрнест своих девок кликнул, бегают, разносят кому что — кому пиво, кому коктейли, кому чистое. Я смотрю, в последнее время в городе много незнакомых появилось, все больше какие-то молокососы в пестрых шарфах. Я сказал об этом Дику. Дик мне кивает.

— Ну как же, — говорит. — Большое ведь строительство начинается. Институт три новых здания закладывает, Зону собираются стеной огородить, от кладбища до старого ранчо стена пройдет. Хорошие времена для сталкеров кончаются...

— А когда они у сталкеров были? — говорю. А сам думаю: вот тебе и на, что еще за новости? Значит, теперь не подработаешь. Ну что ж, может, это и к лучшему, меньше соблазна. Буду ходить в Зону днем, как порядочный, деньги, конечно, не те, но зато безопаснее — «галоша», спецкостюм, то-се, и на патрулей наплевать. Прожить можно и на зарплату, а выпивать буду на премиальные. И такая меня тоска взяла! Опять каждый грош считай, это можно себе позволить, это нельзя себе позволить. Гуте на любую тряпку копи, в бар не ходи, ступай в кино... Сижу я так. думаю, а Дик над ухом гудит:

— Вчера в гостинице, — говорит, — зашел я в бар принять ночной колпак, сидят какие-то новые, сразу они мне не понравились, подсаживается один ко мне и заводит разговор издалека, дает понять, что он меня знает, знает, кто я, где работаю, и намекает, что готов хорошо оплачивать разнообразные услуги...

— Шпик, — говорю я. Не очень мне интересно было это, шпиков я здесь навидался и разговоров насчет услуг наслышался.

— Нет, милый мой, не шпик, — Дик говорит. — Бери выше. Я немножко с ним побеседовал, осторожно, конечно, дурачка такого состроил. Его интересуют кое-какие предметы в Зоне, и при этом предметы серьезные: аккумуляторы, «зуда», «черные брызги» и прочая бижутерия ему не нужна. А на то, что ему нужно, он только намекал.

— Так что же ему нужно? — спрашиваю я.

— «Ведьмин студень», как я понял, — говорит Дик и пристально на меня смотрит.

— Ах, «ведьмин студень» ему нужен? — говорю я. — А «смерть-лампа» ему случайно не нужна?

— Я его тоже так спросил.

— Ну?

— Представь себе, нужна.

— Да? — говорю я. — Ну так пусть сам все это

добывает. Все просто, «ведьмина студня» вон полные подвалы, пусть берег ведро и зачерпывает. Зачерпнул — и в рай.

Дик молчит. Смотрит на меня исподлобья и даже не улыбается. И тут до меня дошло.

— Подожди, — говорю. — Кто же это такой? Ведь «студень» запрещено даже в институте изучать...

— Правильно, — говорит Дик неторопливо, а сам все на меня смотрит. — Исследование, представляющее потенциальную опасность для человечества. Понял теперь, кто это?

Ничего я не понимал.

— Пришельцы, что ли? — говорю.

Он, наконец, засмеялся, похлопал меня по руке и говорит:

— Давай выпьем, простая ты душа.

— Давай, — говорю, но злюсь. Какого хрена, нашли простую душу, сукины дети. — Эй, — говорю, — Гуталин! Давай выпьем!

Спит Гуталин. Положил свою черную ряшку на черный столик и спит, руки до полу свесил. Выпили мы с Диком.

— Ну ладно, — говорю. — Простая я там душа или сложная, а про этого типа я бы тут же сообщил куда следует. Уж на что я не люблю Полиции, а сам бы пошел и сообщил.

— Угу, — говорит Дик. — А тебя бы в полиции спросили: а по чему это именно к вам оный тип обратился? А?

Я помотал головой.

— Все равно. Ты, толстый боров, в городе второй год, а в Зоне ни разу не был, «ведьмин студень» только в кино видел, а посмотрел бы ты его в натуре, так тут же бы и обгадился. Это, милок, страшная штука, ее из Зоны выносить нельзя... Сам знаешь, сталкеры люди грубые, им лишь бы деньги платили, но на такое даже покойный Слизняк не пошел бы. Я даже представить себе боюсь, для чего «ведьмин студень» может понадобиться.

— Что ж, — говорит Дик, — все это правильно. Только мне, понимаешь, не хочется, чтобы в одно прекрасное утро нашли меня в постельке покончившим жизнь самоубийством. Я тоже человек грубый, деловой, но жить, понимаешь, люблю. Давно живу, привык уже...

Тут вдруг Эрнест заорал из-за стойки:

— Мистер Нунан! Вас к телефону!

— Вот черт, — говорит Дик расстроенно. — Опять, наверное, рекламация. Везде найдут. Извини, — говорит, — Рэд.

Встает он и уходит к телефону. А я остаюсь с

Гуталином и с бутылкой, и поскольку от Гуталина толку никакого нет, то принимаюсь я за бутылку вплотную. Черт бы побрал эту Зону, нигде от нее спасения нет. Куда ни пойдешь, с кем ни заговоришь — Зона, Зона, Зона. Хорошо, конечно, Кириллу рассуждать, что из Зоны проистечет вечный мир и благорастворение воздухов. Кирилл — хороший парень, и никто его дураком не назовет, но ведь он же о жизни ни черта не знает. Он представить себе не может, сколько всякой сволочи вокруг Зоны крутится. Вот теперь — пожалуйста: «ведьмин студень» понадобился. Нет, Гуталин хоть и пропойца, и псих, но иногда подумаешь подумаешь, да и скажешь: может, действительно лучше дьяволово дьяволу оставить? Не тронь дерьмо... Тут усаживается на место Дика какой-то сопляк в пестром шарфе.

— Господин Шухарт? — спрашивает.

— Ну? — говорю.

— Меня зовут Креон, — говорит. — Я с Мальты.

— Ну, — говорю, — и как там у вас на Мальте?

— У нас на Мальте неплохо, но я не об этом. Меня к вам направил господин Барбридж.

Так, думаю. Сволочь все-таки этот Барбридж. Ни жалости в нем нет, ничего. Вот сидит парнишка, смугленький, чистенький, красавчик, не брился,

поди, еще ни разу и девку еще ни разу не целовал, а Барбриджу все равно. Не зря его Стервятником называют, и зря он на это обижается.

— Ну и как поживает старина Барбридж? — спрашиваю.

— По-моему, он не очень хорошо поживает, — говорит мальтиец. — Кряхтит все время и ноги растирает.

— Ну и что? — говорю.

Он на Меня растерянно смотрит, но все еще улыбается.

— Видите ли, господин Шухарт, я обратился к нему с одним предложением, а он направил, меня к вам. Он сказал: как господин Шухарт решит, так и будет.

— Понятно, — говорю. — Выпить хочешь?

— Спасибо, я не пью.

— Ну закури, — говорю.

— Извините, но я и не курю тоже.

— Черт тебя подери, — говорю я ему. — Так зачем тебе тогда деньги ?

Он покраснел, перестал улыбаться и негромко так говорит:

— Наверное, — говорит, — господин Шухарт, это только меня касается, правда ведь?

— Что правда, то правда, — говорю я и наливаю

себе на четыре пальца. В голове, надо сказать, уже немного шумит, в теле этакая приятная расслабленность, отпустила Зона. — Сейчас я пьян, — говорю. — Гуляю, как видишь. Ходил в Зону и зашиб большие деньги. Так что давай отложим серьезный разговор...

Тут он вдруг вскакивает и говорит «извините», и я вижу, что вернулся Дик. Стоит рядом со своим стулом, и по лицу его видно, что что-то случилось.

— Что, — спрашиваю, — фитиль вставили? Опять твои баллоны вакуум не держат?

— Да, — говорит он. — Опять.

Садится, наливает себе, подливает мне, и вижу я, что не в рекламации дело. На рекламации он, надо сказать, поплевывает.

— Давай, — говорит, — выпьем, Рэд. — И, не дожидаясь меня, опрокидывает залпом всю свою порцию и наливает новую. — Ты знаешь, — говорит, — Кирилл Панов умер.

Сквозь хмель я не сразу его понял.

— Что ж, — говорю, — выпьем за упокой души...

Он взглянул на меня дикими глазами, и только тогда я почувствовал, словно все у меня внутри оборвалось. Помнится, я встал, поставил бокал на

стол и смотрю на него сверху вниз.

— Кирилл?! — А у самого перед глазами серебряная паутинка, и снова я слышу, как она потрескивает, разрываясь. И через это потрескивание доходит до меня голос Дика, как из другой комнаты.

— Разрыв сердца. В душевой его нашли, голого. Никто ничего не понимает. Про тебя спрашивали, я сказал, что ты в полном по рядке...

— А чего тут не понимать, — говорю. — Зона...

— Ты сядь, — говорит мне Дик. — Сядь и выпей.

— Зона, — повторяю я и не могу остановиться. — Зона... Зона... — И ничего вокруг не вижу, кроме серебряной паутины. Весь бар запутался в паутине, люди двигаются, а паутина тихонько потрескивает, когда ее задевают. А в центре мальтиец стоит, лицо у него удивленное, детское, ничего не понимает.

— Малыш, — говорю я ему ласково. — Сколько тебе денег надо? Четыре тысячи хватит? На! Бери, бери! Иди к Барбриджу и скажи ему, что он сволочь и стервятник, не бойся, скажи, он трус... а как только скажешь, сейчас же иди на станцию, купи себе билет и прямиком на свою Мальту. Нигде не задерживайся...

Не помню, что я там еще болтал. Помню, оказался я перед стойкой. Эрнест поставил передо мной бокал освежающего и спрашивает:

— Ты сегодня вроде при деньгах...

— Да, — говорю. — при деньгах.

— Может, должок отдашь? Мне завтра налог платить.

Сую я руку за пазуху, вынимаю деньги и говорю:

— Надо же, не взял, значит, Креон Мальтийский... Ну, все остальное — судьба.

— Что это с тобой? — спрашивает Эрни. — Перебрал малость?

— Нет, — говорю. — Я-то в полном порядке.

— Шел бы ты домой, — говорит Эрни. — Перебрал ты малость.

— Кирилл умер, — говорю я ему.

— Это какой же Кирилл? Шелудивый, что ли?

— Сам ты шелудивый, сволочь, — говорю я. — Из тысячи таких, как ты, одного Кирилла не сделать. Паскуда ты, — говорю, — торгаш вонючий. Смертью ведь торгуешь, морда. Купил нас всех за зелененькие... Хочешь, сейчас всю твою лавочку разнесу?

И только я замахнулся, хватают меня вдруг и тащат куда-то. А я уже ничего не соображаю. Ору

чего-то, отбиваюсь, потом опомнился — сижу в туалетной, весь мокрый, морда разбита. А из зала шум слышен, трещит что-то, посуда бьется, девки визжат, и слышу. Гуталин ревет, как белый медведь во время случки:

— Покайтесь, паразиты! Где Рыжий? Куда Рыжего дели, дьяволово семя?

И полицейская сирена завывает. Как она завыла, тут у меня в мозгу все словно хрустальное стало. Все помню, все знаю и все понимаю. И в душе ничего нет, одна злоба ледяная. Так, думаю, я тебе сейчас устрою вечерок. Я тебе покажу, что такое сталкер. Торгаш вонючий. Вытащил я из часового карманчика «зуду», пару раз сжал ее между пальцами для разгона, дверь в зал приоткрыл и бросил «зуду» тихонько в плевательницу. А сам окно в сортире открыл — и на улицу. Очень мне, конечно, хотелось посмотреть, как все это будет, но надо было рвать когти. Перебежал я через двор и вижу: «зуда» заработала вовсю.

Завыли и залаяли собаки по всему кварталу, они первыми «зуду» чуют. Я так и представил себе, как в кабаке народ заметался, кто в меланхолию впал, кто в дикое буйство, кто от страха не знает, куда деваться. Страшная штука «зуда». На кой ляд она пришельцам нужна была, я не знаю,

но человек от нее дуреет совершенно, часа на два в психа превращается. Теперь у Эрнеста не скоро полный кабак наберется. Он, конечно, сволочь, догадается про меня, да только мне плевать. Все. Нет больше сталкера Рэда. Хватит с меня этого. Хватит мне самому на смерть ходить и других людей за со бой таскать. Ошибся ты, Кирилл, дружок мой милый. Прости, да только не ты прав, а Гуталин прав. Нечего здесь людям делать. Нет в Зоне добра.

Перелез я через забор и побрел потихоньку домой. Плакать хочется, и не могу. Впереди пустота, ничего нет. Тоска, будни. Надо же, никогда я не понимал, как это для меня важно было — встречаться с Кириллом, говорить с ним, слушать, как он перспективы рисует про новый мир. про «Измененный Мир», как он говорил. А теперь что? Заплачет по нем кто-то в далекой России, а я вот и заплакать не могу. И ведь я во всем виноват, не кто-нибудь, а я. Не Эрни, не Барбридж — я! Как я, скотина, смел его в гараж вести, когда у него глаза к темноте не привыкли? Всю жизнь волком жил, всю жизнь об одном себе думал... и вот в кои-то веки вздумал облагодетельствовать, подарочек поднести. На кой черт я вообще ему про эту «пустышку» сказал? Как вспомнил я об этом,

совсем меня за глотку взяло, хоть действительно волком вой. И тут мне вдруг словно бы полегчало: смотрю — Гута идет.

Идет она мне навстречу, моя красавица, идет, ножками свои ми ладными переступает, юбочка над ножками колышется, из всех подворотен на нее глазеют, а она идет, как по струночке, ни на кого не глядит, и сразу я почему-то подумал, что она меня ищет.

— Здравствуй, — говорю, — Гута. Куда это ты, — говорю. — направилась?

Окинула она меня взглядом, в момент все увидела — и морду у меня разбитую, и куртку мокрую, и кулаки в ссадинах, но ничего про это не сказала, а говорит только:

— Здравствуй, Рэд. А я как раз тебя ищу.

— Знаю, — говорю. — Пойдем ко мне.

Она молчит, отвернулась и в сторону смотрит. Ах, как у нее головка-то посажена, шейка какая, как у кобылки молоденькой, гордой и покорной уже своему хозяину. Потом она говорит:

— Не знаю, Рэд. Может, ты со мной больше встречаться не захочешь.

У меня сердце сразу сжалось: что еще? Но я спокойно так говорю:

— Что-то я тебя не понимаю, Гута. Ты меня

извини, я сегодня маленько того, может, поэтому плохо соображаю... Почему это я с тобой вдруг встречаться не захочу?

Беру это я ее под руку, и идем мы не спеша к моему дому, и все, кто на нее смотрел, один за другим торопливо рыла прячут. Я на этой улице всю жизнь живу, Рэда Рыжего здесь все прекрасно знают. А кто не знает, тот у меня быстро узнает, и он это чувствует.

— Мать велит аборт делать, — говорит вдруг Гута, — а я не хочу.

Я еще несколько шагов прошел, прежде чем понял, а Гута продолжает:

— Не хочу я никаких абортов, я ребенка хочу. А ты как хочешь. Можешь на все четыре стороны, я тебя не держу.

Слушаю я ее, как она понемножку накаляется, сама себя заводит, слушаю и потихоньку балдею. Ничего толком сообразить не могу. В голове какая-то глупость вертится: одним человеком больше, одним человеком меньше.

— Она мне толкует, — говорит Гута, — ребенок, мол, от сталкера, проходимца, ни семьи, толкует, у вас не будет, ничего. Сегодня он на воле, а завтра в тюрьме, а мне все равно, я на все готова. Я и сама могу. Сама рожу, сама подниму, сама человеком

сделаю. И без тебя обойдусь. Только ты больше ко мне не подходи, на порог не пущу.

— Гута, — говорю, — деточка моя, да подожди ты. — А сам не могу, смех меня разбирает какой-то нервный, идиотский. — Чего ты меня гонишь, в самом деле?

Я хохочу как дурак, а она остановилась, уткнулась мне в грудь и ревет.

— Как же мы теперь будем, Рэд? — говорит она сквозь слезы. — Как же мы теперь будем?

2. Рэдрик Шухарт, 28 лет, женат, без определенных занятий

Рэдрик Шухарт лежал за могильным камнем и, отведя рукой ветку рябины, глядел на дорогу. Прожектор патрульной машины метался по кладбищу и время от времени бил его по глазам, и тогда он зажмуривался и задерживал дыхание. Прошло уже два часа, а на дороге все оставалось по-прежнему. Машина, мерно клокоча двигателем, работающим вхолостую, не двигалась с места и все шарила и шарила своими тремя прожекторами по заросшим запущенным могилам, по покосившимся ржавым крестам и плитам, по неряшливо разросшимся зарослям рябины, по гребню трехметровой стены, обрывавшейся слева. Патрульные боялись Зоны. Они даже не выходили из машины. Здесь, возле кладбища, они даже боялись стрелять. Иногда до Рэдрика доносились приглушенные голоса, иногда он видел, как из машины вылетал огонек сигаретного окурка и катился по шоссе, подпрыгивая и разбрасывая слабые красноватые искры. Было очень сыро, недавно прошел дождь, и даже сквозь непромокаемый комбинезон Рэдрик ощущал

влажный холод.

Он осторожно отпустил ветку, повернул голову и прислушался. Где-то справа, не далеко, но и не близко, где-то здесь же, на кладбище, был кто-то еще. Там прошуршала листва и вроде бы посыпалась земля, а потом с негромким стуком упало что-то тяжелое и твердое. Это не мог быть Барбридж. Барбридж лежал в ста шагах позади, за кладбищенской оградой, и он просто не смог бы приползти сюда, даже если бы очень захотел. И уж конечно, это не могли быть патрульные. Они бы не шуршали, они бы топали и гикали, подбадривая себя, они бы пинали ногами кресты и могильные камни, они бы размахивали ручными фонариками, они бы, наверное, палили бы в кусты из своих автоматов. Они бы просто не посмели войти в Зону. Ни за какие деньги, ни под какой угрозой.

Это мог быть Мальтиец. Мальтиец очень набивался пойти с ними, целый вечер угощал, предлагал хороший залог, клялся, что достанет спецкостюм, а Барбридж, сидевший рядом с Мальтийцем, загородившись от него тяжелой морщинистой ладонью, яростно подмигивал Рэдрику: соглашайся, мол, не прогадаем, и, может быть, поэтому Рэдрик сказал «нет». Конечно,

Мальтиец мог бы выследить их, но совершенно невозможно было предположить, что бы он сумел пройти тот путь, который прошли они, вернуться незамеченным вместе с ними сюда и вообще живым. Может быть, конечно, он все это время просидел здесь, на кладбище, дожидаясь их, чтобы встретить. Только зачем? Нет, вряд ли это был Мальтиец.

Снова невдалеке справа посыпалась земля. Рэдрик осторожно, не поворачиваясь, пополз задом, прижимаясь к мокрой траве. Снова над головой прошел прожекторный луч. Рэдрик замер, следя за его бесшумным движением, и ему показалось, что между крестами сидит на могиле какой-то человек в черном. Сидит, не скрываясь, прислонившись спиной к мраморному обелиску, обернув в сторону Рэдрика белое лицо с темными ямами глаз. Рэдрик видел его на протяжении доли секунды, но и доли секунды хватило, чтобы понять: это не сталкер. И еще секунду спустя он понял — это не показалось. Он отполз еще на несколько шагов, нащупал на груди флягу, вытащил ее и некоторое время полежал, прижавшись щекой к теплому металлу. Затем, не выпуская фляги из руки, пополз дальше. Он больше не оборачивался и не смотрел по сторонам.

В ограде был пролом, а у самого пролома на просвинцованном плаще лежал Барбридж. Он лежал на спине, оттягивая обеими руками воротник, и тихонько мучительно кряхтел, то и дело срываясь на стоны. Рэдрик сел рядом с ним и отвинтил колпачок у фляги. Потом он осторожно запустил руку под голову Барбриджа, ощущая всей ладонью липкую от пота горячую лысину, и приложил горлышко фляги к губам старика. Здесь было темно, но Рэдрик видел широко раскрытые и словно бы остекленевшие глаза Барбриджа, черную щетину, покрывающую его щеки. Барбридж жадно глотнул несколько раз, а затем беспокойно задвигался, ощупывая рукой мешок с хабаром.

— Вернулся, — сказал он. — Хороший парень... Рыжий.. Не бросишь старика... подыхать... здесь...

Рэдрик, запрокинув голову, сделал хороший глоток.

— Стоит жаба, — сказал он. — Как приклеенная.

— Это... неспроста... — проговорил Барбридж. Он говорил отрывисто, выдыхая. — Стукнул кто-то... ждут...

— Может быть, — сказал Рэдрик. — Дать еще глоток?

— Нет... хватит пока... Ты меня... не бросай... Если не бросишь... не помру... Не пожалеешь... Не бросишь, Рыжий?

Рэдрик не ответил. Он смотрел в сторону шоссе, на голубые сполохи прожекторов. Мраморный обелиск был виден отсюда, но непонятно было, сидит там этот или сгинул.

— Слушай... Рыжий... Я не треплюсь... Не пожалеешь... Вот как ты думаешь, почему старик Барбридж... до сих пор... жив? Боб Горилла сгинул... Сундук Невада погиб... как не было... Какой был сталкер... а погиб... Слизняк тоже... Норман Очкарик... Каллаген... Пит Болячка... все... Один я остался... Почему? Знаешь?

— Подлец ты всегда был, — сказал Рэдрик, не отрывая глаз от шоссе.

— Подлец... Это верно... без этого нельзя... Сам о себе не позаботишься... кто же тогда? Но ведь и все так... Слизняк... Сундук Нева да... А остался один я... Знаешь, почему?

— Знаю, — сказал Рэдрик, чтобы отвязаться.

— Врешь... не знаешь... Про Золотой шар слыхал?

— Слыхал.

— Думаешь... сказка?

— Ты бы молчал лучше, — посоветовал Рэдрик.

— Силы ведь теряешь.

— Ничего... ты меня вынесешь... Мы с тобой столько ходили, Рыжий... Неужели бросишь?.. Я тебя вот такого... маленького... знал... Отца твоего...

Рэдрик молчал. Очень хотелось курить, он вытащил сигарету, выкрошил табак на ладонь и стал нюхать. Не помогало.

— Ты меня должен... вытащить... — проговорил Барбридж. — Это из-за тебя я погорел... Это ты... Мальтийца... не взял...

— Из-за жадности своей ты погорел, — холодно сказал Рэдрик, — а не из-за меня. Молчал бы лучше.

Некоторое время Барбридж только кряхтел. Он снова запустил пальцы за воротник и совсем запрокинул голову.

— Пусть весь хабар твой будет... — прокряхтел он. — Только не бросай.

Рэдрик посмотрел на часы. До рассвета оставалось совсем не много, а патрульная машина все не уходила. Прожектора продолжали шарить по кустам, и где-то там, совсем рядом с патрулем, стоял замаскированный лендровер, и каждую минуту его могли обнаружить.

— Золотой шар... — сказал Барбридж. — Я его....

нашел... Вранья много... вокруг него... наплели потом... И сам я... плел... что, мол, любое... желание выполняет... Хрена — любое... Если б любое... меня б здесь... давно не было... жил бы в Европе... в деньгах бы... купался...

Рэдрик посмотрел на него сверху вниз. В бегущих голубых отсветах запрокинутое лицо Барбриджа казалось мертвым, но стеклянные глаза его выкатились и пристально, не отрываясь, следили за Рэдриком.

— Вечную молодость... хрен я получил... — бормотал он. — Денег... хрен. А вот здоровье... да... и дети у меня... хорошие... и жив... Ты такого и во сне... не видел... через что я... прошел... и все равно... жив... — Он облизал губы. — Я его... только об этом... прошу... Жить, мол, дай... и здоровья... и чтобы дети...

— Помолчи, Барбридж, — сказал, наконец, Рэдрик. Что ты как баба? Если смогу — вытащу. Не ради тебя, конечно. Детей мне твоих жалко.

— Нет, — упрямо сказал Барбридж. — Ты меня... в любом случае... вытащишь... Золотой шар... Хочешь, скажу, где?

— Ну, скажи.

Барбридж застонал и пошевелился.

— Ноги мои... — прокряхтел он. — Пощупай,

как там...

Рэдрик протянул руку и, ощупывая, провел по его ноге ладонью от колена и ниже.

— Кости... — хрипел Барбридж. — Кости есть еще?

— Есть, есть, — соврал Рэдрик. — Не суетись.

На самом деле кости в ноге прощупывались только от колена и выше. Под коленом до самой ступни нога была как резиновая палка, ее можно было узлом завязать.

— Врешь ведь... — сказал Барбридж. — Зачем мне врешь?.. Что я... не знаю? Не видел... никогда?

— Колени целы, — сказал Рэдрик.

— Врешь ведь, наверное... — сказал Барбридж с тоской. Ну, ладно... Ты только... меня вытащи... Я тебе все... Золотой шар... Карту нарисую... про все ловушки там... расскажу...

Он говорил и обещал еще что-то, но Рэдрик уже не слушал его. Он смотрел в сторону шоссе. Прожектора больше не метались по сторонам, они замерли, скрестившись на том самом мраморном обелиске, и в ярком голубом тумане Рэдрик отчетливо увидел тощую черную фигуру, бредущую среди крестов. Фигура эта двигалась как бы вслепую, прямо на прожектора. Рэдрик увидел,

как она налетела на крест, отшатнулась, снова ударилась о крест и только тогда обогнула его и двинулась дальше, вытянув вперед длинные руки с растопыренными пальцами. Потом она вдруг исчезла, словно провалилась сквозь землю, и через несколько секунд появилась снова правее и дальше, двигаясь с каким-то нелепым нечеловеческим упорством, как заведенный механизм. И тут вдруг прожектора погасли. Заскрежетало сцепление, взревел дико двигатель, мелькнули красные и синие сигнальные огни сквозь кусты, и патрульная машина, сорвавшись с места, на бешеной скорости понеслась к городу и исчезла за стеной. Рэдрик судорожно глотнул и распустил «молнию» на комбинезоне.

— Никак уехали... — лихорадочно бормотал Барбридж. — Рыжий, давай... давай по-быстрому... — Он засуетился, зашарил вокруг себя руками, схватил мешок с хабаром и попытался подняться. — Ну, давай, чего сидишь?

Рэдрик все смотрел в сторону шоссе. Теперь там было темно, и ничего не было видно, но где-то там был этот — вышагивал, слов но заводная кукла, оступаясь, падая, налетая на кресты, путаясь в кустарнике.

— Ладно, — сказал Рэдрик вслух. — Пойдем.

Он поднял Барбриджа. Старик как клещами обхватил его левой рукой за шею, и Рэдрик, не в силах выпрямиться, на четвереньках, помогая себе руками, поволок его через дыру в ограде.

— Давай, давай... — хрипел Барбридж. — Не беспокойся, хабар я держу, не выпущу... Давай...

Тропа была знакомая, но мокрая трава скользила под ногами, ветки рябины хлестали по глазам, а мосластый старик был неимоверно тяжел, словно мертвец, да еще мешок с хабаром, позвякивая и постукивая, все время цеплялся за что-то, и еще страшно было натолкнуться на этого, который, может быть, все еще блуждал здесь.

Когда они выбрались на шоссе, было еще темно, но чувствовалось, что рассвет близок. В лесочке по ту сторону шоссе сонно и неуверенно заговорили птицы, а над черными домами окраины, над редкими фонарями ночной мрак уже засинел, и потянуло оттуда знобким влажным ветерком. Рэдрик положил Барбриджа на обочину, огляделся и, как большой черный паук, перебежал через дорогу. Он быстро нашел лендровер, сбросил с капота и с кузова маскирующие ветки, сел за руль и медленно, не зажигая фар, выехал на шоссе. Барбридж сидел, одной рукой держась за мешок с хабаром, а другой ощупывая ноги.

— Давай... — прохрипел он. — Давай скорей... Колени... целы еще у меня... Колени бы спасти...

Рэдрик, скрипя зубами от напряжения, поднял его и перевалил через борт. Барбридж со стуком рухнул на заднее сиденье и застонал. Мешок он так и не выпустил. Рэдрик поднял с земли и бросил на него сверху просвинцованный плащ. Барбридж ухитрился притащить с собой и плащ. Старик, постанывая, ворочался в машине, устраиваясь, а Рэдрик вынул фонарик и прошелся взад-вперед но обочине с обеих сторон, высматривая следы. Следов в общем не было. Выкатываясь на шоссе, лендровер примял высокую густую траву, но трава эта должна была через несколько часов подняться, так что здесь все было в порядке. Вокруг места, где стоял патрульный автомобиль, валялось огромное количество окурков. Рэдрик вспомнил, что давно хочет курить, вытащил сигарету и закурил, хотя ему очень хотелось вскочить в машину и гнать, гнать, гнать поскорее отсюда. Но гнать было нельзя. Все надо было делать медленно и расчетливо.

— Что ж ты, — плачущим голосом сказал из машины Барбридж. — Воду не вылил, снасти все сухие... Что ты стоишь? Прячь хабар!

— Заткнись, — сказал Рэдрик. — Не буду я ни-

чего этого делать. Все равно сейчас на южную окраину свернем.

— Как на окраину? Да ты что? Колени же мне загубишь, паскудник! Что еще выдумал?

Рэдрик затянулся в последний раз и засунул окурок в спичечный коробок.

— Не пыли, Стервятник, — сказал он. — Прямо через город нельзя. Остановят, посмотрят на твои копыта — и конец.

— А чего — копыта? Рыбу динамитом глушили, ноги мне перешибло, вот и весь разговор...

— А если кто-нибудь пощупает?

— Пощупает... Я так заору, что вперед забудет, как щупать... Но Рэдрик уже решил. Он поднял водительское сиденье, подсвечивая фонариком, открыл потайную крышку и сказал:

— Давай сюда хабар.

Бензобак под сиденьем был фальшивый. Рэдрик взял мешок и просунул его внутрь, слыша, как в мешке звякает и перекатывается.

— Мне рисковать нельзя, — пробормотал он. — Не имею права.

Он поставил на место крышку, присыпал мусором, навалил поверх тряпок и опустил сиденье. Барбридж кряхтел, постанывал, жалобно требовал поторопиться, опять принялся обещать

Золотой шар, а сам все вертелся на своем сиденье, встревоженно вглядываясь в быстро редеющую тьму. Рэдрик не обращал на него внимания. Он вспорол налитый водой пластиковый пузырь с рыбой, воду вылил на рыболовные снасти, уложенные на дне кузова, а бьющуюся рыбу пересыпал в брезентовый мешок. Пластиковый пузырь он сложил и сунул в карман комбинезона. Теперь все было в порядке: рыбаки возвращались с неудачного лова. Он сел за руль и тронул машину.

До самого поворота он ехал, не включая фар. Слева тянулась могучая трехметровая стена, ограждающая Зону, а справа были кусты, реденькие рощицы, иногда попадались заброшенные коттеджи с заколоченными окнами и облупившимися стенами. Рэдрик хорошо видел в темноте, да и темнота уже не была такой плотной, как ночью, и, кроме того, он знал, что сейчас будет, поэтому, когда впереди показалась мерно шагающая тощая фигура, он даже не сбавил хода. Он только пригнулся пониже к рулю. Этот вышагивал прямо посередине шоссе — как и все они, он шел в город. Рэдрик обогнал его, прижав машину к левой обочине, и, обогнав, сильнее нажал на акселератор.

— Матерь божия... — пробормотал сзади Барбридж. — Рыжий, ты видел?

— Да, — сказал Рэдрик.

— Господи... Этого нам еще не хватало, — бормотал Барбридж и вдруг принялся громко читать молитву.

— Заткнись! — прикрикнул на него Рэдрик.

Поворот должен был быть где-то здесь. Рэдрик замедлил ход, всматриваясь в линию покосившихся домиков и заборов, потянувшуюся справа. Старая трансформаторная будка... столб с подпоркой... подгнивший мостик через кювет. Рэдрик повернул руль. Машину подбросило на колдобине.

— Ты куда? — заорал Барбридж. — Ноги мне загубишь, сволочь!

Рэдрик на секунду повернулся и наотмашь ударил старика по лицу, ощутив тыльной стороной ладони колючую щеку. Барбридж поперхнулся и замолк. Машину подбрасывало, колеса то и дело пробуксовывали в свежей после ночного дождя грязи. Рэдрик включил фары. Белый прыгающий свет озарил заросшие травой старые колеи, огромные лужи, гнилые покосившиеся заборы по сторонам. Барбридж заплакал, всхлипывая и сморкаясь. Он больше ничего не обещал, он

жаловался и грозился, но очень негромко и неразборчиво, так что Рэдрику были слышны только отдельные слова. Что-то о ногах, о коленях, о детях... Потом он затих.

Поселок тянулся вдоль западной окраины города. Когда-то здесь были дачи, огороды, фруктовые сады, летние резиденции городского начальства и заводской администрации. Зеленые веселые места, маленькие озера с чистыми песчаными берегами, пруды, в которых разводили карпов. Заводская вонь и заводские едкие дымы сюда никогда не доходили, так же, впрочем, как и городская канализация. Теперь все здесь было покинуто и заброшено, и за все время им попался всего один жилой дом — желто светилось задернутое занавеской окошко, висело на веревках промокшее от дождя белье, и огромный пес, заходясь от ярости, вылетел сбоку и некоторое время гнался за машиной в вихре комьев грязи, летевшей из-под колес.

Рэдрик осторожно переехал еще через один старый покосившийся мостик и, когда впереди завиднелся поворот на Западное шоссе, остановил машину и заглушил двигатель. Потом он вылез на дорогу, не обернувшись на Барбриджа, прошел вперед, зябко засунув руки в сырые кар-

маны комбинезона. Было уже совсем светло. Все вокруг было мокрое, тихое, сонное. Он дошел до шоссе и осторожно выглянул из-за кустов. Полицейская застава хорошо была видна отсюда: маленький домик на колесах — три светящихся окошка, дымок из узкой высокой трубы, патрульная машина стояла у обочины, в ней никого не было. Некоторое время Рэдрик стоял и смотрел. На заставе не было никакого движения, видимо, патрульные озябли и измотались за время ночного дежурства и теперь грелись у печурки в домике. «Жабы», — негромко сказал Рэдрик. Он нащупал в кармане кастет, просунул пальцы в овальные отверстия, зажал в кулаке холодный металл и, все так же зябко сутулясь, не вынимая руки из кармана, пошел обратно. Лендровер. слегка накренившись, стоял между кустами. Место было глухое, заброшенное, никто сюда, наверное, не заглядывал вот уже лет десять.

Когда Рэдрик подошел к машине, Барбридж приподнялся и посмотрел на него, приоткрыв рот. Сейчас он выглядел даже старше, чем обычно. Морщинистый, лысый, обросший нечистой щетиной, гнилозубый. Некоторое время они молча смотрели друг на друга, и вдруг Барбридж сказал невнятно:

— Карту дам... Все ловушки, всё... Сам найдешь... Не пожалеешь...

Рэдрик некоторое время слушал его, потом разжал пальцы, вы пуская в кармане кастет, и сказал:

— Ладно. Твое дело — лежать в обмороке. Понял? Стони и не давай прикасаться.

Он сел за руль, включил двигатель и тронул машину.

И все обошлось. Никто не вышел из домика, когда лендровер в соответствии со знаками и указателями медленно прокатил мимо, а затем, все наращивая и наращивая скорость, помчался в город через южную окраину. Было шесть часов утра, улицы были пусты, асфальт был мокрый и черный, автоматические светофоры одиноко и ненужно перемигивались на перекрестках. Они миновали пекарню с огромными, ярко освещенными окнами, и Рэдрика обдало волной теплого, необыкновенно вкусного запаха.

— Жрать охота, — сказал Рэдрик и потянулся, упираясь руками в руль, разминая затекшие от напряжения мышцы.

— Что? — испуганно спросил Барбридж.

— Жрать, говорю, охота... Куда тебя? Домой или прямо к Мяснику ?

— К Мяснику, к Мяснику гони! — торопливо забормотал Барбридж, наклоняясь вперед, лихорадочно и горячо дыша Рэдрику в затылок. — Прямо к нему! Прямо к нему! Он мне еще семьсот монет должен! Да гони ты, гони, что ты ползешь, как вошь по мокрому месту? — и вдруг принялся ругаться, бессильно и злобно, черными грязными словами, брызгая слюной, задыхаясь и заходясь в приступах кашля.

Рэдрик не отвечал. Не было ни времени, ни сил утихомиривать расходившегося Стервятника. Надо было скорее кончать со всем этим и хоть пару часов поспать перед свиданием в «Метрополе». Он вывернул на Центральный проспект, проехал два квартала и остановил машину перед серым двухэтажным особняком.

Мясник открыл ему сам — видимо, только что проснулся и собирался в ванную. Он был в роскошном халате с золотыми кистями, в руке у него был стакан со вставной челюстью. Волосы на голове были взлохмачены, под мутными глазами набрякли темные мешочки.

— А! — сказал он. — Рыший. Што скашешь?

— Надевай зубы, и пойдем, — сказал Рэдрик.

— Угу, — сказал Мясник, приглашающе мотнул головой в глубину холла, а сам, шаркая пер-

сидскими туфлями, но двигаясь тем не менее с удивительной быстротой, направился в ванную.

— Кто? — спросил он оттуда.

— Барбридж, — сказал Рэдрик.

— Что?

— Ноги.

В ванной полилась вода, раздалось фырканье, плеск, что-то упало и покатилось по кафельному полу. Рэдрик устало присел в кресло, вынул сигарету и закурил, озираясь. Холл был ничего себе. Мясник денег не жалел. Он был очень опытным и очень модным хирургом, светилом медицины не только города, но и штата, и со сталкерами он связался, конечно, не из-за денег. Он тоже брал свою долю с Зоны. Брал натурой — разным хабаром, который применял в своей медицине, брал знаниями, изучая на покалеченных сталкерах неизвестные ранее болезни, уродства и повреждения человеческого организма, брал славой — славой первого на земле врача, специалиста по нечеловеческим заболеваниям. Деньгами он, впрочем, то же брал с охотой.

— Что именно с ногами? — спросил он, появляясь из ванны с огромным полотенцем на плече: краем полотенца он осторожно вытирал длинные гибкие пальцы.

— Вляпался в «студень», — сказал Рэдрик. Мясник свистнул.

— Значит, конец Барбриджу, — пробормотал он. — Жалко, знаменитый был сталкер.

— Ничего, — сказал Рэдрик, откидываясь в кресле. — Ты ему протезы сделаешь. Он еще на протезах по Зоне попрыгает.

— Ладно, — сказал Мясник. — Подожди, я сейчас оденусь.

Пока он одевался, пока звонил куда-то, вероятно, в клинику, чтобы все приготовили для операции. Рэдрик неподвижно полулежал в кресле и курил. Только один раз он пошевелился, чтобы вытащить флягу. Он пил маленькими глотками, потому что во фляге оставалось на донышке, и старался ни о чем не думать. Он просто ждал.

Потом они вместе вышли к машине, Рэдрик сел за руль, Мясник сел рядом и сразу же перегнулся через сиденье и принялся ощупывать ноги Барбриджа, а Барбридж, притихший, сразу как-то съежившийся, бормотал что-то жалостливое, обещал озолотить, поминал снова и снова детей и умолял спасти ему хоть колени. Когда они подъехали к клинике. Мясник выругался, не увидев санитаров у подъезда, на ходу выскочил

из машины и скрылся за дверью. Рэдрик снова закурил, а Барбридж вдруг сказал:

— Ты меня убить хотел. Я тебе это запомню.

— Не убил ведь, — равнодушно сказал Рэдрик.

— Да, не убил... Барбридж помолчал. — Это я тоже запомню.

— Запомни, запомни, — сказал Рэдрик. — Ты бы, конечно, меня убивать не стал. — Он обернулся и посмотрел на Барбриджа. Барбридж неуверенно кривил рот, подрагивая пересохшими губами. — Ты бы меня просто бросил, — сказал Рэдрик. — Оставил бы меня в Зоне, и концы в воду. Как Очкарика.

— Очкарик сам помер, — угрюмо сообщил Барбридж. — Я тут ни при чем. Приковало его.

— Сволочь ты, — равнодушно сказал Рэдрик, отворачиваясь. — Стервятник.

Из подъезда выскочили сонные и встрепанные санитары, на ходу разворачивая носилки, подбежали к машине. Рэдрик, время от времени затягиваясь, смотрел, как они ловко выволокли Барбриджа из кузова, уложили на носилки и понесли к подъезду. Барбридж лежал неподвижно, сложив руки на груди, и отрешенно глядел в небо. Огромные ступни его были странно и неестественно вывернуты. Он был последним из старых

сталкеров, из тех, кто начал охоту за внеземными сокровищами сразу же после Посещения, когда Зона еще не называлась Зоной, когда не было ни стены, ни институтов, ни полицейских сил ООН, когда город был парализован ужасом, а мир смеялся над новой выдумкой газетчиков. Рэдрику было тогда десять лет, а Барбридж был еще крепким и ловким мужчиной, обожающим выпить за чужой счет, подраться, притиснуть в углу зазевавшуюся девчонку. Впрочем, и тогда он был уже сволочью, потому что очень любил, напившись, бить свою жену. Так и бил, пока не забил до смерти.

Рэдрик развернул лендровер и погнал его, не обращая внимания на светофоры, срезая углы, рявкая сигналом на редких прохожих, прямо к себе домой.

Он загнал машину в гараж, включил лампу и закрыл ворота. Потом он извлек из фальшивого бензобака мешок с хабаром, привел машину в порядок, сунул мешок в старую плетеную корзину, сверху положил спасти, еще влажные, с прилипшими травинками и листьями, а поверх всего высыпал уснувшую рыбу, которую Барбридж вчера вечером купил в соседней лавочке. Потом он еще раз осмотрел машину со всех сторон, просто

по привычке. К заднему правому протектору прилипла расплющенная сигарета. Рэдрик отодрал ее — сигарета оказалась шведская. Рэдрик подумал и сунул ее в спичечный коробок. В коробке уже было три окурка.

Дверь распахнулась, прежде чем он успел достать ключ. Он вошел боком, держа тяжеленную корзину под мышкой, и окунулся в знакомое тепло и знакомые запахи своего дома, а Гута обхватила его за шею и замерла, прижавшись лицом к груди. Даже сквозь комбинезон и теплую рубаху он ощущал, как бешено стучит ее сердце. Он не мешал ей, терпеливо стоял и ждал, пока она отойдет, хотя именно в эту минуту почувствовал, до какой степени вымотался и обессилел.

— Ну ладно, — проговорила она, наконец, низким хрипловатым голосом, и отпустила его, и включила в прихожей свет, а сама, не оборачиваясь, пошла на кухню. — Сейчас я тебе кофе... — сказала она оттуда.

— Рыбу я принес, — сказал он нарочито бодрым голосом. — Зажарь, да все сразу жарь, жрать охота — сил нет.

Она вернулась, пряча лицо в распущенных волосах, он поставил корзину на пол и помог ей вынуть сетку с рыбой, и они вместе от несли

сетку на кухню и вывалили рыбу в мойку.

Иди мойся. — сказала она. — Пока помоешься, все будет готово.

— Как Мартышка? - спросил он, усаживаясь и стягивая с ног сапоги.

— Болтала весь вечер, — отозвалась Гута. — Еле-еле я ее уложила. И все время приставала: где папа, вынь да положь ей папу. — Она ловко и бесшумно двигалась по кухне, располневшая, но по-прежнему крепкая и ладная, и уже закипала вода в котелке на плитке, и летела чешуя из-под ножа, и скворчало масло на самой большой сковороде, и восхитительно запахло свежим кофе.

Рэдрик поднялся, ступая босыми ногами, вернулся в прихожую, взял корзину и отнес ее в гостиную. Потом он заглянул в спальню. Мартышка безмятежно дрыхла, сбитое одеяльце свесилось на пол, рубашонка задралась, и вся она была как на ладони — маленький сопящий зверек. Рэдрик не удержался и погладил ее по спине, покрытой теплой золотистой шерсткой, и в тысячный раз поразился, какая эта шерстка шелковистая и длинная. Ему очень захотелось взять ее на руки, но он побоялся ее разбудить, да и грязен он был как черт, весь пропитан Зоной и смертью. Он вернулся на кухню, снова сел за

стол и сказал:

— Налей чашечку кофе. Мыться потом пойду.

На столе лежала пачка вечерней корреспонденции: городская газета, журнал «Атлет», журнал «Плейбой» и толстенькие, в серой обложке «Доклады Международного института внеземных куль тур», выпуск 56-й. Рэдрик принял от Гуты кружку дымящегося кофе и потянул к себе «Доклады». Кривульки, значки, чертежи... На фотографиях — знакомые предметы в странных ракурсах. Статья Кирилла, наконец, вышла: «Об одном неожиданном свойстве магнитных ловушек типа 77-б». Фамилия Панов обведена черной рамкой, внизу мелким шрифтом примечание: «Доктор Кирилл А. Панов, СССР, трагически погиб в процессе проведения эксперимента в апреле 19... года». Рэдрик отбросил журнал, хлебнул, обжигаясь, кофе и спросил:

— Заходил кто-нибудь?

— Гуталин заходил, — сказала Гута. Она стояла у плиты и смотрела на него. — Пьяный в стельку, я его выпроводила.

— А Мартышка как же?

— Не хотела, конечно, его отпускать, реветь было наладилась. Но я сказала, что дядя Гуталин плохо себя чувствует. А она мне так понимающе

отвечает: «Опять засосал Гуталин».

Рэдрик усмехнулся, сделал еще глоток.

— Звонил кто-то, — продолжала Гута. — Себя не назвал, я сказала, что ты на рыбалке.

Рэдрик поставил кружку на стол и поднялся.

— Ладно, — сказал он. — Пойду все-таки помоюсь. Куча дел еще у меня.

Он заперся в ванной, бросил одежду в бак, а кастет, оставшиеся гайки, сигареты и прочую мелочь положил на полочку и долго крутился под горячим, как кипяток, душем, кряхтя, растирая тело варежкой из жесткой губки, пока кожа не стала багровой, потом выключил душ, сел на край ванны и закурил. Урчала вода в трубах. Гута на кухне позвякивала посудой, запахло жареной рыбой, потом Гута постучала в дверь и просунула ему чистое белье.

— Давай побыстрее. — скомандовала она. — Рыба стынет. Она уже отошла и снова принялась командовать. Усмехаясь.

Рэдрик оделся, то есть натянул майку и трусы, и прямо в гаком виде вернулся на кухню.

— Вот теперь и поесть можно. — сказал он, усаживаясь.

— Шмотки в бак положил? — спросила Гута.

— Угу... — проговорил он с набитым ртом. — Хо-

роша рыбка...

— Водой залил?

— Не-а... Виноват, сэр, больше не повторится, сэр... Да брось ты, успеешь, посиди... — Он поймал ее за руку и попытался посадить к себе на колени. Она вывернулась и села за стол напротив.

— Пренебрегаешь, значит, мужем. — сказал Рэдрик. снова набивая полный рот. Брезгуешь, значит...

— Какой из тебя сейчас муж, — сказала Гута. — Ты сейчас пустой мешок, а не муж. тебя сначала набить надо.

— А вдруг? — сказал Рэдрик. — Бывают же на свете чудеса.

— Что-то я таких чудес от тебя еще не видела. Выпьешь, может быть?

Рэдрик нерешительно поиграл вилкой.

— Н-нет, пожалуй. — проговорил он. Он взглянул на часы и поднялся. — Я сейчас пойду. Приготовь мне выходной костюм... по классу «А». Рубашечку там, галстук...

С наслаждением шлепая босыми ногами по прохладному полу, он вышел в гостиную, забрал корзину и заперся с нею в чулане. Там он надел резиновый фартук, натянул резиновые перчатки до локтей и принялся выгружать на стол то, что

было в мешке. Две «пустышки». Коробка с «булавками». Девять «батареек». Три «браслета» и один какой-то обруч — тоже вроде «браслета», но из белого металла и диаметром побольше миллиметров на тридцать. Шестнадцать штук «черных брызг» в полиэтиленовом пакете. Две великолепной сохранности «губки» с кулак величиной. Три «зуды». Банка «газированной глины». В мешке еще оставался тяжелый фарфоровый контейнер, тщательно упакованный в стекловату, но Рэдрик не стал его трогать. Он достал сигарету и закурил, рассматривая добро, разложенное на столе.

Потом он выдвинул ящик, вынул листок бумаги и огрызок карандаша. Зажав сигарету в углу рта и щурясь от дыма, он писал цифру за цифрой, выстраивая все в три столбика, а потом просуммировал первые два. Суммы получились внушительные. Он задавил окурок в пепельнице, осторожно открыл коробку и высыпал «булавки» на бумагу. В электрическом свете «булавки» отливали синевой и только изредка брызгали вдруг чистыми спектральными красками: желтым, красным, зеленым. Он взял одну «булавку» и зажал между большим и указательным пальцами. Осторожно, чтобы не уколоться. Потом он выключил свет и подождал немного, привыкая

к темноте. Но «булавка» молчала. Он отложил ее в сторону, нашарил еще одну, тоже зажал между пальцами. Ничего. Он нажал посильнее, рискуя уколоться, и «булавка» «заговорила». Слабые красноватые вспышки побежали но ней и вдруг сменились более редкими, зелеными. Несколько секунд Рэдрик любовался этой странной игрой вспышек, которая, как он узнал из «Докладов», должна была что-то означать, может быть, что-то очень важное, очень значительное, а потом положил ее отдельно от первой и взял новую...

Всего «булавок» оказалось семьдесят три, из них «говорили» двенадцать, остальные молчали. На самом деле они тоже должны были разговаривать, но для этого пальцев было мало, а нужна была машина величиной со стол. Рэдрик снова зажег свет и к уже написанным цифрам добавил еще две. И только после этого он решился, засунул обе руки в мешок и, затаив дыхание, извлек и положил на стол мягкий сверток. Некоторое время он смотрел на этот сверток, задумчиво почесывая подбородок тыльной стороной ладони. Потом он все-таки взял карандаш, задумчиво повертел его в не уклюжих резиновых пальцах и снова отбросил. Достал еще одну сигарету и, не отрывая глаз от свертка, выкурил ее всю.

— Кой черт! — сказал он громко, решительно взял сверток и сунул обратно в мешок. — И все. И хватит.

Он быстро ссыпал «булавки» обратно в коробку, отложил коробку в сторону, присоединил к ней «браслеты», одну зуду» и, подумав, обруч из белого металла. Остальное добро разложил по разным ящикам в столе. Пора было идти. Наверное, часок можно было бы поспать, но, с другой стороны, было гораздо полезнее прийти на место пораньше и посмотреть, как и что. Он сбросил перчатки, повесил фартук и, не выключив света, вышел из чулана. Костюм уже был разложен на кровати, и Рэдрик принялся одеваться. Он завязывал галстук перед зеркалом, когда в комнате за его спиной тихонько скрипнули половицы, раздалось азартное сопение, и он сделал хмурое лицо, чтобы не расхохотаться.

— У! - крикнул вдруг рядом с ним тонкий голосок, и его схватили за ногу.

— Ах! —воскликнул Рэдрик и упал в обморок на кровать.

Мартышка, хохоча и взвизгивая, немедленно вскарабкалась на него. Его топтали, дергали за волосы и окатывали потоками информации. Соседский Вилли оторвал у куклы ногу. На третьем

этаже завелся котенок, весь белый и с красными глазами, наверное, ходил в Зону. На ужин была каша с вареньем. Дядя Гуталин опять засосал и чувствовал себя плохо, он даже плакал. Почему рыбы не тонут, если они в воде? Почему мама ночью не спала? Почему пальцев пять, а рук две, а нос один?.. Рэдрик осторожно обнимал теплое существо, ползающее по нему, вглядывался в огромные, сплошь темные, без белков, глаза, прижимался щекой к пухлой, заросшей золотым шелковым пухом щечке и повторял:

— Мартышка... Ах ты, Мартышка... Мартышка ты этакая... Потом над ухом резко зазвонил телефон. Он протянул руку и взял трубку.

— Слушаю.

Трубка молчала.

— Алло! — сказал Рэдрик. — Алло!

Никто не отозвался, потом в трубке раздались короткие гудки. Тогда Рэдрик поднялся, опустил Мартышку на пол и, уже больше не слушая ее, натянул брюки и пиджак. Мартышка тарахтела не умолкая, но он только рассеянно улыбался одним ртом. Наконец ему было объявлено, что папа язык проглотил, и он быт оставлен в покое. Он вернулся в чулан, сложил в портфель то, что осталось на столе, сбегал к ванную за кастетом,

снова вернулся в чулан, взял портфель в одну руку, корзину в другую, вышел и тщательно запер дверь чулана на оба замка и крикнул Гуте: «Я пошел!»

— Когда вернешься? — спросила Гута, выйдя из кухни. Она уже причесалась и подкрасилась, и на ней был не халат, а домашнее платье, самое его любимое, ярко-синее с большим вырезом.

— Я позвоню, — сказал он, глядя на нее, потом подошел, наклонился и поцеловал в вырез.

— Иди уж, — тихо сказала Гута.

— А меня? А меня? — заверещала Мартышка, пролезая между ними. Пришлось наклониться еще ниже. Гута смотрела на него не подвижными глазами.

— Чепуха, — сказал он. — Не беспокойся. Я позвоню.

Он спустился по лестнице, здороваясь с соседями и соседками, зашел в гараж, поставил корзину в угол за канистру с маслом, сверху поставил пустой ящик, оглядел все напоследок и вышел на улицу.

Идти было недалеко — два квартала до площади, потом через сквер и еще один квартал до Центрального проспекта. Перед «Метрополем», как всегда, блестел никелем и лаком разноцвет-

ный строй машин, лакеи в малиновых куртках тащили чемоданы в подъезд, какие-то иностранного вида солидные, люди группками но двое, по трое беседовали, дымя сигарами на мраморной лестнице... Рэдрик решил пока не заходить туда. Он устроился под тентом маленького кафе на другой стороне улицы, спросил кофе и закурил. В двух шагах от него сидели за столиком трое чинов международной полиции: они молча и торопливо насыщались жареными сосисками с острым соусом и пили темное пиво из высоких стеклянных кружек. По другую сторону, шагах в десяти, какой-то сержант мрачно пожирал жареный картофель, зажав вилку в кулаке. Голубая каска стояла вверх дном на полу рядом с его стулом, ремень с кобурой лежал на столике рядом с тарелкой. Больше в кафе посетителей не было. Официантка, незнакомая пожилая женщина, стояла в сторонке и время от времени зевала, деликатно прикрывая раскрашенный рот ладонью. Было без двадцати девять.

Рэдрик увидел, как из подъезда гостиницы вышел Ричард Нунан, жуя что-то на ходу и нахлобучивая мягкую шляпу на круглую голову. Он бодро ссыпался по лестнице — маленький, толстенький, розовый, весь такой благополуч-

ный, благостный, свежевымытый, решительно уверенный, что день не принесет ему никаких неприятностей. Он помахал кому-то рукой, перебросил свернутый плащ через правое плечо и подошел к своему «пежо». «Пежо» у Дика был тоже округлый, коротенький, свежевымытый и тоже как бы уверенный, что никакие неприятности ему не грозят.

Прикрывшись ладонью, Рэдрик смотрел, как Нунан хлопотливо и деловито устраивается на переднем сиденье за рулем, что-то перекладывает с переднего сиденья на заднее, за чем-то нагибается, поправляет зеркальце заднего вида. Потом «пежо» фыркнул голубоватым дымком, бибикнул на малинового лакея с чемоданами и бодренько выкатился на улицу. Судя по всему, Нунан направлялся в институт и должен был проехать мимо кафе. Вставать и уходить было уже поздно, поэтому Рэдрик совсем прикрылся ладонью и сгорбился над своей чашкой. Это не помогло. «Пежо» пробибикал над самым ухом, взвизгнули тормоза, и бодрый голос Нунана позвал:

— Э! Шухарт! Рэд!

Выругавшись про себя, Рэдрик поднял голову. Нунан уже шел к нему, на ходу протягивая руку.

Нунан приветливо сиял.

— Ты что здесь делаешь в такую рань? — спросил он, подходя. — Спасибо, мамаша. — бросил он официантке, — ничего не надо... — И снова Рэдрику: — Сто лет тебя не видел. Где ты пропадаешь?

— Да так... — неохотно сказал Рэдрик. — Больше по мелочам. Он смотрел, как Нунан с обычной хлопотливостью и основательностью устраивается на стуле напротив, отодвигает пухлыми ручками стакан с салфетками в одну сторону, тарелку из-под сандвичей — в другую, и слушал, как Нунан дружелюбно болтает:

— Вид у тебя какой-то дохлый, недосыпаешь, что ли? Я, знаешь, в последнее время тоже замотался с этой новой автоматикой, но спать — нет, брат, сон для меня — это первое дело, провались она, эта автоматика... — Он вдруг огляделся. — Слушай, может быть, ты ждешь кого-нибудь? Я не помешал?

— Да нет, — вяло сказал Рэдрик. — Просто время есть, дай, думаю, кофе хоть попью...

— Ну, я тебя надолго не задержу, — сказал Дик и посмотрел на часы. — Слушай, Рэд, брось ты свои мелочи, возвращайся в институт! Там тебя в любой момент возьмут... Хочешь — опять к русскому, вместо Кирилла прибыл недавно. Рэдрик

покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Второй Кирилл на свете еще не народился... Да и нечего мне делать в вашем институте. У вас там теперь все автоматика, роботы в Зону ходят, премиальные, надо понимать, тоже роботы получают... а лаборантские гроши — мне их и на табак не хватит.

— Ну, это все можно было бы устроить. — возразил Нунан.

— А я не люблю, когда для меня устраивают. — сказал Рэдрик. — Сроду я сам устраивался. И дальше намерен сам.

— Гордый ты стал, — произнес Нунан с осуждением.

— Ничего я не гордый. Деньги я не люблю считать, вот что.

— Ну что ж, ты прав, — сказал Нунан рассеянно. Он равнодушно поглядел на портфель Рэдрика на стуле рядом, потер пальцем серебряную пластинку с выгравированными на ней славянскими буквами. — Деньги нужны человеку для того, чтобы никогда о них не думать... Кирилл подарил? — спросил он, кивая на портфель.

— В наследство досталось, — сказал Рэдрик. — Что это тебя в «Боржче» не видно последнее время?

— Положим, это тебя не видно. — возразил Нунан. — Я-то там почти каждый день обедаю. Слушай, — сказал он вдруг, — а как у тебя сейчас с деньгами?

— Занять хочешь? — спросил Рэдрик.

— Нет. Наоборот.

— Одолжить, значит?

— Есть работа, — сказал Нунан.

— О господи, — сказал Рэдрик. — И ты туда же?

— А кто еще? — сейчас же спросил Нунан.

— Да много вас таких... работодателей.

Нунан, словно бы только что поняв его, рассмеялся.

— Нет, это не по твоей специальности.

— А по чьей?

Нунан снова посмотрел на часы.

— Вот что, — сказал он, поднимаясь. — Приходи сегодня в «Боржч» к обеду, часам к двум, поговорим.

— К двум я могу не успеть, — сказал Рэдрик.

— Тогда вечером, часам к шести. Идет?

— Посмотрим, — сказал Рэдрик и тоже посмотрел на часы. Было без пяти девять.

Нунан сделал ручкой и покатился к своему «пежо>. Рэдрик проводил его глазами, подозвал официантку, спросил пачку «Лаки страйк». рас-

платился и, взяв портфель, неторопливо пошел через улицу к отелю. Солнце уже изрядно припекало, улица быстро наполнялась влажной духотой, и Рэдрик ощутил легкое жжение под веками. Он сильно зажмурился, жалея, что не хватило времени поспать хотя бы часок перед важным делом, и тут на него накатило. Такого с ним еще никогда не было вне Зоны, да и в Зоне случалось всего раза два-три. Он вдруг словно попал в другой мир. Миллионы запахов разом обрушились на него — резких, сладких, металлических, ласковых, опасных, тревожных, огромных, как дома, крошечных, как пылинки, грубых, как булыжники, тонких и сложных, как часовые механизмы. Это длилось какой-то миг. Он открыл глаза, и все пропало. Это был не другой мир. Это прежний, знакомый мир повернулся к нему другой, неизвестной стороной. Сторона эта открылась ему на мгновение и снова закрылась наглухо, прежде чем он успел разобраться. Над ухом рявкнул раздраженный сигнал. Рэдрик ускорил шаги, потом побежал и остановился только у стены отеля. Сердце билось бешено, он поставил портфель на асфальт, торопливо разорвал пачку с сигаретами, закурил. Он глубоко затягивался, отдыхая, как после драки, и дежурный полисмен

остановился рядом и спросил его озабоченно:

— Вам помочь, мистер?

— Нет, — выдавил из себя Рэдрик и прокашлялся. — Душно...

— Может быть, проводить вас? Рэдрик наклонился и поднял портфель.

— Все, — сказал он. — Все в Порядке, приятель. Спасибо.

Он быстро зашагал к подъезду, поднялся по ступенькам и вошел в вестибюль. Здесь было прохладно, сумрачно, гулко. Надо было бы посидеть в одном из этих громадных кожаных кресел, отойти, отдышаться, но он уже и без того опаздывал. Он позволил себе только докурить до конца сигарету, разглядывая из-под полуопущенных век людей, которые толклись в вестибюле. Костлявый был уже тут как тут — копался в журналах у газетной стойки. Рэдрик бросил окурок в урну и вошел в кабину лифта. Он не успел закрыть дверь, и вместе с ним втиснулись какой-то потный толстяк с астматическим дыханием, крепко надушенная дамочка при мрачном мальчике, жующем шоколад, и какая-то старуха с плохо выбритым подбородком. Рэдрика затиснули в угол. Он закрыл глаза, чтобы не видеть мальчика, у которого по подбородку текли шоколадные слюни.

Толстяк попытался закурить, но старуха его осадила и продолжала осаживать до пятого этажа, где она выходила. Когда она вышла, толстяк все-таки закурил с таким видом, словно отстоял свои гражданские свободы, и тут же принялся кашлять и задыхаться, сипя и хрипя, по-верблюжьи вытягивая губы и толкая Рэдрика в бок мучительно оттопыренным локтем. На восьмом этаже Рэдрик вышел, грохнул за собой дверью и, чтобы отвести душу, громко, старательно произнес:

— В нутро твое, небритая карга, старая сука, кашлюном вонючим, полудохлым в печень трахнутая, вместе с сопляком слюнявым, шоколадным...

Потом он двинулся но мягкому ковру вдоль коридора, озаренного уютным светом скрытых ламп. Здесь пахло дорогим табаком, па рижскими духами, натуральной кожей туго набитых бумажников, дорогими дамочками по пятьсот монет за ночь, массивными золотыми портсигарами, всей этой дешевкой, всей этой гнусной плесенью, которая наросла на Зоне, пила от Зоны, жрала, совокуплялась, жирела от Зоны, и на все ей было наплевать, и в особенности ей было наплевать на то, что будет после, когда она нажрется, напьется, насовокупляется всласть, а все то, что было в

Зоне, окажется снаружи и осядет в мире. Рэдрик без стука толкнул дверь номера 874. Хрипатый, сидя на столе у окна, колдовал над сигарой. Он был еще в пижаме, с мокрыми редкими волосами, впрочем, тщательно зачесанными на пробор, нездоровое одутловатое лицо его было гладко выбрито.

— Ага, — произнес он, не поднимая глаза. — Точность — вежливость королей. Здравствуйте, мой мальчик.

Он кончил отстригать у сигары кончик, взял ее двумя руками, поднес к усам и поводил носом вдоль нее взад и вперед.

— А где же наш старый добрый Барбридж? — спросил он и поднял глаз. Глаза у него были прозрачные, голубые, ангельские.

Рэдрик поставил портфель на диван, сел и достал сигареты.

— Барбридж не придет, — сказал он.

— Старый добрый Барбридж, — проговорил Хрипатый, взял сигару двумя пальцами и осторожно поднес ее ко рту. — У старого Барбриджа разыгрались нервы.

Он все смотрел на Рэдрика чистыми голубыми глазами и не мигал. Он никогда не мигал. Дверь приоткрылась, и в номер протиснулся

Костлявый.

— Кто был этот человек, с которым вы разговаривали? — спросил он с порога.

— Здравствуйте, — вежливо сказал ему Рэдрик, стряхивая пепел на пол.

Костлявый засунул руки в карманы и, широко переступая огромными скошенными внутрь ступнями, приблизился и остановился перед Рэдриком.

— Мы вам сто раз говорили, — укоризненно произнес он. — Никаких контактов перед встречей. А вы что делаете?

— Я здороваюсь, — сказал Рэдрик. — А вы?

Хрипатый рассмеялся, а Костлявый раздраженно сказал:

— Здравствуйте, здравствуйте... — Он перестал сверлить Рэдрика возмущенным взглядом и грохнулся рядом на диван. — Нельзя так делать. — сказал он. — Понимаете? Нельзя!

— Тогда назначайте мне свидания там, где у меня нет знакомых. — сказал Рэдрик.

— Мальчик прав, — сказал Хрипатый. — Наша промашка. Так кто был этот человек?

— Это Ричард Нунан, — сказал Рэдрик. — Он представитель каких-то фирм, поставляющих оборудование для института. Живет здесь, в

отеле.

— Вот видишь, как просто! — сказал Хрипатый Костлявому, взял со стола колоссальную зажигалку в виде статуи Свободы, с сомнением посмотрел на нее и поставил обратно.

— А где Барбридж? — спросил Костлявый уже почти дружелюбно.

— Накрылся Барбридж, — сказал Рэдрик. Эти двое быстро переглянулись.

— Мир праху его, — сказал Хрипатый. — Или, может быть, он арестован ?

Рэдрик некоторое время не отвечал, медленными затяжками докуривая сигарету. Потом он бросил окурок на пол и сказал:

— Не бойтесь, все чисто. Он в больнице.

— Ничего себе — чисто, — сказал Костлявый нервно, вскочил и прошел к окну. — В какой больнице?

— Не бойтесь, — повторил Рэдрик. — В какой надо. Давайте к делу, я спать хочу.

— В какой больнице? — уже раздраженно спросил Костлявый.

— Так я вам и сказал, — отозвался Рэдрик. Он взял портфель. — Будем мы делом заниматься сегодня или нет?

— Будем, будем, мой мальчик, — сказал Хри-

патый ласково. С неожиданной легкостью он соскочил на пол, быстро придвинул к Рэдрику журнальный столик, одним движением смахнул на ковер кипы журналов и газет и сел напротив, уперев в колени розовые волосатые руки. — Предъявляйте.

Рэдрик раскрыл портфель, вытащил список с ценами и положил перед Хрипатым. Хрипатый взглянул и ногтем отодвинул список в сторону. Костлявый зашел ему за спину и уставился в список через его плечо.

— Это счет, — произнес Рэдрик.

— Вижу, — сказал Хрипатый. — Предъявляйте, предъявляйте!

— Деньги, — сказал Рэдрик.

— Что это за «кольцо»? — спросил Костлявый, тыча через плечо Хрипатого пальцем в список.

Рэдрик молчал. Он держал раскрытый портфель на коленях, не отрываясь, смотрел в голубые ангельские глазки Хрипатого. Хрипатый, наконец, усмехнулся.

— И за что это я вас так люблю, мой мальчик? — проворковал он. — А еще говорят, что любви с первого взгляда не бывает. — Он вздохнул. — Фил, отслюни ему зелененьких... и дай мне, наконец, спичку. Ты же видишь... — И он потряс сигарой,

зажатой в двух пальцах.

Костлявый Фил проворчал что-то неразборчиво, вышел в соседнюю комнату через дверь, задернутую портьерой. Было слышно, как он с кем-то там разговаривает раздраженно и невнятно, что-то насчет «кота в мешке», а Хрипатый все разглядывал Рэдрика в упор с застывшей улыбкой на тонких бледных губах и словно бы размышлял о чем-то, а Рэдрик, положив подбородок на портфель, тоже смотрел ему в лицо и тоже старался не мигать, хотя веки жгло, как огнем, и на глаза набегала слеза. Потом Костлявый вернулся, бросил на столик две обандероленные пачки банкнот и, надувшись, сел рядом с Рэдриком. Рэдрик лениво потянулся за деньгами, но Хрипатый жестом остановил его, ободрал с пачек бандероли и сунул их себе в карман пижамы.

— Теперь прошу, — сказал он.

Рэдрик взял деньги и, не считая, запихал пачки во внутренние карманы пиджака. Затем он принялся выкладывать хабар. Он делал это медленно, давая возможность этим людям рассмотреть и сверить со списком каждый предмет в отдельности. В комнате было тихо, только тяжело дышал Хрипатый, и еще из-за портьеры доносилось слабое звяканье — вроде бы ложечки о край ста-

кана. Когда Рэдрик, наконец, закрыл портфель и защелкнул замки. Хрипатый поднял на него глаза и спросил:

— Это все?

— Все по списку, — ответил Рэдрик.

— Это я вижу, — сказал Хрипатый. — Я спрашиваю, это все?

— Все, — сказал Рэдрик. Он помолчал и добавил: — Пока.

— Мне нравится это «пока», — ласково сказал Хрипатый. — А тебе, Фил?

— Темните, Шухарт, — сказал Костлявый брюзгливо. — А чего темнить, спрашивается?

— Специальность такая, — сказал Рэдрик. — Темные делишки. Тяжелая у нас с вами специальность.

— Ну ладно, — сказал Хрипатый. — А где фотоаппарат?

— А, черт! — проговорил Рэдрик. Он потер щеки пальцами, чувствуя, как краска заливает его лицо. — Виноват, — сказал он. — Начисто забыл.

— Там? — спросил Хрипатый, делая неопределенное движение сигарой.

— Не помню... — Он закрыл глаза и откинулся на спинку дивана. — Нет, начисто не помню.

— Жаль, — сказал Хрипатый. — Но вы, по край-

ней мере, хоть видели эту штуку ?

— Да нет же, — с досадой сказал Рэдрик. — В том-то и дело. Мы же не дошли до завода. Барбридж вляпался в «ведьмин студень», и мне пришлось сразу поворачивать оглобли... Если бы я ее увидел, уж будьте уверены, я бы не забыл...

— Слушай-ка, Хуг, посмотри! — шепотом произнес вдруг Костлявый. — Что это такое?

Он сидел, вытянув указательный палец правой руки. Вокруг пальца у него крутился тот самый белый металлический обруч, к Костлявый глядел на этот обруч, вытаращив глаза.

— Он не останавливается! — громко сказал Костлявым, переводя круглые глаза с обруча на Хрипатого и обратно.

— Что значит — не останавливается? — осторожно спросил Хрипатый.

— Я надел его на палец и крутанул разок — просто так... и он уже целую минуту не останавливается!

Он вдруг вскочил и, держа вытянутый палец перед собой, побежал за портьеру. «Кольцо», серебристо поблескивая, мерно крутилось перед ним, как самолетный пропеллер.

— Что это вы нам принесли? — спросил Хрипатый.

— Черт его знает, — сказал Рэдрик.— Я и не знал... Знал бы — содрал побольше.

Хрипатый некоторое время смотрел на него, затем встал и тоже удалился за портьеру. Там сейчас же забубнили голоса. Рэдрик вытащил сигарету, закурил, подобрал с пола какой-то журнал и принялся рассеянно перелистывать. В журнале было полным-полно крепкозадых красоток, но почему-то было сейчас тошно смотреть на них, и Рэдрик отшвырнул журнал и пошарил глазами но номеру, ища что-нибудь выпить. Потом он извлек из внутреннего кармана пачку и пересчитал бумажки. Все было правильно, но, чтобы не заснуть, он пересчитал и вторую пачку. Когда он прятал ее в карман, вернулся Хрипатый.

— Вам везет, мой мальчик, — объявил он, усаживаясь снова напротив Рэдрика. — Знаете, что такое перпетуум-мобиле?

— Нет, — сказал Рэдрик. — У нас этого не проходили.

— И не надо. — сказал Хрипатый. Он достал из кармана пижамы и положил перед Рэдриком еще одну пачку банкнот. — Это цена первого экземпляра, произнес он, обдирая с пачки бандероль. — За каждый новый найденный экземпляр такого вот «кольца » вы будете получать по две

таких пачки. Запомнили, мой мальчик? Но две. При условии, что кроме нас с вами никто об этих «кольцах» никогда ничего не узнает. Договорились?

Рэдрик молча засунул пачку в карман и поднялся.

— Я пошел, —сказал он. Когда и где в следующий раз?

Хрипатый тоже поднялся.

— Вам позвонят, — сказал он. — Ждите звонка каждую пятницу с девяти до одиннадцати утра. Вам передадут привет от Хуга и Фила и назначат свидание.

Рэдрик кивнул и направился к двери. Хрипатый последовал за ним, положив руку ему на плечо.

— Я хотел бы, чтобы вы поняли, — продолжал он. — Все это хорошо, очень мило и так далее, а «кольцо» так это просто чудесно, но прежде всего нам нужны две вещи: фотографии и полный контейнер. Верните нам наш фотоаппарат и наш фарфоровый контейнер, и вам больше никогда не придется ходить в Зону.

Рэдрик, шевельнув плечом, сбросил его руку, отпер дверь и вышел. Он, не оборачиваясь, шагал но мягкому ковру и чувствовал у себя на затылке голубой ангельский немигающий взгляд. Он не

стал ждать лифта и спустился с восьмого этажа пешком.

Выйдя из «Метрополя», он взял такси и поехал на другой конец города. Шофер попался незнакомый, из новичков — носатый прыщавый малец, один из тех, кто валом валили в город пару лет назад в поисках зубодробительных приключений, несметных богатств и всемирной славы, да так и осели — шоферами такси, официантами, строительными рабочими, вышибалами в бардаках — алчущие, бесталанные, всем на свете недовольные, ужасно разочарованные и полагающие, что им безумно не повезло. Половина из них, промыкавшись месяц-другой, с проклятиями возвращались по домам, разнося свое разочарование чуть ли не во все страны света, считанные единицы становились сталкерами и быстро погибали, так и не успев ни в чем разобраться и посмертно превращаясь в легендарных героев. Некоторым удавалось поступить в институт — самым толковым и грамотным, годным хотя бы на должность препаратора, а остальные насоздавали политических партий, религиозных сект, каких-то кружков взаимопомощи, вечера напролет просиживали в кабаках, дрались из-за расхождений во взглядах, из-за девчонок и просто

так, по пьянке. Время от времени они устраивали шествия с какими-то петициями, какие-то демонстрации протеста, какие-то забастовки — сидячие, стоячие и даже лежачие, совершенно остервенили городскую полицию, комендатуру и старожилов, но чем дальше, тем основательнее успокаивались, смирялись и все меньше и меньше понимали, чего же они добивались.

От носатого прыщавого шофера за версту несло перегаром, глаза у него были красные, как у кролика, но он был страшно возбужден и с ходу принялся рассказывать Рэдрику, как сегодня утром на их улицу явился покойник с кладбища. Пришел, значит, в свой дом, а дом-то уж сколько лет заколочен, все оттуда уехали — и вдова его, старуха, и дочка с мужем, и внуки. Сам-то он, соседи говорят, умер лет тридцать назад, еще до Посещения, а теперь вот — привет! — приперся. Походил-походил вокруг дома, поскребся, потом уселся у забора и сидит. Народу набежало со всего квартала, смотрят, подойти, конечно, боятся. Потом кто-то догадался: взломали дверь в его дом, открыли, значит, ему вход. И что вы думаете? Встал и вошел и дверь за собой закрыл. Мне на работу надо было бежать, не знаю, чем там дело кончилось, знаю только, что собирались в инсти-

тут звонить, чтобы забрали его от нас к чертовой бабушке. Не слыхали? Говорят, комендатура готовит приказ, чтобы этих покойников, если родственники у них выехали, посылали к ним по месту жительства... То-то радости у них будет! А уж смердит от него... ну, на то он и покойник.

— Стоп, — сказал Рэдрик. — Останови вот здесь.

Он пошарил в кармане. Мелочи не оказалось, пришлось разменять новую кредитку. Потом он постоял у ворот и подождал, пока такси уедет. Коттеджик у Стервятника был неплохой: два этажа, застекленный флигель с бильярдной, ухоженный садик, оранжерея, белая беседка среди яблонь. И вокруг всего этого — узорная железная решетка, выкрашенная зеленой масляной краской. Рэдрик не сколько раз нажал кнопку звонка — калитка с легким скрипом отворилась. Рэдрик неторопливо двинулся по песчаной дорожке, обсаженной розовыми кустами, а на крыльце коттеджа уже стоял Суслик, скрюченный, черно-багровый, весь азартно трясущийся от желания услужить. От нетерпения он повернулся боком, спустил со ступеньки одну судорожно нащупывающую опору ногу, утвердился на нижней ступеньке, стал тянуть к нижней ступеньке вторую ногу и

при этом все дергал, дергал в сторону Рэдрика здоровой рукой: сейчас, мол, сейчас...

— Эй, Рыжий! — окликнул Рэдрика из сада женский голос. Он повернул голову и увидел среди зелени под белой ажурной крышей беседки голые смуглые плечи, черные распущенные волосы, ярко-красный рот, машущую руку. Он кивнул Суслику, свернул с дорожки и напролом, через розовые кусты, по мягкой зеленой траве направился к беседке.

На лужайке перед беседкой был расстелен огромный красный мат, а на мате восседала со стаканом в руке Дина Барбридж в почти невидимом купальном костюме, рядом валялась книжка в пестрой обложке, и тут же в тени под кустом стояло блестящее ведерко со льдом, из которого торчало узкое длинное горлышко бутылки.

— Здорово, Рыжий, — сказала Дина Барбридж, делая приветственное движение стаканом. — А где же папахен? Опять засыпался?

Рэдрик подошел и остановился, заведя руки с портфелем за спину, глядя на нее сверху вниз. Да, детей себе Стервятник у кого-то в Зоне выпросил на славу. Вся она была атласная, пышно-плотная, без единого изъяна, без единой лишней складки, полтораста фунтов двадцатилетней лакомой пло-

ти, и еще изумрудные глаза, светящиеся изнутри, и еще большой влажный рот и ровные белые зубы, и еще вороные волосы, блестящие под солнцем, небрежно брошенные на одно плечо, и солнце так и ходило по ней, переливаясь с плеч на живот и на бедра, оставляя тени между почти голыми грудями. Он стоял над нею и откровенно разглядывал ее, а она смотрела на него снизу вверх, понимающе усмехаясь, а потом поднесла стакан к губам и сделала несколько глотков.

— Хочешь? — спросила она, облизывая губы, и, подождав ровно столько, чтобы двусмысленность дошла до него, протянула ему стакан.

Он отвернулся, поискал глазами и, обнаружив рядом в тени шезлонг, уселся и вытянул ноги.

— Барбридж в больнице, — сказал он. — Ноги ему отрежут. По-прежнему улыбаясь, она смотрела на него одним гла зом — другой скрывала плотная волна волос, упавшая на пле чо, — только улыбка ее сделалась неподвижной, сахарный оскал на смуглом лице. Потом она машинально покачала стакан, словно бы прислушиваясь к звяканью льдинок о стенки, и спросила:

— Обе ноги?

— Обе. Может быть, до колен, а может, и выше.

Она поставила стакан и отвела с лица волосы.

Она больше не улыбалась.

— Жаль, — проговорила она. — Что же ты...

Именно ей, Дине Барбридж, он мог бы подробно рассказать, как все это случилось и как все это было. Наверное, он мог бы ей рассказать даже, как возвращался к машине, держа наготове кастет, и как Барбридж просил — не за себя просил, за детей, за нее и за Арчи, и сулил Золотой шар. Но он не стал рассказывать. Он молча полез за пазуху, вытащил пачку ассигнаций и бросил ее на красный мат, прямо к голым длинным ногам Дины. Банкноты разлетелись радужным веером, и Дина рассеянно взяла несколько штук и стала их рассматривать, словно видела впервые, но не очень интересовалась.

— Последняя получка, значит, — проговорила она.

Рэдрик перегнулся с шезлонга, дотянулся до ведерка, вытащил бутылку и взглянул на ярлык. По темному стеклу стекала вода, и Рэдрик отвел бутылку в сторону, чтобы не капало на брюки. Он не любил дорогих виски, но сейчас можно было хлебнуть и этого. И он уже нацелился хлебнуть прямо из горлышка, но его остановили невнятные протестующие звуки за спиной, он оглянулся и увидел, что через лужайку, мучи-

тельно переставляя кривые ноги, изо всех сил спешит Суслик, держа перед собой в обеих руках высокий стакан с прозрачной смесью. От усердия пот градом катился по его черно-багровому лицу, налитые кровью глаза совсем вылезли из орбит, и, увидев, что Рэдрик смотрит на него, он чуть ли не с отчаянием протянул перед собой стакан и снова не то замычал, не то заскулил, широко и бессильно раскрывая беззубый рот.

— Жду, жду, — сказал Рэдрик и сунул бутылку обратно в лед. Суслик подковылял, наконец, подал Рэдрику стакан и с робкой фамильярностью потрепал его по плечу клешнятой рукой.

— Спасибо, Диксон, — серьезно сказал Рэдрик. — Это как раз то самое, чего мне сейчас не хватало. Ты, как всегда, на высоте.

И пока Суслик в смущении и восторге тряс головой и судорожно бил себя здоровой рукой по бедру, Рэдрик торжественно поднял стакан, кивнул ему и залпом отпил половину. Потом он посмотрел на Дину.

— Хочешь? — сказал он, показывая ей стакан.

Она не ответила. Она складывала ассигнацию пополам, и еще раз пополам, и еще раз пополам.

— Брось, — сказал он. — Не пропадете. У твоего папаши...

Она перебила его.

— И ты его тащил, — сказала она. Она его не спрашивала, она утверждала. — Пер его, дурак, через всю Зону, кретин рыжий, пер на хребте эту сволочь, слюнтяй, такой случай упустил...

Он смотрел на нее, забыв о стакане, а она поднялась, прошла, ступая по разбросанным банкнотам, и остановилась перед ним, упирая сжатые кулаки в гладкие бока, загородив от него весь мир своим великолепным телом, пахнущим духами и сладким потом.

— Вот так он всех вас, идиотиков, вокруг пальца... по вашим костям, по вашим башкам безмозглым... Погоди, погоди, он еще на костылях по вашим черепам походит, он вам еще покажет любовь и милосердие! — Она уже почти кричала. — Золотой шар, небось, тебе обещал, да? Карту, ловушки, да? По роже твоей конопатой вижу, что обещал... Погоди, он тебе даст карту, упокой господи глупую душу рыжего дурака Рэдрика Шухарта...

Тогда Рэдрик неторопливо поднялся и с размаху залепил ей пощечину, и она смолкла на полуслове, как подрубленная опустилась на траву и уткнула лицо в ладони.

— Дурак... Рыжий... — невнятно проговорила

она. — Такой случай упустил... такой случай!..

Рэдрик, глядя на нее сверху вниз, допил стакан и, не оборачиваясь, ткнул его Суслику. Говорить здесь было больше не о чем. Хороших деток вымолил себе Стервятник Барбридж в Зоне. Толковых.

Он вышел на улицу, поймал такси и велел ехать к «Боржчу». Надо было кончать все эти дела, спать хотелось невыносимо, перед глазами все плыло, и он таки заснул, навалившись на портфель всем телом, и проснулся, когда шофер потряс его за плечо.

— Приехали, мистер...

— Где это мы? — проговорил он спросонья, озираясь. — Я же велел к банку...

— Никак нет, мистер, — осклабился шофер. — Велели к «Боржчу». Вот вам «Боржч».

— Ладно, — проворчал Рэдрик. — Приснилось что-то...

Он расплатился и вылез, с трудом шевеля затекшими ногами. Асфальт уже раскалился под солнцем. Рэдрик почувствовал, что он весь мокрый, во рту было гадко, глаза слезились. Прежде чем войти, он огляделся. Улица перед «Боржчем», как всегда в этот час, была пустынной. Заведения напротив были еще закрыты, да и сам «Боржч» был, собственно, закрыт, но Эрнест был уже на

посту, протирал бокалы, хмуро поглядывая из-за стойки на трех каких-то хмырей, лакавших пиво за угловым столиком. С остальных столиков еще не были сняты перевернутые стулья, незнакомый негр в белой куртке надраивал пол шваброй, и еще один негр корячился с ящиками пива за спиной у Эрнеста. Рэдрик подошел к стойке, поставил на нее портфель и поздоровался. Эрнест пробурчал в ответ что-то неприветливое.

— Пива налей, — сказал Рэдрик и судорожно зевнул. Эрнест грохнул на стойку пустую кружку, выхватил из холодильника бутылку, откупорил ее и наклонил над кружкой. Рэдрик, прикрывая рот ладонью, уставился на его руку. Рука дрожала. Горлышко бутылки несколько раз звякнуло о край кружки. Рэдрик взглянул Эрнесту в лице. Тяжелые веки Эрнеста были опущены, маленький рот искривлен, толстые щеки обвисли. Негр шаркал шваброй под самыми ногами у Рэдрика, хмыри в углу громко и азартно спорили о бегах, негр, ворочавший ящики, толкнул Эрнеста задом так, что тот покачнулся. Негр принялся бормотать извине ния. Эрнест произнес сдавленным голосом:

— Принес?

— Что — принес? — Рэдрик оглянулся через

плечо.

Один из хмырей лениво поднялся из-за столика, пошел к выходу и остановился в дверях, раскуривая сигарету.

— Пойдем, потолкуем, — сказал Эрнест.

Негр со шваброй теперь тоже стоял между Рэдриком и дверью. Здоровенный такой негр, вроде Гуталина, только в два раза шире.

— Пойдем, — сказал Рэдрик и взял портфель. Сна у него уже не было ни в одном глазу.

Он зашел за стойку, протиснулся мимо негра с пивными ящиками — негр прищемил, видно, себе палец и теперь облизывал ноготь языком, исподлобья разглядывая Рэдрика. Тоже очень крепкий негр со сломанным носом и расплющенными ушами. Эрнест прошел в заднюю комнату, и Рэдрик последовал за ним, потому что теперь уже все трое хмырей стояли у выхода, а негр со шваброй оказался перед кулисами, ведущими на склад.

В задней комнате Эрнест отступил в сторону и, сгорбившись, сел на стул у стены, а из-за стола поднялся капитан Квотерблад, желтый и скорбный, а откуда-то слева воздвигся громадный ооновец в нахлобученной на глаза каске, быстро взял Рэдрика за бока и провел огромными ладо-

нями по карманам. У правого бокового кармана он задержался, извлек кастет и легонько подтолкнул Рэдрика к капитану. Рэдрик подошел к столу и поставил перед капитаном Квотербладом портфель.

— Что ж ты, зараза? — сказал он Эрнесту.

Эрнест уныло двинул бровями и пожал одним плечом. Все было ясно. В дверях уже стояли, ухмыляясь, оба негра. И больше дверей не было, а окно было закрыто и забрано снаружи основательной решеткой.

Капитан Квотерблад, с отвращением кривя лицо, обеими руками копался в портфеле, выкладывая на стол: «пустышки» малые, две штуки; «батарейки», девять штук; «черные брызги» разных размеров, шестнадцать штук в полиэтиленовом пакете; «губки» прекрасной сохранности, две штуки; «газированной глины» одна банка...

— В карманах есть что-нибудь? — тихо произнес капитан Квотерблад. — Выкладывайте...

— Суки, — сказал Рэдрик. — З-заразы.

Он сунул руку за пазуху и швырнул на стол пачку банкнот. Банкноты полетели во все стороны.

— Ого! — произнес капитан Квотерблад. — Еще?

— Жабы вонючие! — заорал Рэдрик, выхватил

из кармана вторую пачку и с размаху швырнул ее себе под ноги. — Жрите! Подавитесь!

— Очень интересно, — произнес капитан Квотерблад спокойно. — А теперь подбери все это.

— Хрена в глаз!—сказал Рэдрик, закладывая руки за спину. — Холуи подберут! Сам подберешь!

— Подбери деньги, сталкер! — не поднимая голоса, сказал капитан Квотерблад, упираясь кулаками в стол и весь подавшись вперед.

Несколько секунд они молча глядели друг другу в глаза, потом Рэдрик, бормоча ругательства, опустился на корточки и принялся неохотно собирать деньги. Негры за спиной захихикали, а ооновец довольно фыркнул.

— Не фыркай! — сказал ему Рэдрик. — Сопля вылетит.

Он ползал уже на коленях, собирая бумажки по одной, все ближе подбираясь к темному медному кольцу, мирно лежащему в заросшей грязью выемке в паркете, поворачиваясь так, чтобы было удобно, он все выкрикивал и выкрикивал грязные ругательства, все, какие мог вспомнить, и еще те, которые придумывал с ходу, а когда настал момент, он замолчал, напрягся, ухватился за кольцо, изо всех сил рванул его вверх, и распахнувшаяся крышка люка еще не успела

грохнуться об пол, а он уже нырнул вниз головой, вытянув напряженные руки, в сырую холодную тьму винного погреба.

Он упал на руки, перекатился через голову, вскочил и, согнувшись, бросился, ничего не видя, полагаясь только на память и на удачу, в узкий проход между штабелями ящиков, на ходу дергая, раскачивая эти штабеля и слыша, как они со звоном и грохотом валятся в проход позади него, оскальзываясь, взбежал по невидимым ступенькам, всем телом вышиб обитую ржавой жестью дверь и оказался в гараже Эрнеста. Он весь трясся и тяжело дышал, перед глазами плыли кровавые пятна, сердце тяжелыми толчками било в самое горло, но он не остановился ни на секунду. Он сразу бросился в дальний угол и, обдирая руки, принялся разваливать гору хлама, под которой в стене гаража было выломано несколько досок. Затем он лег на живот и прополз через эту дыру, слыша, как с треском рвется что-то в его пиджаке, и уже во дворе, узком, как колодец, присел между мусорными контейнерами, стянул с себя пиджак, сорвал и бросил галстук, быстро оглядел себя, отряхнул брюки, выпрямился и, пробежав через двор, нырнул в низкий вонючий тоннель, ведущий в соседний такой же двор. На

бегу он прислушался, но воя патрульных сирен слышно пока не было, и он побежал еще быстрее, распугивая сопливых ребятишек, ныряя под развешанное белье, пролезая в дыры в сгнивших заборах, стараясь поскорее вы браться из этого квартала, пока капитан Квотерблад не успел вызвать оцепление. Он прекрасно знал эти места. Во всех этих дворах, в подвалах, в заброшенных прачечных, в угольных складах он играл еще мальчишкой, везде у него здесь были знакомые и даже друзья, и при других обстоятельствах ему ничего не стоило бы спрятаться здесь и отсиживаться хоть целый месяц, но не для того он совершил дерзкий побег из-под ареста — из-под носа капитана Квотерблада, разом заработав себе лишних шесть месяцев.

Ему здорово повезло. По Семнадцатой улице валило, горланя и пыля, очередное шествие какой-то лиги — человек двести длинноволосых дураков и стриженых дур, размахивающих дурацкими транспарантами, таких же растерзанных и неопрятных, как он сам, и даже хуже, будто все они тоже только что продирались через лазы в заборах, опрокидывали на себя мусорные баки, да еще предварительно провели бурную ночку на угольном складе вдобавок. Он вынырнул из

подворотни, с ходу врезался в эту толпу и наискосок, толкаясь, наступая на ноги, получая по уху и давая сдачи, продрался на другую сторону улицы и снова нырнул в подворотню как раз в тот момент, когда впереди послышался знакомый отвратительный вой патрульных машин и шествие остановилось, сжимаясь гармошкой. Но он уже был в другом квартале, и капитан Квотерблад не мог знать, в каком именно.

Он вышел на свой гараж со стороны склада радиотоваров, и ему пришлось прождать некоторое время, пока рабочие загружали автокар огромными картонными коробками с телевизорами. Он устроился в чахлых кустах сирени перед глухой стеной соседнего дома, отдышался немного и выкурил сигарету. Он жадно курил, присев на корточки, прислонившись спиной к жесткой штукатурке брандмауэра, время от времени прикладывая руку к щеке, чтобы унять нервный тик, и думал, думал, думал, а когда автокар с рабочими с гудением укатил в подворотню, он засмеялся и негромко сказал ему вслед: «Спасибо вам, ребята, задержали дурака... дали подумать», и с этого момента он начал действовать быстро, но без торопливости, ловко, продуманно, словно работал в Зоне, — уже не как беглец, а как сталкер.

Он проник в свой гараж через тайный лаз, бесшумно убрал пустой ящик, засунул руку в корзину, осторожно достал сверток и сунул его за пазуху. Затем он снял с гвоздя старую потертую кожанку, нашел в углу замасленное кепи и обеими руками натянул его низко на лоб. Сквозь щели ворот в полутьму гаража падали узкие полосы солнечного света, полные сверкающих пылинок, во дворе азартно визжали ребятишки, и, уже собираясь уходить, он вдруг узнал голос дочки. Тогда он приник глазом к самой широкой щели и некоторое время смотрел, как Мартышка, размахивая двумя воздушными шариками, бегает вокруг качелей, а две старухи соседки с вязанием на коленях сидят тут же на скамеечке и смотрят на нее, неприязненно поджав губы. Обмениваются своими вонючими мнениями, старые суки. А ребятишки — ничего, играют с ней как ни в чем не бывало, не зря он к ним подлизывался, как умел, и качели эти сделал для них, и горку деревянную, и кукольный домик. И скамейку эту, на которой сидят старые суки, тоже он сделал. «Ладно», — сказал он одними губами, оторвался от щели, последний раз оглядел гараж и нырнул в лаз.

На юго-западной окраине города, возле забро-

шенной бензоколонки, была будка телефона-автомата. Бог знает, кто здесь ею пользовался — вокруг были заколоченные дома, а дальше к югу расстилался необозримый пустырь бывшей городской свалки. Рэдрик сел в тени будки прямо на землю и засунул руку в щель под будкой. Он нащупал промасленную бумагу и рукоять пистолета, завернутого в эту бумагу, оцинкованная коробка с патронами тоже была на месте, и мешочек с «браслетами», и старое портмоне с документами — тайник был в порядке. Тогда он снял с себя кожанку и кепи и полез за пазуху. С минуту он сидел, взвешивая на ладони фарфоровый баллончик с неодолимой и неотвратимой смертью внутри. И тут он почувствовал, как у него снова задергало щеку.

— Шухарт, — сказал он вслух. — Что ж ты, зараза, делаешь? Падло ты, они же этой штукой всех нас передушат... — Он прижал ладонью дергающуюся щеку, но это не помогло. — Суки, — сказал он про рабочих, грузивших телевизоры на автокар. — Попались же вы мне на дороге... Кинул бы ее, стерву, обратно в Зону, и концы в воду... — Он с тоской огляделся. Над потрескавшимся асфальтом дрожал горячий воздух, угрюмо глядели заколоченные окна, над пустырем бродили пыле-

вые чертики. Он был один. — Ладно, — сказал он решительно. — Каждый за себя, один бог за всех. На наш век хватит...

Торопливо, чтобы не передумать снова, он засунул баллон в кепи и завернул кепи в кожанку. Потом он сел на корточки и, навалившись, слегка накренил будку. Толстый сверток лег на дно ямки, и еще осталось много свободного места. Потом он осторожно опустил будку, покачал ее двумя руками и поднялся, отряхивая ладони.

— И все, — сказал он. — И никаких.

Он забрался в раскаленную духоту будки, опустил монету и набрал номер.

— Гута, — сказал он. — Ты, пожалуйста, не волнуйся. Я опять попался. — Ему было слышно, как она судорожно вздохнула, и он торопливо сказал: — Да ерундистика это все, месяцев шесть-восемь... и со свиданиями... Переживем. А без денег ты не будешь, деньги тебе пришлют. — Она все молчала. — Завтра утром тебя вызовут в комендатуру, там увидимся. Мартышку приведи.

— Обыска не будет? — спросила она глухо.

— А хоть бы и был. Дома чисто. Ничего, держи хвост трубой. Взяла в мужья сталкера, теперь не жалуйся. Ну, до завтра... Имей в виду, я тебе не звонил. Целую в попку.

Он резко повесил трубку и несколько секунд стоял, зажмурившись изо всех сил, стиснув зубы так, что зазвенело в ушах. Потом он опять бросил монетку и набрал другой номер.

— Слушаю вас, — сказал Хрипатый.

— Говорит Шухарт, — сказал Рэдрик. — Слушайте внимательно и не перебивайте...

— Шухарт? — очень натурально удивился Хрипатый. — Какой Шухарт?

— Не перебивайте, я говорю! Я попался, бежал и сейчас иду сдаваться. Мне дадут года два с половиной или три. Жена остается без денег. Вы ее обеспечите. Чтобы она ни в чем не нуждалась, понятно? Понятно, я вас спрашиваю?

— Продолжайте, — сказал Хрипатый. — Ну и псих звонит, — сказал он кому-то в сторону. — Обалдеть можно.

— Фарфор лежит под телефонной будкой номер триста сорок семь, это в самом конце Горняцкой улицы, где заброшенная бензоколонка. Триста сорок семь, в самом конце Горняцкой. Хотите — берите, хотите — нет, но жена моя чтобы ни в чем не нуждалась. Нам еще работать и работать. А если я вернусь и узнаю, что вы сыграли нечисто... Я вам не советую играть нечисто. Понятно?

— Я все понял, — сказал Хрипатый. — Спасибо.

— Потом, помедлив немного, спросил: — Может быть, адвоката?

— Нет, — сказал Рэдрик. — Все деньги до последнего медяка — жене. С приветом.

Он повесил трубку, огляделся, глубоко засунул руки в карманы и неторопливо пошел вверх по Горняцкой улице между пустыми за колоченными домами.

3. Ричард Г. Нунан, 51 год, представитель поставщиков электронного оборудования при Хармонтском филиале МИВК

Ричард Г. Нунан, представитель «Саймон кибернетикс», «Мицубиси дэнси» и «АГ Электроненвиртшафт» при Хармонтском филиале Международного института внеземных культур, сидел за столом у себя в кабинете и рисовал чертиков в огромном блокноте для деловых заметок. При этом он добродушно улыбался, кивал лысой головой и не слушал своего собеседника. Собеседник делал, вернее, воображал, что делает ему втык.

— Мы это учтем, Валентин, — сказал, наконец, Нунан, дорисовав десятого для ровного счета чертика и захлопывая блокнот. — В самом деле — безобразие.

Валентин протянул тонкую руку и аккуратно стряхнул пепел в пепельницу.

— Что именно вы учтете, Дик? — вежливо осведомился он.

— Все, что вы сказали, до последнего слова,

— весело ответил Нунан, откидываясь в кресле.

— А что я сказал?

— Это не важно, — сказал Нунан. — Что бы вы ни сказали, все будет учтено.

Валентин сидел перед ним в кресле для посетителей, маленький, изящный, аккуратный, на замшевой курточке — ни пятнышка, на поддернутых брюках — ни морщинки, ослепительная рубашка, строгий одноцветный галстук, сияющие ботинки, на тонких бледных губах — ехидная улыбочка, огромные черные очки скрывают глаза, над широким низким лбом — черные волосы жестким ежиком.

— По-моему, вам зря платят ваше фантастическое жалованье, — сказал он. — Мало того, по-моему, вы саботажник, Дик.

— Чш-ш! — произнес Нунан шепотом. — Ради бога, не так громко.

— В самом деле, — продолжал Валентин. — Я довольно давно слежу за вами: по-моему, вы совсем не работаете.

— Одну минутку, — прервал его Нунан и помахал розовым толстым пальцем. — Как это — не работаю? Разве хоть одна рекламация осталась без ответа?

— Не знаю, — сказал Валентин и снова стряхнул

пепел. — Приходит хорошее оборудование, приходит плохое оборудование. Хорошее приходит чаще, а при чем здесь вы — не знаю!

— Вот если бы не я, — возразил Нунан, — хорошее бы приходило реже. Кроме того, вы, ученые, все время портите хорошее оборудование, а потом заявляете рекламацию, и кто вас тогда покрывает? Вот, например, что вы сделали с «ищейкой»? Великолепный аппарат, блестяще показал себя в геологоразведке, устойчивый, автономный... А вы гоняли его в совершенно ненормальных режимах, запалили механизм, как старую лошадь...

— Напоили не вовремя и не задали овса, — заметил Валентин. — Конюх вы, Дик, а не промышленник!

— Конюх, — задумчиво повторил Нунан. — Это уже лучше. Вот несколько лет назад здесь работал доктор Панов, вы его, наверное, знали, он потом погиб... Так вот, он полагал, что мое призвание — разводить крокодилов.

— Я читал его работы, — сказал Валентин. — Очень серьезный и обстоятельный человек. На вашем месте я бы призадумался над его словами.

— Хорошо. Поразмыслю на досуге... Вы мне лучше скажите, чем вчера кончился пробный

запуск СК-3?

— СК-3? — повторил Валентин, морща бледный лоб. — А... «Скоморох»! Ничего особенного. По маршруту прошел хорошо, принес несколько «браслетов» и какую-то пластинку неизвестного назначения... — Он помолчал. — И пряжку от подтяжек фирмы «Люкс».

— А что за пластинка?

— Сплав ванадия, пока трудно сказать точнее. Поведение нулевое.

— Почему тогда СК его притащил?

— Спросите у фирмы. Это уже по вашей части.

Нунан постучал карандашиком по блокноту.

— В конце концов это же был пробный запуск, — проговорил он. — А может быть, пластинка разрядилась... Знаете, что я вам посоветую? Забросьте ее опять в Зону, а через денек-другой пошли те за ней «ищейку». Я помню, в позапрошлом году...

Зазвонил телефон, и Нунан, сразу забыв о Валентине, схватил трубку.

— Мистер Нунан? — спросила секретарша. — Вас снова спрашивает господин Лемхен...

— Соединяйте...

Валентин поднялся, положил потухший окурок в пепельницу, поднял руку, пошевелил на про-

щанье пальцами и вышел — маленький, прямой, складный.

— Мистер Нунан? — раздался в трубке знакомый медлительный голос.

— Слушаю вас.

— Нелегко застать вас на рабочем месте, мистер Нунан.

— Я принимал новую партию...

— Да, я уже знаю. Мистер Нунан, я приехал ненадолго, есть несколько вопросов, которые необходимо обсудить при личной встрече. Имеются в виду последние контракты «Мицубиси дэнси». Юридическая сторона.

— К вашим услугам.

— Тогда, если вы не возражаете, минут через тридцать в конторе нашего отделения. Вас устраивает?

— Вполне. Через тридцать минут.

Ричард Нунан положил трубку, поднялся и, потирая пухлые руки, прошелся по своему кабинету. Он даже запел какой-то модный шлягер, дал петуха и добродушно рассмеялся над собой. За тем он взял шляпу, перекинул через руку плащ и вышел в приемную.

— Детка, — сказал он секретарше. — Меня понесло по клиентам. Оставайтесь командовать

гарнизоном, удерживайте, как говорится, крепость, а я вам принесу шоколадку.

Секретарша расцвела, Нунан послал ей воздушный поцелуй и покатился по коридорам. Несколько раз его пытались поймать за полу — он увертывался, отшучивался, просил удерживать позиции и в конце концов, так никем и не уловленный, выкатился из здания, привычно взмахнув перед носом у сержанта нераскрытым пропуском.

Над городом висели низкие тучи, парило, громыхал гром. Первые неуверенные капли дождя черными звездочками расплывались на асфальте.

Накинув плащ на голову и плечи, Нунан рысцой побежал вдоль шеренги машин к своему «пежо», открыл дверцу, нырнул внутрь и, сорвав с головы плащ, бросил его на заднее сиденье. Затем из бокового кармана пиджака он вытащил черную круглую палочку «этака», вставил в аккумуляторное гнездо, большим пальцем задвинул до щелчка; поерзав задом, поудобнее устроился за рулем и нажал педаль. «Пежо» беззвучно выкатился на сере дину улицы и, набирая скорость, понесся к выходу из предзонника.

Дождь хлынул внезапно, разом, как будто в

небесах опрокинули чан с водой. Нунан запустил «дворники» и снизил скорость. Мостовая сделалась скользкой, машину заносило на поворотах. Итак, рапорт получен, думал Нунан. Сейчас нас будут хвалить. Что ж, я — за. Я люблю, когда меня хвалят. Особенно когда хвалит сам господин Лемхен. Странное дело, почему мне это так нравится? Денег мне не прибавят. Славы? Какая у нас может быть слава? Слава, о которой осведомлены три человека. Ну, скажем, четыре, если считать Бейлиса. Забавное существо — человек... Похоже, мы любим похвалу как таковую. Как детишки — мороженое. Комплекс неполноценности — вот что. Похвала тешит наши комплексы. И очень глупо. Как я могу подняться в собственных глазах? Что я — сам себя не знаю? Старого толстого Ричарда Г. Нунана? А кстати, что такое это «Г.»? Вот тебе и на! И спросить не у кого... Не у господина же Лемхена спрашивать! А, вспомнил! Герберт. Ричард Герберт Нунан. Ну и льет...

Он вывернул на Центральный проспект и вдруг подумал: до чего сильно вырос городишко за последние годы. Экие небоскребы отгрохали... Вон еще один строят! Это что же будет у нас? А, луна-комплекс — лучшие в мире джазы и публичный дом на тысячу станков, все для нашего

доблестного гарнизона... и для наших храбрых туристов, особенно пожилых... и для благородных рыцарей науки... А окраины пустеют. Уже некуда возвращаться вставшим из могил покойникам.

— Восставшим из могил пути домой закрыты, поэтому они печальны и сердиты, — произнес он вслух.

Да, хотел бы я знать, чем все это кончится. Десять лет назад я совершенно точно гнал, чем это должно кончиться. Непреодолимые кордоны. Пояс пустоты шириной в пятьдесят километров. Ученые и солдаты, больше никого. Страшная язва на теле моей планеты должна быть заблокирована намертво. И ведь надо же, вроде бы все так считали, не только я. Какие произносились речи, какие предлагались законопроекты... И теперь уже даже не вспомнишь, каким образом эта всеобщая стальная решимость расплылась вдруг киселем. С одной стороны — нельзя не признать, с другой стороны — нельзя не согласиться. Кажется, все началось, когда первые сталкеры вынесли из Зоны первые «этаки». «Батарейки»... Да, кажется, с этого и началось. Язва оказалась не такой уж язвой, и даже не язвой вовсе, а сокровищницей... А теперь уже никто и не знает, что это. Пользуются помаленьку... Десять лет корячатся, миллиарды

ухлопали, а организованного грабежа наладить так и не могут. Каждый делает свой маленький бизнес, а ученые лбы с важным видом сообщают: с одной стороны, нельзя не признать, а с другой стороны, нельзя не согласиться, поскольку объект такой-то, будучи облучен рентгеном под углом восемнадцать градусов, испускает квазитепловые электроны. Ну их к дьяволу. Все равно до самого конца мне не дожить...

Машина проехала мимо особняка Стервятника Барбриджа во всех окнах по случаю проливного дождя горел свет, видно было, как в окнах второго этажа, в комнатах красотки Дины, движутся танцующие пары. Не то спозаранку начали, не то никак со вчерашнего кончить не могут. Мода такая пошла в городе, танцевать сутками напролет. Крепкую мы вырастили молодежь, феноменальная выносливость.

Нунан остановил машину перед невзрачным зданием с неприметной вывеской: «Юридическая контора Корш, Корш и Саймак». Он вынул и спрятал в карман «этак», снова натянул па голову плащ, подхватил шляпу и опрометью бросился в парадное, мимо швейцара, углубившегося в газету, по лестнице, покрытой потертым ковром, застучал каблуками по темному коридору

второго этажа, пропитанному специфическим запахом, природу которого он в свое время тщился выяснить, да так и отступился, распахнул дверь в конце коридора и вошел в приемную. На месте секретарши сидел незнакомый, очень смуглый молодой человек. Он был без пиджака, рукава сорочки его были засучены, и он копался в потрохах какого-то сложного электронного устройства, установленного на столике для пишущей машинки. Ричард Нунан повесил плащ и шляпу, обеими руками пригладил остатки волос за ушами и вопросительно взглянул на молодого человека. Тот кивнул. Тогда Нунан открыл дверь в кабинет.

Господин Лемхен грузно поднялся ему навстречу из большого кожаного кресла, стоявшего у занавешенного портьерой окна. Прямоугольное генеральское лицо его собралось в складки, означающие не то приветливую улыбку, не то скорбь по поводу дурной погоды, не то с трудом обуздываемое желание чихнуть.

— Ну, вот и вы, — медленно проговорил он. — Входите, располагайтесь.

Нунан поискал взглядом, где бы расположиться, и не обнаружил ничего, кроме жесткого стула с прямой спинкой за столом. Тогда он присел на стол. Веселое настроение его почему-то начало

улетучиваться — он и сам не понимал почему. Вдруг ему стало ясно, что хвалить его не будут. Скорее, наоборот. День втыков, философически подумал он и приготовился к худшему.

— Закуривайте, — сказал Лемхен, снова опускаясь в кресло.

— Спасибо, не курю.

Господин Лемхен покивал головой с таким видом, словно подтвердились самые дурные его предположения, соединил перед лицом кончики пальцев обеих рук и некоторое время внимательно разглядывал образовавшуюся фигуру.

— Полагаю, юридические дела фирмы «Мицубиси дэнси» мы обсуждать с вами не будем? — проговорил он наконец.

Это была шутка. Ричард Нунан с готовностью улыбнулся и сказал:

— Как вам будет угодно.

Сидеть на столе было чертовски неудобно, ноги не доставали до полу, резало зад.

— С сожалением должен сообщить вам, Ричард, — сказал Лемхен, — что ваш рапорт произвел наверху чрезвычайно благоприятное впечатление...

— Гм... — произнес Нунан. «Начинается», — подумал он.

— Вас даже собирались представить к ордену, — продолжал Лемхен. — Но я предложил повременить. И правильно сделал. — Он, наконец, оторвался от созерцания фигуры из десяти пальцев и посмотрел на Нунана исподлобья. — Вы спросите меня, почему я проявил такую, казалось бы, чрезмерную осторожность.

— Наверное, у вас были к тому основания, — вежливо сказал Нунан.

— Да, были. Ведь что получалось из вашего рапорта, Ричард? Группа «Метрополь» ликвидирована. Вашими усилиями. Группа «Зеленый цветочек» взята с поличным в полном составе. Блестящая работа. Тоже ваша. Группы «Варр», «Квазимодо», «Странствующие музыканты» и все прочие, я не помню их названий, самоликвидировались, осознав, что не сегодня завтра их накроют. Это все на самом деле так и было, все подтверждается перекрестной информацией. Поле боя очистилось. Оно осталось за вами, Ричард. Противник в беспорядке отступил, понеся большие потери. Я верно изложил ситуацию?

— Во всяком случае, — осторожно сказал Нунан, — последние три месяца утечка материалов из Зоны через наш город прекратилась... По крайней мере, по моим сведениям, — добавил он.

— Противник отступил, не так ли?

— Ну, если вы настаиваете именно на этом выражении... то так.

— Не так! — сказал Лемхен. — Дело в том, что этот противник никогда не отступает. Я это знаю твердо. И именно поэтому я предложил воздержаться от немедленного представления вас к награде.

В гробу я видал такие и такие твои награды, думал Нунан, раскачивая ногой и уныло глядя на мелькающий носок ботинка. В сортир я твои такие и такие ордена вешал. Тоже мне моралист, я и без тебя знаю, с кем я здесь имею дело, нечего мне морали читать, какой такой и такой у меня противник. Так и скажи просто и ясно, где, как и что я прошлепал... что эти сволочи затеяли еще, где, как, какие нашли щели... и без предисловий по возможности, я тебе не приготовишка сопливый.

— Что вы слышали о Золотом шаре? — спросил вдруг Лемхен. Господи, Золотой-то шар здесь при чем, с раздражением подумал Нунан. Так твою мать с твоей манерой разговаривать.

— Золотой шар есть легенда, — скучным голосом отрапортовал он. — Мифическое сооружение в Зоне, имеющее форму и вид некоего Золотого

шара, предназначенного для исполнения человеческих желаний.

— Любых ?

— В соответствии с каноническим текстом легенды — любых. Существуют, однако, варианты.

— Так, — произнес Лемхен. — А что вы слышали о «смерть-лампе»?

— Восемь лет назад сталкер по имени Стефан Норман и по кличке Очкарик вынес из Зоны некое устройство, представляющее собою, по слухам, нечто вроде системы излучателей, смертоносно действующих на земные организмы. Упомянутый Очкарик торговал этот агрегат институту. В цене они не сошлись, Очкарик ушел в Зону и не вернулся. Где находится сейчас агрегат — неизвестно. В институте до сих пор рвут на себе волосы. Известный вам Хуг из «Метрополя» предлагал за этот агрегат любую сумму, какая уместится на листке чековой книжки.

— Все? — спросил Лемхен.

— Все, — ответил Нунан. Он демонстративно оглядывал комнату. Комната была скучная, смотреть было не на что.

— Так,— сказал Лемхен. — А что вы слышали о «рачьем глазе»?

— О чьем глазе?

— О рачьем. Рак, знаете? — Лемхен постриг воздух двумя пальцами. — С клешнями...

— Первый раз слышу, — сказал Нунан, нахмурившись.

— Ну, а что вы знаете о «гремучих салфетках»?

Нунан слез со стола и встал перед Лемхеном, засунув руки в карманы.

— Ничего не знаю, — сказал он. — А вы?

— К сожалению, я тоже ничего не знаю ни о «рачьем глазе», ни о «гремучих салфетках». А между тем они существуют.

— Из моей Зоны? — спросил Нунан.

— Вы сядьте, сядьте, — сказал Лемхен, помахивая ладонью. — Наш разговор только начинается. Сядьте.

Нунан обогнул стол и уселся на жесткий стул с высокой спинкой. Куда гнет? — лихорадочно думал он. Что еще за новости? Наверное, нашли что-нибудь в других Зонах, а он меня разыгрывает, скотина, так его и не так. Всегда он меня не любил, старый хрен, не может забыть того стишка...

— Продолжим наш маленький экзамен, — проговорил Лемхен, отогнул портьеру и выглянул наружу. — Льет, — сообщил он. — Люблю. — Он отпустил портьеру, откинулся в кресле и, глядя

в потолок, спросил: — Как поживает старый Барбридж?

— Стервятник Барбридж переменил специальность. Содержит четыре бара, веселый дом и, кроме того, торгует, по-видимому, своей дочерью... не в прямом, правде, смысле. Поставляет клише для подпольных порнографов. А может быть, впрочем, и в прямом. Последнее время я им не интересуюсь. Он калека, в средствах не нуждается, в Зону не ходит.

Лемхен удовлетворенно покивал.

— Похоже на правду, — заметил он. — А что поделывает Креон Мальтиец?

— Один из немногих действующих сталкеров. Был связан с группой «Квазимодо», теперь сбывает товар институту через меня. На всякий случай я держу его на свободе. Когда-нибудь кто-нибудь клюнет. Правда, последнее время он сильно пьет и, боюсь, долго не протянет. Зона пьяных не любит.

— Контакты с Барбриджем?

— Ухаживает за его дочерью. Успеха не имеет.

— Очень хорошо, — сказал Лемхен. — А что слышно о Рыжем Шухарте?

— Месяц назад вышел из тюрьмы. В средствах не нуждается. У него... — Нунан помолчал. — Сло-

вом, у него семейные неприятности. По-моему, ему сейчас не до Зоны.

— Все?

— Все.

— Не много, — сказал Лемхен. — А как обстоят дела у Счастливчика Картера?

— Он уже давно не сталкер. Торгует подержанными автомобилями, и потом у него мастерская по переоборудованию автомобилей на питание от «этаков». Четверо детей, жена умерла год назад. Теща.

Лемхен покивал.

— Ну кого из стариков я еще забыл? — добродушно осведомился он.

— Вы забыли Джонатана Майлзла по прозвищу Кактус. Сейчас он в больнице, умирает от рака. И вы забыли Гуталина...

— Да-да, что Гуталин?

— Гуталин все тот же, — сказал Нунан. — У него группа из трех человек. Неделями пропадают в Зоне. Все, что находят, уничтожают на месте. А его общество Воинствующих Ангелов распалось.

— Почему?

— Ну, как вы помните, они занимались тем, что скупали хабар, и Гуталин относил его обратно в Зону. Дьяволово дьяволу. Теперь скупать стало

нечего, а кроме того, новый директор филиала натравил на них полицию.

— Понимаю, — сказал господин Лемхен. — Ну а молодые?

— Что ж — молодые... Приходят и уходят. Есть человек пять-шесть с кое-каким опытом, но последнее время им некому сбывать хабар, и они несколько растерялись. Я их понемножку приручаю. Думаю, что со сталкерством в моей Зоне покончено. Старики сходят, молодежь ничего не умеет, да и престиж профессии уже не тот, что раньше. Идет техника, сталкеры-автоматы.

— Да-да, я слышал об этом, — сказал Лемхен. — Однако, если не ошибаюсь, эти сталкеры-автоматы не оправдывают пока и той энергии, которую потребляют. Или я ошибаюсь?

— Это вопрос времени. Скоро начнут оправдывать.

— А как скоро?

— Лет через пять, не раньше... Лемхен снова покивал.

— Между прочим, вы, наверное, еще не знаете, противник то же стал применять сталкеры-автоматы.

— В моей Зоне? — спросил Нунан, насторожившись.

— Да, и в вашей тоже. Они базируются на Рексополисе, перебрасывают оборудование на вертолетах через горы в Змеиное ущелье, на Черное озеро, к подножью Болдерпика...

— Так ведь это же периферия, — сказал Нунан недоверчиво. — Что они там могут найти?

— Мало, очень мало. Но находят. Впрочем, это для справки, это вас не касается. Резюмируем. Сталкеров-профессионалов в Хармонте почти не осталось. Те, что остались, к Зоне больше отношения не имеют. Молодежь растерялась и находится в процессе приручения. Противник разбит, отброшен, залег где-то и зализывает раны. Утечка материалов из Хармонтской Зоны уже три месяца как прекратилась. Так?

Нунан молчал. Сейчас, думал он. Сейчас он мне врежет. Но где же у меня дыра? И здоровенная, видно, пробоина. Ну, давай, давай, старая морковка! Не тяни душу за...

— Не слышу ответа, — произнес Лемхен и приложил ладонь к морщинистому волосатому уху.

— Ладно, шеф, — мрачно сказал Нунан. — Хватит. Вы меня уже сварили и изжарили, подавайте на стол.

Лемхен неопределенно хмыкнул.

— Вам даже нечего мне сказать, — прогово-

рил он с неожиданной горечью. — Если уж вы, работники на местах, хлопаете ушами перед начальством, то представляете, каково было мне, когда позавчера... — Он вдруг оборвал себя, поднялся и побрел по кабинету к сейфу. — Короче говоря, за последние два месяца, только по имеющимся сведениям, комплексы противника получили свыше шести тысяч единиц материала из различных Зон. — Он остановился около сейфа, погладил его по крашеному боку и резко повернулся к Нунану. — Не тешьте себя иллюзиями! — заорал он. — Отпечатки пальцев Барбриджа! Отпечатки пальцев Мальтийца! Отпечатки пальцев Носатого Бен-Галеви, о котором вы да же не сочли нужным мне упомянуть! Отпечатки пальцев Гундосого Гереша и Карлика Цмыга! Так-то вы приручаете вашу молодежь? «Браслеты»! «Иголки»! «Белые вертячки»! И мало того, какие-то «рачьи глаза», какие-то «сучьи погремушки», «гремучие салфетки», черт бы их подрал! — Он снова оборвал себя, вернулся в кресло, снова соединил пальцы и вежливо спросил: — Что вы об этом думаете, Ричард?

Нунан вытащил носовой платок и вытер шею и затылок.

— Ничего не думаю, — просипел он честно. —

Простите, шеф, я сейчас вообще не могу думать. Дайте отдышаться... Барбридж... Можете подтереться моим послужным списком, но Барбридж не имеет никакого отношения к Зоне! Я знаю каждый его шаг! Он устраивает попойки и пикники на озерах, он зашибает хорошие деньги, и ему просто не нужно... Простите, я чепуху, конечно, говорю, но уверяю вас, я не теряю Барбриджа из виду с тех пор, как он вышел из больницы!

— Я вас больше не задерживаю, — сказал Лемхен. Даю неделю сроку. Представьте соображения, каким образом материалы из Зоны могут попадать в руки Барбриджа... и всей прочей сволочи. До свидания.

Нунан поднялся, неловко кивнул в профиль господина Лемхена и, продолжая вытирать платком обильно потеющую шею, вышел в приемную. Смуглый молодой человек курил, задумчиво глядя в недра развороченной электроники. Он мельком глянул в сторону Нунана, глаза у него были пустые, обращенные внутрь. Ричард Нунан кое-как нахлобучил шляпу, сунул плащ под мышку и пошел вон. Такого со мной, пожалуй, еще не бывало, беспорядочно думал он. Надо же — Носатый Бен-Галеви, уже кличку успел заработать... Когда? Этакий шибздик, соплей перешибить

можно... мальчишка... Нет, все это не то... Ах ты, сволочь безногая! Как же ты меня уел! Без штанов ведь пустил, грязными носками накормил... Как же это могло случиться? Этого же просто не могло случиться! Прямо как тогда, в Сингапуре — мордой об стол, затылком об стену...

Он сел в автомобиль и некоторое время, ничего не соображая, шарил пальцами по щитку, ища ключ зажигания. Со шляпы текло на колени, он снял ее и не глядя швырнул на заднее сиденье. Дождь заливал переднее стекло, и Ричарду Нунану представлялось почему-то, что именно из-за этого он никак не может понять, что же делать дальше. Осознав это, он с размаху стукнул себя кулаком в лысый лоб. Полегчало. Сразу вспомнилось, что ключа зажигания нет и быть не может, а есть в кармане «этак». «Вечный аккумулятор». И надо его вытащить из кармана, мать его сучью за ногу, и вставить в приемное гнездо, и тогда можно будет, по крайней мере, куда-нибудь поехать, подальше от этого дома, где из окна за ним наверняка наблюдает эта старая брюква... Рука Нунана с «этаком» замерла на полпути. Так. С кого начать — я, по крайней мере, знаю. Вот с него и начну. Ох, как я с него начну! Никто ни с кого никогда так не начинал, как начну с него я сей

час. И с таким удовольствием. Он включил «дворники» и погнал машину вдоль бульвара, почти ничего не видя перед собой, но уже понемногу успокаиваясь. Ничего. Пусть как в Сингапуре. В конце концов в Сингапуре ведь все кончилось благополучно. Подумаешь, разок мордой об стол... Могло быть и хуже. Могло быть не мордой и не об стол... а обо что-нибудь с гвоздями. Господи, как просто все это можно было бы сделать! Сгрести в одну кучу всю эту сволочь, засадить лет на пятнадцать... или выслать к чертовой матери! В России вот о сталкерах и не слыхивали. Там вокруг Зон действительно стальной барьер, никого лишнего, ни туристов этих вонючих, ни Барбриджей... ни шведов этих с челюстями, идиотов. Просто надо, господа, просто! Никаких сложностей тут, ей-богу же, не нужно. Нечего тебе делать в Зоне — до свидания, на сто первый километр. В Россию податься, что ли? Не возьмут... Ладно, не будем отвлекаться. Где этот бардачок? Не видно ни черта... Ага. вот он.

Время было неурочное, но заведение «Пять минут» сияло огнями, что твой «Метрополь». Отряхиваясь, как собака, вылезшая из воды на берег, Ричард Нунан вступил в ярко освещенный холл, провонявший табаком, парфюмерией и про-

кисшим пивом. Старый Бенни, еще без ливреи, сидел за стойкой наискосок от входа и что-то жрал, держа вилку в кулаке. Перед ним, расположив среди пустых кружек чудовищный бюст, возвышалась Мадам — пригорюнясь, смотрела, как он ест. В холле еще даже не убирали после вчерашнего. Когда Нунан вошел, Мадам сейчас же повернула в его сторону широкое наштукатуренное лицо, сначала недовольное, но тут же расплывшееся в профессиональной улыбке.

— Хо! — пробасила она. — Никак господин Нунан! Ранняя пташка! Девочки еще отдыхают...

Бенни продолжал жрать, он был глуховат.

— Привет, старушка! — отозвался Нунан, подходя. — Зачем мне девочки, когда передо мной настоящая женщина!

Бенни наконец заметил его. Страшная маска, вся в синих и багровых шрамах, заменявшая ему лицо, с натугой перекосилась в приветливой улыбке.

— Здравствуй, Ричард, — прохрипел он. — Обсушиться зашел?

Ричард улыбнулся в ответ и сделал ручкой: он не любил разговаривать с Бенни, все время приходилось орать.

— Где хозяин, дети мои? — спросил он.

— У себя, — ответила Мадам. — И кажется, по обыкновению, не один...

— Губит он себя, — сказал Ричард. — В ущерб здоровью и в ущерб заведению. Мадам, прошу приготовить мне любимое. Я скоро вернусь.

Бесшумно ступая по толстому синтетическому ковру, он прошел по коридору мимо задернутых портьерами стойл — на стене возле каждого стойла красовалось изображение какого-нибудь цветка, — свернул в неприметный тупичок и без стука толкнул обшитую кожей дверь.

Мосол Катюша действительно был не один. Он был до такой степени не один, что ничего не соображал и только всхрапывал и хрюкал, ничего не видя и не слыша, и первой заметила постороннего Жизель, хранящая профессиональное хладнокровие даже в такие минуты.

— Солнышко, — сказала она Мослу. — К тебе господин Нунан. Мосол Катюша поднял на Ричарда налитые кровью глаза, медленно пришел в себя и вскочил, оттолкнув Жизель. Он еще всхрапывал и тяжело дышал, но с ним уже можно было иметь дело. Он пробормотал что-то насчет дождя и ревматизма, затем повернулся к растрепанной Жизели и сухо произнес:

— Можете идти и учтите все, что я вам сказал.

Нунан сел у стола и некоторое время молча рассматривал Мосла Катюшу. Мосол, деликатно отвернувшись, хлопотливо приводил себя в порядок. Жизель, подобрав свои тряпки, испарилась.

— Закрой-ка дверь на ключ, голубчик, — сказал Нунан. Мосол, плоскостопо бухая ножищами, подбежал к двери, щелкнул ключом и вернулся к столу. Он волосатой горой возвышался над столом, преданно глядя на Нунана. Нунан рассматривал его через прищуренные веки. Почему-то он вспомнил, что настоящее имя Мосла Катюши — Рафаэль. Мослом его прозвали за чудовищные костлявые кулаки, сизо-красные и голые, торчащие из густой шерсти, покрывающей его руки, словно из манжет. Катюшей же он назвал себя сам в полной уверенности, что это традиционное имя великих монгольских царей. Рафаэль. Ну что ж, Рафаэль. Начнем.

— Как дела? — спросил он, ласково улыбаясь.

— В полном порядке, босс, — поспешно ответствовал Рафаэль-Мосол и потрогал болячку на носу.

— Тот скандал уладил в комендатуре?

— Уплатил штраф пятьдесят монет, все довольны.

— Пятьдесят монет с тебя, — сказал Нунан.

— Твоя вина, голубчик. Надо было следить.

Рафаэль сделал несчастное лицо и с покорностью развел огромные ладони.

— Пол в холле надо перестелить, — сказал Нунан.

— Будет сделано.

Нунан помолчал, топорща губы.

— Хабар? — спросил он, понизив голос.

— Есть немножко, — тоже понизив голос, произнес Мосол.

— Покажи...

Мосол кинулся к сейфу, достал сверток, положил его на стол перед Нунаном и развернул. Нунан небрежно, одним пальцем, покопался в кучке «черных брызг», взял «браслет», оглядел его со всех сторон и положил обратно.

— Это все? — спросил он.

— Не несут... — виновато сказал Мосол.

— Не несут... — повторил Нунан.

Он тщательно прицелился и изо всех сил пнул носком ботинка Мослу в голень. Мосол охнул, пригнулся было, чтобы схватиться за ушибленное место, но тут же снова выпрямился и вытянул руки по швам. Тогда Нунан вскочил, словно его пырнули в зад, схватил Мосла левой рукой за воротник сорочки и пошел на него, лягаясь, вра-

щая глазами и шепча ругательства. Мосол, ахая и охая, задирая голову, как испуганная лошадь, пятился до тех пор, пока не рухнул на диван.

— На две стороны работаешь, стерва? — прошипел Нунан прямо в его белые от ужаса глаза. — Стервятник в хабаре купается, а ты мне дерьмо в бумажечке подносишь?

Он развернулся и ударил Мосла по лицу, стараясь зацепить нос с болячкой.

— В тюрьме сгною! — шипел Нунан. — В навозе у меня жить будешь! Навоз жрать будешь! Жалеть будешь, что на свет родился!

Он снова с размаху ткнул кулаком в болячку.

— Откуда у Барбриджа хабар? Почему ему несут, а тебе не несут? Кто несет? Почему я ничего не знаю? Ты на кого работаешь, свинья волосатая? Говори!

Мосол беззвучно открывал и закрывал рот. Нунан отпустил его, вернулся в кресло и сел, задрав ноги на стол.

— Ну? — сказал он.

Мосол с хлюпаньем втянул носом кровь и сказал:

— Ей-богу, босс. Чего вы? Какой у Стервятника хабар? Нет у него никакого хабара. Нынче ни у кого хабара нету.

— Ты что, спорить со мной будешь? —ласково спросил Нунан, снимая ноги со стола.

— Да нет, босс... Ей-богу... — заторопился Мосол. — Да провалиться мне! Какое там — спорить, и в мыслях этого нету!

— Вышвырну я тебя, — сказал задумчиво Нунан. — Потому что либо ты скурвился, либо работать не умеешь. На кой черт ты мне такой-сякой сдался? Таких, как ты, я на четвертак десяток на беру. А мне настоящий человек нужен при деле. Ты ведь мне здесь только девчонок портишь да пиво жрешь.

— Погодите, босс, — рассудительно сказал Мосол, размазывая кровь по морде. — Что это вы сразу, с налету... Давайте все-таки разберемся. — Он осторожно потрогал болячку кончиками пальцев. — Хабару, говорите, много у Барбриджа... Не знаю. Извиняюсь, конечно, но это вам кто-то залил. Ни у кого сейчас хабару нет. В Зону ведь одни сопляки ходят, так они ж не возвращаются... Нет, босс, это вам кто-то заливает...

Нунан искоса следил за ним. Было похоже, что Мосол действительно ничего не знает. Да ему и не выгодно было врать. На Стервятнике много не заработаешь.

— Эти пикники — выгодное дело? — спросил

он.

— Да не так, чтобы очень... Лопатой не загребешь... так ведь сейчас в городе выгодных дел не осталось.

— Где эти пикники устраиваются?

— Так, в разных местах... у Белой Горы, на горячих источниках бывают, на Радужных озерах... Больше всего, пожалуй, на горячих источниках, там... это... в теплой водичке... — Он гигикнул и сейчас же пришипился. — Вот так.

— А какая клиентура?

Мосол снова потрогал болячку, посмотрел на пальцы и сказал доверительно:

— Если вы, босс, хотите сами за это дело взяться, я бы вам не советовал. Против Стервятника вам здесь не посветит.

— Это почему же?

— У Стервятника клиентура: голубые каски — раз, — Мосол принялся загибать пальцы. — Офицеры из комендатуры— два, туристы из «Метрополя», из «Белой Лилии», из «Пришельца»... это три. Потом у него уже реклама поставлена, местные ребята тоже к нему ходят...

Ей-богу, босс, не стоит с этим связываться. За девочек он нам платит не то чтобы богато...

— Даже местные к нему ходят?

— Молодежь в основном.

— Ну и что там на пикниках делается?

— Что делается... Едем туда на автобусах, так? Там уже палаточки, буфет, музычка... Ну и каждый развлекается как хочет. Офицеры больше с девочками, туристы прутся на Зону смотреть... ежели у горячих источников, то до Зоны там рукой подать, прямо за Лавовой расщелиной... Стервятник туда лошадиных костей накидал, вот они и смотрят...

— А местные?

— Местным, конечно, это все до феньки... Так, развлекаются, кто как умеет...

— А Барбридж?

— Так а что Барбридж? Как все, так и Барбридж...

— А ты?

— А что — я? Как все, так и я... Смотрю, чтобы девочек не обижали, и... это... ну, там... ну, как все, в общем.

— И сколько это продолжается?

— Когда как. Когда трое суток, а когда и всю неделю.

— И сколько это удовольствие стоит? — спросил Нунан, думая совсем о другом. Мосол ответил что-то, но Нунан его не слышал. Вот она, прореха,

думал он. Несколько суток... несколько ночей. Просто невозможно в этих условиях проследить за Барбриджем, если даже ты специально задался этой целью, а не валяешься с девками и не сосешь пиво, как это, несомненно, делает мой монгольский монарх... И все-таки ничего не понятно, он же безногий. А там расщелина... Нет, тут что-то не то.

— Кто из местных ездит постоянно?

— Да я ж говорю, больше молодежь... Самые оторвы, какие есть в городе. Ну там... Галеви, Ражба, Куренок Цапфа... этот... Цмыг... Ну, Мальтиец бывает. Теплая компания. Они это дело называют «воскресная школа». Что, говорят, посетим «воскресную школу»? Они там в основном насчет пожилых баб. Прикатит какая-нибудь старуха из Брюсселя, а Барбридж ей мальчика для всяких услуг, плата отдельно... Есть там ребята — неплохо зарабатывают.

— «Воскресная школа», — повторил Нунан.

Какая-то странная мысль появилась вдруг у него. Школа. Он поднялся.

— Ладно, — сказал он. — Бог с ними, с пикниками. Это не для нас. Но чтоб ты знал: у Стервятника есть хабар, а это уже наше дело, голубчик. Это мы просто так оставить не можем. Ищи, Мосол, ищи,

а то выгоню я тебя к чертовой матери. Откуда он берет хабар, кто ему доставляет, выясни все и давай на двадцать процентов больше, чем дает он. Понял?

— Понял, босс, — Мосол уже тоже стоял, руки по швам, на измазанной морде — преданность.

— И перестань портить мне девок, сволочь! — заорал вдруг Нунан и вышел.

В холле у стойки он не спеша распил свой аперитив, побеседовал с Мадам насчет падения нравов у нынешней молодежи, намекнул ей, что в ближайшем будущем намерен расширить заведение, понизив голос, посоветовался, как быть с Бенни — стар становится мужик, слуха нет, реакция уже не та, не поспевает, как раньше... Было уже шесть часов, хотелось есть, а в мозгу все сверлила, все крутилась неожиданная мыслишка, ни с чем не сообразная и в то же время многое объясняющая... Впрочем, и так уже кое-что объяснилось, исчез с этого дела раздражающий и пугающий налет мистики, осталась только досада на себя, что раньше не подумал о такой возможности, но главное-то было не в этом, главное было в этой мыслишке, которая все крутилась и крутилась и не давала покоя.

Попрощавшись с Мадам и пожав руку Бенни,

Нунан поехал прямиком в «Боржч». Вся беда в том, что мы не замечаем, как проходят годы, думал он. Плевать на годы — мы не замечаем, как все меняется. Мы знаем, что все меняется, нас с детства учат, что все меняется, мы много раз видели своими глазами, как все меняется, и тем не менее мы совершенно не способны заметить тот момент, когда изменение происходит, или ищем изменения не там, где следовало бы. Вот уже появились новые сталкеры — оснащенные кибернетикой. Старый сталкер был грязным угрюмым человеком, который со звериным упорством, миллиметр за миллиметром, полз по Зоне, зарабатывая себе куш. Новый сталкер — это приличный человек при галстуке, инженер, сидит где-нибудь в километре от Зоны, в зубах сигаретка, возле локтя — стакан с бодрящей смесью, сидит себе и следит за экранами. Человек на жалованье. Очень логичная картина. До того логичная, что все остальные возможности просто на ум не приходят. А ведь есть и другие возможности. «Воскресная школа», например.

В «Боржче» было много света и очень вкусно пахло. «Боржч» тоже изменился. Ни тебе пьянки, ни тебе веселья, Гуталин теперь сюда не ходит, брезгует, и Рэдрик Шухарт, наверное, сунул нос

свой конопатый, покривился и ушел. Эрнест сидит, заправляет делами его старуха — дорвалась: солидная постоянная клиентура — весь институт сюда ходит обедать, да и старшие офицеры, — уютные кабинки, готовят вкусно, берут недорого, пиво всегда свежее. Добрая старая харчевня.

В одной из кабинок Нунан увидел Валентина. Физик, читая сложенный пополам журнал, сидел над чашечкой кофе. Нунан подошел.

— Разрешите соседствовать? — спросил он. Валентин поднял на него черные окуляры.

— А, — сказал он. — Прошу.

— Сейчас, только руки помою, — сказал Нунан, вспомнив вдруг болячку на носу Мосла Катюши.

Здесь его хорошо знали. Когда он вернулся и сел напротив Валентина, на столе уже стояла маленькая жаровня с дымящимся шураско и высокая кружка пива — не холодного и не теплого, как он любил. Валентин отложил журнал и пригубил кофе.

— Слушайте, Валентин, — сказал Нунан, отрезая кусочек мяса и обмакивая его в соус. — Как вы думаете, чем все это кончится?

— Вы о чем?

— Посещение. Зоны, сталкеры, военно-промышленные комплексы — вся эта куча... Чем все

это может кончиться?

Валентин долго смотрел на него слепыми черными стеклами. Потом он закурил сигарету и сказал:

— Для кого? Конкретизируйте.

— Ну, скажем, для человечества в целом, — предложил Нунан.

— Это зависит от нашей глупости, — сказал Валентин. — А точнее, от везенья нашего или невезенья. Теперь мы знаем, что в целом для человечества Посещение прошло в общем бесследно. Для человечества все проходит бесследно. Конечно, не исключено, что, таская наугад каштаны из этого огня, мы в конце концов вытащим что-нибудь такое, из-за чего жизнь на нашей планете вообще станет невозможной. Это будет невезенье. Но это, согласитесь, всегда грозило человечеству и без всяких Посещений. — Он посмотрел на Нунана сквозь дым сигареты и улыбнулся. — Я вижу, вы не удовлетворены. Но я, видите ли, давно уже отвык рассуждать о человечестве в целом. Человечество в целом — слишком стационарная система, ее ничем не проймешь.

— А что можно пронять?

— Нашего брата ученого можно пронять. Вашего брата бизнесмена тоже. Хотя... Вот скажите по

чести. Ричард, что для вас, дельца, изменилось оттого, что вы узнали: есть во Вселенной еще по крайней мере один разум, помимо человеческого?

— Как вам сказать, — возразил Нунан. — Я, например, вот уже много лет ощущаю некоторое неудобство, неуютность какую-то. Хорошо, они пришли и сразу ушли. А если они придут снова и им взбредет в голову остаться? Для меня это, знаете ли, не праздный вопрос: кто они, как они живут, что им нужно... В самом примитивном варианте я должен буду думать, как мне изменить производство. Я должен быть готов. А если я вообще окажусь не нужным в их системе? Я оставляю в стороне вопрос, что будет, если мы все окажемся ненужными... Слушайте, Валентин, раз уж к слову пришлось... Существуют какие-нибудь ответы на вопросы, которые я задал? Кто они? Что им здесь было нужно? Вернутся они или нет?

— Ответы существуют, сказал Валентин, усмехаясь. — Их даже очень много, выбирайте любой.

— Ну, а вы сами что считаете?

— Откровенно говоря, я никогда не позволял себе серьезно об этом размышлять. Для меня Посещение — это прежде всего уникальное событие,

чреватое для нас возможностью перепрыгнуть сразу через несколько ступенек в естественном процессе познания природы вещей. Что-то вроде путешествия в будущее технологии. Ну, как если бы Исааку Ньютону какой-нибудь чудотворец подбросил бы в лабораторию современный квантовый генератор...

— Ньютон бы ничего не понял, — с упреком сказал Нунан.

— Напрасно вы так думаете, — сказал Валентин. — Ньютон был очень умный человек.

— Ладно, бог с ним, с Ньютоном. Меня все-таки больше всего интересует, как вы толкуете Посещение. Пусть даже несерьезно. Ведь не может быть, что вы об этом вообще не думали...

— Хорошо. Только я должен предупредить вас, Ричард, что ваш вопрос находится в компетенции псевдонауки под названием ксенология. Ксенология — это некая неестественная помесь нехудожественной фантастики с формальной логикой. Основой ее метода является порочный прием — навязывание инопланетному разуму человеческой психологии.

— А что прикажете делать? Другой-то психологии, кроме человеческой, у нас нет...

— В том-то все и дело, — сказал Валентин. —

Биологи в свое время уже обожглись, пытаясь перенести психологию человека на животных. Земных животных, заметьте...

— Позвольте, — сказал Нунан. — Это совсем другое дело. Ведь мы говорим о психологии разумных существ...

— Да. и все было бы очень хорошо, если бы мы знали, что такое разум.

— Разве мы до сих пор не знаем? — удивился Нунан.

— Представьте себе — нет. Обычно исходят из очень плоского определения: разум есть такое свойство человека, которое отличает его деятельность от деятельности животных. Этакая, знаете ли, попытка отграничить хозяина от пса, который все понимает, только сказать не может. Впрочем, из этого плоского определения вытекают более остроумные, хотя базируются они на горестных наблюдениях за упомянутой деятельностью человека. Например: разум есть способность живого существа совершать нецелесообразные или неестественные поступки...

— Да, это про человека, — согласился Нунан.

— Увы!.. Или, скажем, определение-гипотеза: разум есть не успевший сформироваться инстинкт. Имеется в виду, что инстинктивная де-

ятельность всегда целесообразна и естественна. Пройдет миллион лет, и жизнь наша наладится: мы перестанем совершать ошибки, которые, вероятно, являются неотъемлемым свойством разума. И тогда, если во Вселенной что-нибудь изменится, мм благополучно вымрем, опять же именно потому, что разучились совершать ошибки, то есть пробовать разные, не предусмотренные программой варианты.

— Как-то это все у вас получается... унизительно.

— Пожалуйста, еще одно определение, очень возвышенное и благородное. Разум есть способность использовать силы окружающего мира без разрушения этого мира.

Нунан сморщился и замотал головой.

— Это не про человека, — сказал он. — Это что-то слишком уж возвышенное и благородное... Ну, а как насчет того, что человек — это, в отличие от животных, существо, испытывающее не преодолимую потребность в знаниях? Я где-то об этом читал.

— Я тоже, — сказал Валентин, усмехаясь. Но вся беда в том. что человек — массовый человек, я имею в виду, — слишком уж легко преодолевает свою потребность в знаниях. На самом деле

человек, по-моему, вовсе не имеет потребности узнавать. У него есть потребность понять, а для этого знаний не надо. Гипотеза о боге, например, дает ни с чем не сравнимую возможность все понять, ничего не узнавая... На этом, между прочим, построена вся политика. Дай человеку крайне упрощенную систему мира и толкуй всякое событие на базе этой упрощенной модели. Такой подход не требует знаний. Несколько заученных формул плюс так называемая интуиция, так называемая практическая сметка и так называемый здравый смысл.

— Погодите, — сказал Нунан. Он допил пиво и со стуком по ставил пустую кружку на стол. — Не отвлекайтесь. Давайте все-таки так. Человек встретился с инопланетным существом. Как они узнают друг о друге, что они оба разумны?

— Представления не имею. — сказал Валентин. — Все, что я читал по этому поводу, сводится к порочному кругу. Если они способны к контакту, значит, они разумны. И наоборот: если они разумны, они способны к контакту. И вообще: если инопланетное существо имеет честь обладать психологией человека, то оно разумно. Такие дела, Ричард. Читали Воннегута?

— Вот тебе и на! — сказал Нунан. — А я-то ду-

мал, что у вас, ученых, все уже давным-давно разложено по полочкам.

— Разложить по полочкам и обезьяна может, — сказал Валентин.

— Нет, погодите, — сказал Нунан. Почему-то он чувствовал себя очень расстроенным. — Но если вы таких простых вещей не знаете... Ладно, бог с ним, с разумом. Видно, здесь черт ногу сломит. Насчет Посещения... Что вы все-таки думаете насчет Посещения?

— Пожалуйста, — сказал Валентин. — Представьте себе пикник...

Нунан вздрогнул.

— Как вы сказали?

— Пикник. Представьте себе: лес, проселок, лужайка. С проселка на лужайку съезжает машина, из машины выгружаются молодые люди, бутылки, корзины с провизией, девушки, транзисторы, фото- и киноаппараты... Разжигается костер, ставятся палатки, включается музыка... А утром они уезжают. Звери, птицы и насекомые, которые всю ночь с ужасом наблюдали то, что происходит, выползают из своих убежищ. И что же они видят? На траву понатекло автола, пролит бензин, разбросаны негодные свечи и масляные фильтры. Валяется ветошь, перегоревшие лампочки,

кто-то обронил разводной ключ. От протекторов осталась грязь, налипшая на каком-то неведомом болоте. Ну, и сами понимаете: следы костра, огрызки яблок, обертки от конфет, консервные банки, пустые бутылки, чей-то носовой платок, чей-то перочинный нож, старые драные газеты, монетки, увядшие цветы с других полян...

— Я понял, — сказал Нунан. — Пикник на обочине.

— Именно. Пикник на обочине какой-то космической дороги. А вы меня спрашиваете, вернутся они или нет?

— Дайте-ка мне закурить, — сказал Нунан. — Черт бы побрал вашу псевдонауку. Как-то я все не так себе представлял.

— Это ваше право, — сказал Валентин.

— Это что же, они, значит, нас даже и не заметили?

— Почему же?..

— Ну, во всяком случае не обратили на нас внимания...

— Знаете, я бы на вашем месте не огорчался. — заметил Валентин.

Нунан затянулся, закашлялся, бросил сигарету.

— Все равно, — сказал он упрямо. — Не может быть... Черт бы вас, ученых, подрал! Откуда это у

вас пренебрежение к человеку? Стремление его принизить...

— Подождите, — сказал Валентин. — Послушайте. «Вы спросите меня: чем велик человек? — процитировал он. Что создал вторую природу? Что привел в движение силы, почти космические? Что в ничтожные сроки завладел планетой и прорубил окно во Вселенную? Нет! Тем, что, несмотря на все это. уцелел и намерен уцелеть и далее».

Наступило молчание. Нунан думал.

— Может быть, это и так, — сказал он неуверенно. Конечно, с этой точки зрения...

— Да вы не огорчайтесь, — благодушно сказал Валентин. — Пикник — это ведь моя гипотеза. И даже не гипотеза, собственно, а так, картина... Так называемые серьезные ксенологи пытаются обосновать гораздо более солидные и льстящие человеческому самолюбию версии. Например, что никакого Посещения не было, что Посещение еще только будет; некий высокий разум забросил к нам на Землю контейнеры с образцами своей материальной культуры. Ожидается, что мы изучим эти образцы, совершим технологический прыжок и сумеем послать им ответный сигнал, который будет означать реальную готовность к

контакту. Как вам это?

— Это уже значительно лучше, — сказал Нунан. Теперь я вижу, что среди ученых тоже попадаются порядочные люди.

— Или вот. Посещение имело место на самом деле. Но оно отнюдь не окончилось. Фактически мы сейчас находимся и состоянии контакта, только не подозреваем об этом. Пришельцы угнездились в Зонах и тщательно нас изучают, одновременно подготавливая к «жестоким чудесам грядущего».

— Вот это я понимаю! — сказал Нунан. — По крайней мере это объясняет таинственную возню в развалинах завода. Между прочим, ваш «пикник» ее не объясняет.

— Почему же не объясняет? — возразил Валентин. Могла ведь какая-нибудь девчушка забыть на лужайке любимого заводного медвежонка...

— Ну, это вы бросьте, — решительно сказал Нунан. — Ничего себе — медвежонок, земля трясется... Впрочем, конечно, может быть и медвежонок. Пиво будете? Розалия! Эй. старуха! Две кружки пива господам ксенологам! А все-таки приятно с вами побеседовать, — сказал он Валентину. — Этакое прочищение мозгов, словно английской соли насыпали под черепушку... А то вот так работаешь, работаешь, а зачем, для чего,

что будет, что случится, чем сердце успокоится...

Принесли пива. Нунан отхлебнул, глядя поверх пены, как Валентин с выражением брезгливого сомнения рассматривает свою кружку.

— Что, не нравится? — спросил он, облизывая губы.

— Да я, собственно, не пью, — нерешительно сказал Валентин.

— Ну да? — поразился Нунан.

— Черт возьми! — сказал Валентин и решительно отодвинул кружку. — Закажите мне лучше коньяку, раз так, — сказал он.

— Розалия! — немедленно рявкнул вконец развеселившийся Нунан.

Когда принесли коньяк, он сказал:

— И все-таки так нельзя. Я уж не говорю про ваш «пикник» — это вообще свинство, но если даже принять версию, что это, скажем, прелюдия к контакту, все равно нехорошо. Ну, я понимаю там — «браслеты», «пустышки»... Но «ведьмин студень» зачем? «Комариные плеши», растительность эта страшная...

Простите, — сказал Валентин. — Я не совсем понимаю вашу терминологию. Какие, простите, плеши?

Нунан рассмеялся.

— Это не моя терминология, — сказал он. — Это все сталкеры. Фольклор, так сказать, рабочий жаргон. «Комариные плеши» — это области повышенной гравитации.

— А, да, весьма загадочное явление. Направленная гравитация. Вот о ней бы я поговорил с удовольствием, по вы ничего не поймете.

— Почему же это я ничего не пойму? Я тоже инженер.

— Вы не поймете, потому что я сам не понимаю. — сказал Валентин. — У меня есть только системы уравнений, но я сам не понимаю, как их можно истолковать... А «ведьмин студень» — это, вероятно, коллоидный газ?

— Он самый. Кстати, вы слыхали о катастрофе в Карригановских лабораториях?

— Я слыхал в основном о скандале... Руководство фирмы было обвинено в похищении этого самого коллоидного газа и в производстве исследований, запрещенных международным правом. А деталей самой катастрофы я не знаю.

— Мне рассказывали кое-что. Они поместили фарфоровый контейнер со «студнем» в специальную камеру, предельно изолированную от окружающей среды... то есть это они думали, что камера предельно изолирована... А когда они

открыли контейнер манипуляторами, «студень» пошел через металл и пластик, как вода через промокашку, вырвался наружу, и все, с чем он соприкасался, превращалось опять же в «студень». Погибло тридцать пять человек, больше ста получило тяжелые увечья, и теперь все гигантское здание лаборатории — вы бывали там когда-нибудь? великолепное сооружение! — приведено в полную негодность. «Студень» стек в подвалы и нижние этажи, ну и сами понимаете...

Валентин весь сморщился.

— Преступники, — сказал он. — Но согласитесь, Ричард, пришельцы здесь ни при чем. Откуда они могут знать о существовании военно-промышленных комплексов?

— Надо было знать, — назидательно ответил Нунан.

— А они бы вам сказали на это: надо было давным-давно уничтожить военно-промышленные комплексы.

— И то верно, — согласился Нунан. — Вот им бы и заняться...

— То есть вы предлагаете вмешательство во внутренние дела человечества?

— Да, — сказал Нунан. — Так мы, конечно, можем зайти очень далеко. Не будем об этом. По-

говорим лучше о том. с чего начали этот разговор. Чем же все это кончится? Вы говорите, что это не конкретный вопрос. Согласен. Тогда спросим так: что вы еще, ученые, надеетесь получить из Зоны? Что-нибудь фундаментальное, действительно способное перевернуть науку, технологию, образ жизни...

Валентин пожал плечами.

— Вы обращаетесь не по адресу, Ричард. Я не люблю фантазировать впустую. Когда речь идет о таких серьезных вещах, я предпочитаю осторожный скепсис. Если исходить из того, что мы уже получили, впереди целый спектр возможностей, и ничего определенного сказать нельзя.

— Ну хорошо, попробуем с другого конца. Что мы. по вашему мнению, уже получили?

— Как это ни забавно, довольно мало. Мы обнаружили много чудес, мы даже научились в некоторых случаях использовать эти чудеса для своих нужд, но управлять этими чудесами... Обезьяна нажимает красную кнопку — получает банан, нажимает белую — апельсин, но как раздобыть бананы и апельсины без кнопок — она не знает. Возьмем, скажем, «этаки». Мы научились ими пользоваться, мы открыли условия даже, при которых они размножаются делением,

но мы до сих пор не сумели сделать ни одного «этака» и, судя по тому, что нам известно, сумеем не скоро. То есть я бы сказал так. Есть объекты, которым мы нашли применение. Мы используем их, разумеется, наверняка не так, как их использовали пришельцы... подозреваю, что мы вообще в большинстве случаев забиваем микроскопами гвозди, но все-таки мы их при меняем: «этаки», «браслеты», стимулирующие жизненные процессы... различные типы квазибиологических масс, которые произвели такой переворот в онкологии. В общем, что я их нам перечисляю! Вы знаете все это не хуже меня, «браслетик», я вижу, вы сами носите. Назовем эту группу объектов полезными. Можно без преувеличения сказать, что в какой-то степени человечество ими облагодетельствовано, хотя никогда не следует забывать, что и нашем эвклидовом мире всякая палка имеет два конца...

— Опыт с присадками к минеральным удобрениям? — сказал Нунан.

— Например. Или применение «этаков» в военной промышленности... Я не об этом. Действие каждого полезного объекта нами более или менее изучено, более или менее объяснено. Сейчас оста новка за технологией, но лет через пятьдесят мы

сами научимся изготавливать эти королевские печати и тогда вволю будем колоть ими орехи. Сложнее обстоит дело со следующей группой объектов, сложнее именно потому, что никакого применения они у нас не на ходят, а свойства их в рамках наших современных представлений решительно необъяснимы. Например, магнитные ловушки разных типов. Мы понимаем, что это магнитная ловушка, Панов это очень остроумно доказал. Но мы не понимаем, где источник такого мощного магнитного поля, в чем причина его сверхустойчивости... ничего не понимаем. Мы можем только строить фантастические гипотезы относительно таких свойств пространства, о которых мы раньше даже и не подозревали. Или К-231... Как вы их называете, эти черные красивые шарики, которые идут на украшения?

— «Черные брызги», — сказал Нунан.

— Вот-вот... Гм... Хорошее название... Ну, вы знаете про их свойства. Если пустить луч света в такой шарик, то свет выйдет из него с задержкой, причем эта задержка зависит от веса шарика, от размера, еще от некоторых свойств... и частота выходящего света всегда меньше частоты входящего... Что это такое? Вы знаете, что существует безумная идея, будто эти ваши «черные брызги»

— это гигантские области пространства, обладающего иными свойствами, нежели наше, и принявшего такую свернутую форму под воздействием нашего пространства... — Валентин вытащил сигарету, закурил. — Короче говоря, объекты этой группы для нынешней человеческой практики совершенно бесполезны, хотя с чисто научной точки зрения они имеют огромное значение. Это свалившиеся с неба ответы на еще не заданные вопросы. Упомянутый выше сэр Исаак, конечно, не разобрался бы в лазере, но во всяком случае он бы понял, что такая вещь возможна, и это сильно бы повлияло на его научное мировоззрение. Я не буду вдаваться в подробности, но существование таких вещей, как магнитные ловушки, К-231, «белое кольцо», разом зачеркнуло целое поле недавно процветавших теорий и вызвало к жизни совершенно новые идеи. А ведь есть еще третья группа...

— Да, — сказал Нунан.— «Ведьмин студень» и прочее дерьмо...

— Нет, это следует отнести либо к первой, либо ко второй группе. Я имею в виду объекты, о которых мы знаем только понаслышке. Объекты, которые мы никогда не держали в руках. «Машина желаний», «бродяга Дик», «веселые

призраки»...

— Минуточку, минуточку, — сказал Нунан. — Это еще что та кое? «Машина желаний» — это я понимаю...

Валентин усмехнулся.

— Видите, у нас тоже есть своя терминология, свой жаргон. «Бродяга Дик» — это гипотетический заводной медвежонок, который бродит в развалинах завода. А «веселые призраки» — это некая опасная турбуленция, имеющая место в некоторых районах Зоны.

— В первый раз слышу, — сказал Нунан.

— Вы понимаете, Ричард, — сказал Валентин, — мы ковыряемся в Зоне полтора десятка лет, но мы не знаем и тысячной доли того, что она содержит. А уж если говорить о воздействии Зоны на человека... Вот, кстати, тут нам придется ввести в классификацию еще одну, четвертую группу. Уже не объектов, а воздействий. Эта группа изучена безобразно плохо, хотя фактов накопилось, на мой взгляд, более чем достаточно. Вы знаете, Нунан, я физик и, следовательно, скептик, но и меня иногда мороз продирает но коже, когда я думаю об этих фактах.

— Живые покойники... — пробормотал Нунан.

— Да нет... Живые покойники — это загадочно,

но не более того... Как бы это сказать... Это вообразимо, что ли... А вот когда вокруг человека вдруг ни с того ни с сего начинают происходить внефизические, внебиологические явления...

— А, вы имеете в виду эмигрантов?

— Вот именно. Математическая статистика, знаете ли, это очень точная наука, хотя и имеет она дело со случайностями. И кроме того, это очень красноречивая наука, очень наглядная...

Валентин, по-видимому, слегка охмелел. Он стал говорить громче, щеки его порозовели, а брови над черными окулярами высоко задрались, сминая лоб в гармошку.

— Мы не знаем, что произошло с жителями этого городка в самый момент Посещения. Но вот один из этих жителей решил эмигрировать. Какой-нибудь обыкновеннейший обыватель. Парикмахер. Сын парикмахера и внук парикмахера. Он переезжает, скажем, в Детройт. Открывает свою парикмахерскую, и начинается чертов бред. От девяноста до девяноста восьми процентов его клиентуры на протяжении года погибают: гибнут в автомобильных катастрофах, вываливаются из окон, вырезаются гангстерами и хулиганами, тонут на мелких местах и так далее, и так далее. Мало того. Число коммунальных катастроф в

Детройте резко подрастает. В два раза чаще, чем раньше, взрываются газовые колонки. И три с половиной раза чаще, чем раньше, возникают пожары от не исправности электросети. В три раза увеличивается количество автомобильных аварий. В два раза возрастает смертность от эпидемий гриппа. Мало того. Резко возрастает количество стихийных бедствий в Детройте и его окрестностях. Откуда-то берутся смерчи и тайфуны, которых в городе не видывали с тысяча семьсот затертого года. Разверзаются хляби небесные, и озеро Онтарио, или Мичиган, или где там стоит Детройт, выходит из берегов... ну и все в таком роде. И такие катаклизмы происходят в любом городе, в любой местности, где селится эмигрант из районов Посещения, и количество этих катаклизмов прямо пропорционально числу эмигрантов, поселившихся в данном месте. И заметьте, действие это оказывают только те эмигранты, которые пережили само Посещение. Родившиеся после Посещения на статистику несчастных случаев никакого влияния не оказывают. Вы прожили здесь десять лет, но вы приехали после Посещения, и вас без опаски можно пускать хоть в Ватикан. Как объяснить такое? От чего нужно отказаться — от матема-

тической статистики? Или от здравого смысла? — Валентин схватил кружку и залпом допил остатки пива. Ричард Нунан почесал за ухом.

— М-да, — сказал он. — Я вообще наслышан о таких вещах, но я, честно говоря, всегда полагал, что это, мягко выражаясь, несколько преувеличено. Просто нужен был предлог, чтобы запретить эмиграцию...

Валентин горько усмехнулся.

— Ничего себе предлог! Кто же такому бреду поверит? Ну могли бы придумать какие-нибудь эпидемии... опасность распространения ненужных слухов... Мало ли что?

Он уперся локтями в стол и пригорюнился, опустив лицо в ладони.

— Я вам сочувствую, — сказал Нунан. — Действительно, с точки зрения нашей могучей позитивистской науки...

— Или, скажем, мутагенное воздействие Зоны, — прервал его Валентин. Он снял черные очки и уставился на Нунана черными подслеповатыми глазами. — Все люди, которые достаточно долго общаются с Зоной, подвергаются изменениям — как фенотипическим, так и генотипическим. Вы знаете, какие дети бывают у сталкеров, вы знаете, что бывает с самими сталкерами. Поче-

му? Где мутагенный фактор? Радиации в Зоне никакой. Химическая структура воздуха и почвы в Зоне хотя и отличается от окружающей, но никакой мутагенной опасности не представляет. Что мне в таких условиях — в колдовство начать верить? В дурной глаз? Слушайте, Нунан, давайте выпьем еще пива. Я что-то разошелся, будь оно все неладно.

Ричард Нунан, ухмыляясь, потребовал еще две кружки пива, потом сказал:

— Так вот. Я вам сочувствую, конечно, в ваших метаниях. Но, откровенно говоря, лично мне ожившие покойники больше бьют по мозгам, чем даже данные статистики. Тем более, что данных статистики я никогда не видел, а покойников и видел, и обонял предостаточно. Скоро на старом кладбище никого не останется.

Валентин легкомысленно махнул рукой.

— А, ваши покойники, — сказал он. — Уверяю вас, что, с точки зрения достаточно общих принципов, эти живые покойники не более и не менее удивительная вещь, чем «вечные аккумуляторы». Просто «этаки» нарушают первый принцип термодинамики, а покойники — второй, вот и вся разница. А кроме того, все мы в каком-то смысле пещерные люди. Ничего страшнее призрака или

вурдалака представить себе не можем. А по-моему, нарушение принципа причинности гораздо более страшная вещь, чем целые стада привидений... и всяких там чудовищ Рубинштейна... или Валленштейна?

— Франкенштейна...

— Да, конечно, Франкенштейна. Мадам Шелли. Супруга поэта. Или дочь. — Он вдруг засмеялся. — Знаете, у этих ваших покойников есть одно любопытное свойство. Автономная жизнеспособность. Можно у них, например, отрезать ногу, и нога будет ходить... то есть жить отдельно. Без всяких физиологических растворов. Так вот, недавно доставили в институт одного невостребованного покойника. Н-ну, препарировали его... Это мне лаборант Бойда рассказывал. Отделили правую руку для каких-то там надобностей, приходят на другое утро, смотрят — а она дулю показывает... — Валентин захохотал. — Каково? И так до сих пор. То разожмет пальцы, то опять сложит. Как вы думаете, что она этим хочет сказать?

— По-моему, символ довольно однозначный, — сказал Нунан, глядя на часы. — А не пора ли нам по домам, Валентин? У меня есть еще одно важное дело.

— Пойдемте, — сказал Валентин, тщетно пы-

таясь попасть лицом в оправу очков. — Ф-фу, напоили вы меня, Ричард. Он взял очки в обе руки и старательно водрузил их на место. У вас машина?

— Да, я вас завезу.

Они расплатились и направились к выходу. Валентин держался еще более прямо, чем обычно, и то и дело со стуком прикладывал палец к виску, приветствуя знакомых лаборантов, с любопытством и изумлением следивших за светилом институтской физики. У самого выхода, приветствуя расплывшегося в улыбке швейцара, он сбил с себя очки, и все трое кинулись их ловить.

— Ф-фу, Ричард, — приговаривал Валентин, влезал и «пежо». — Вы меня без-бож-но напоили. Нельзя же так, черт возьми... Неудобно. У меня завтра эксперимент. Вы знаете, любопытная вещь...

И он принялся рассказывать о завтрашнем эксперименте, то и дело отвлекаясь на анекдоты и повторяя: «Напоили... К чертовой матери...» Нунан отвез его в научный городок, решительно пресек неожиданно вспыхнувшее у Валентина желание добавить («и чего-нибудь, черт возьми, покрепче, чем ваше пиво... Какой там, к дьяволу, эксперимент? Знаете, что я с этим вашим экспе-

риментом сделаю? Я его отложу!..») и сдал с рук на руки жене, пришедшей при виде супруга в веселое негодование.

— Г-гости? Кто? А, профессор Бойд? Очень приятно! Сейчас мы с ним дернем! Ричард, где вы, Ричард!..

Это Нунан слышал, уже сбегая по лестнице. А ведь они тоже боятся, думал он, снова усаживаясь в «пежо». Боятся высоколобые, боятся... Да так и должно быть. Они должны бояться больше, чем все мы, простые обыватели, вместе взятые. Мы просто ничего не понимаем, а они понимают, до какой степени они ничего не понимают. Смотрят в эту бездонную пропасть и знают, что неизбежно им туда спускаться, сердце заходится, а спускаться надо, а как спускаться, что на дне и, главное, можно ли будет потом выбраться... А мы, так сказать, смотрим в другую сторону. Слушай, а может быть, так и надо? Пусть оно все идет своим чередом, а мы уж проживем как-нибудь. Правильно Валентин говорит: самый героический поступок человечества — это то, что оно выжило и намерено выжить дальше. А все-таки черт бы вас подрал, сказал он пришельцам. Не могли устроить свой пикник в другом месте. На Луне, например. Или на Марсе. Такая же вы сволочь, как и все, хоть и

научились сворачивать пространство. Пикник, видите ли, устроили. Пикник.

Как же мне получше обойтись с моими пикниками? — думал он, медленно ведя «пежо» по ярко освещенным мокрым улицам. Как бы половчее это все провернуть? По принципу наименьшего действия. Как в механике. На кой черт мне мой такой и такой инженерный диплом, если я не могу придумать, как мне ущучить эту безногую сволочь... Он остановил машину перед домом, где жил Рэдрик Шухарт, и немного посидел за рулем, прикидывая, как вести разговор. Потом он вынул «этак», вылез из машины и только тут обратил внимание на то, что дом выглядит нежилым. Почти все окна были темные, в садике при доме никого не было, и даже фонари там не горели. И это напомнило ему, что он сейчас увидит, и он зябко поежился. Ему даже пришло в голову, что, может быть, имеет смысл вызвать Рэдрика по телефону и побеседовать с ним в машине или в какой-нибудь тихой пивнушке, но он отогнал эту мысль. По целому ряду причин. И кроме всего прочего, сказал он себе, давай-ка не будем уподобляться всем этим жалким сволочам, разбежавшимся отсюда, как тараканы, ошпаренные кипятком.

Он вошел в подъезд, неторопливо поднялся по давно не метенной лестнице. Вокруг стояла нежилая тишина, некоторые двери, выходящие на лестничные площадки, были приотворены или даже распахнуты настежь — из темных прихожих тянуло затхлыми запахами сырости и пыли. Он остановился перед дверью квартиры Рэдрика, пригладил волосы за ушами, глубоко вздохнул и нажал кнопку звонка. Некоторое время за дверью было тихо, потом там скрипнули половицы, щелкнул замок, и дверь тихонько приоткрылась. Шагов он так и не слыхал.

На пороге стояла Мартышка, дочь Рэдрика Шухарта, из прихожей на полутемную лестничную площадку падал яркий свет, и в первую секунду Ричард увидел только темный силуэт девочки и подумал, как она сильно вытянулась за последние несколько месяцев, но потом она отступила в глубь прихожей, и он увидел ее лицо. В горле у него мгновенно пересохло.

— Здравствуй, Мария, — сказал он, стараясь говорить как можно ласковее. — Как поживаешь, Мартышка?

Она не ответила. Она молча и совершенно бесшумно пятилась к дверям в гостиную, глядя на него исподлобья. Похоже, она не узнавала его. Да

и он, честно говоря, не узнавал ее. Зона, подумал он. Сволочь...

— Кто там? — спросила Гута, выглядывая из кухни. — Господи, Дик! Где вы пропадали? Вы знаете, Рэдрик вернулся!

Она поспешила к нему, на ходу вытирая руки полотенцем, переброшенным через плечо, — все такая же красивая, энергичная, сильная, только вот подтянуло ее как-то: лицо слегка осунулось, и глаза были какие-то... лихорадочные, что ли?

Он поцеловал ее в щеку, отдал ей плащ и шляпу и сказал:

— Наслышаны, наслышаны... Все времени никак не мог вы брать забежать. Дома он?

— Дома, — сказала Гута. — У него там один... скоро уйдет, наверное, они давно уже сидят. Проходите, Дик.

Он сделал несколько шагов по коридору и остановился в дверях гостиной. Старик сидел за столом. Один. Неподвижный и чуть перекошенный на сторону. Розовый от абажура свет падал на широкое темное лицо, словно вырезанное из старого дерева, — ввалившийся безгубый рот, остановившиеся, без блеска, глаза. И Ричард сейчас же почувствовал запах. Он знал, что это игра воображения, запах бывал только в первые дни,

а потом исчезал напрочь, но Ричард чувствовал его как бы памятью: душный тяжелый запах разрытой земли.

— А то пойдемте на кухню, — поспешно сказала Гута. — Я там ужин готовлю, заодно поболтаем.

— Да, конечно, — сказал Нунан бодро. — Столько не виделись... Вы еще не забыли, что я люблю выпить перед ужином?

Они прошли на кухню, Гута сразу же открыла холодильник, а Нунан уселся за стол и огляделся. Как всегда, здесь нес было чисто, все блестело, над кастрюльками поднимался пар. Плита была новая, полуавтомат, значит, деньги в доме были.

— Ну, как он? — спросил Нунан.

— Да все такой же, — сказала Гута. — Похудел в тюрьме, но сейчас, кажется, отъелся.

— Рыжий?

— Еще бы! Это у него уже до смерти.

Гута поставила перед ним стакан «Кровавой Мэри» прозрачный слой русской водки словно бы висел над слоем томатного сока.

— Не много? — спросила она.

— В самый раз. — Нунан набрал в грудь воздуху и, зажмурившись, медленно влил в себя смесь. Это было хорошо. Он вспомнил, что по сути дела за целый день впервые выпил нечто существен-

ное.— Вот это другое дело, — сказал он. Теперь можно жить.

— У вас все хорошо? — спросила Гута. Что вы так долго но заходили?

— Проклятые дела, — сказал Нунан. Каждую неделю собирался зайти или хотя бы позвонить, но сначала пришлось съездить в Рексополис, потом скандал один начался, потом мне говорят: «Рэдрик вернулся», — ладно, думаю, зачем мешать... к общем, завертелся я, Гута. Я иногда спрашиваю себя: какого черта мы так крутимся? Чтобы заработать деньги? Но на кой черт нам деньги, если мы только и делаем, что крутимся?...

Гута звякнула крышками кастрюлек, взяла о полочки пачку сигарет и села за стол напротив Нунана. Глаза ее были опущены.

Нунан поспешно выхватил зажигалку и дал ей прикурить и снова, второй раз в жизни увидел, что у нее дрожат пальцы, как тогда, когда Рэдрика только что осудили и он, Нунан, пришел к ней, чтобы дать ей денег, — она совершенно пропадала без денег первое время, и ни одна сволочь в доме не давала ей в долг. Потом деньги в доме появились — и, судя по всему, не малые, и Нунан догадывался откуда, но он продолжал приходить,

приносил Мартышке лакомства и игрушки, целыми вечера ми пил с Гутой кофе и планировал вместе с ней будущую благополучную жизнь Рэдрика, а потом, наслушавшись ее рассказов, шел к соседям и пытался как-нибудь урезонить их, объяснял, уговаривал, наконец, выйдя из терпения, грозил: «Ведь Рыжий вернется, он вам все кости переломает...» — ничего не помогало.

— А как поживает ваша девушка? — спросила Гута.

— Которая?

— Ну, с которой вы заходили тогда... беленькая такая...

— Какая же это моя девушка? Это моя стенографистка. Она вышла замуж и уволилась.

— Жениться вам надо, Дик, — сказала Гута. — Хотите, невесту найду?

Нунан хотел было ответить, как обычно: «Вот Мартышка подрастет...», но вовремя остановился. Сейчас бы это уже не прозвучало.

— Мне стенографистка нужна, а не невеста, — проворчал он. — Бросайте своего рыжего дьявола и идите ко мне в стенографистки. Вы же были отличной стенографисткой, Гута. Старый Гаррис вас до сих пор вспоминает.

— Еще бы, — сказала она. — Всю руку тогда

отбила.

— Ах, даже так? — сказал Нунан, делая вид, что удивлен. — Ай да Гаррис!

— Господи, — сказала Гута. — Да он мне проходу не давал. Я только одного боялась — как бы Рэд не узнал.

Бесшумно вошла Мартышка — возникла в дверях, посмотрела на кастрюли, на Ричарда, потом подошла к матери и прислонилась к ней, отвернув лицо.

— Ну что, Мартышка? — сказал бодро Ричард. — Хочешь шоколадку?

Он полез в жилетный карман, вытащил шоколадный автомобильчик в прозрачном пакетике и протянул девочке. Она не пошевелилась. Гута взяла у Нунана шоколадку и положила на стол. У нее вдруг побелели губы.

— Да, Гута, — бодро сказал Нунан. — А я, знаете ли, переезжать собрался. Надоело мне в гостинице. Во-первых, от института все-таки далеко...

— Она уже почти ничего не понимает, — тихо сказала Гута, и он оборвал себя, взял в обе руки стакан и принялся бессмысленно вертеть его в пальцах. — Вы вот не спрашиваете, как мы живем, — продолжала она, — и правильно делаете. Только ведь вы наш старый друг, Дик, нам от вас

скрывать нечего. Да и не скроешь...

— У врача были? — спросил Нунан, не поднимая глаз.

— Да. Ничего они не могут сказать. А один сказал... — Она за молчала.

Он тоже молчал. Не о чем тут было говорить, и не хотелось об этом думать, но его вдруг ударила жуткая мысль: это вторжение. Не пикник на обочине, не призыв к контакту — вторжение. Они не могут изменить нас, но они проникают в тела наших детей и изменяют их по своему образу и подобию. Ему стало зябко, но тут он вспомнил, что читал о чем-то подобном, какой-то покетбук в яркой глянцевитой обложке, и от этого воспоминания ему полегчало. Придумать можно все что угодно. На самом деле никогда не бывает так, как придумывается.

— Он сказал, что она уже не человек, — проговорила Гута.

— Вздор, — глухо проговорил Ричард. — Обратитесь к настоящему специалисту. Обратитесь к Джеймсу Каттерфилду... Хотите, я с ним поговорю? Устрою вам прием...

— Это к Мяснику? — Она нервно засмеялась. — Не надо, Дик. Это он и сказал. Видно, судьба.

Когда Нунан снова осмелился поднять на нее

глаза, Мартышки уже не было, а Гута сидела неподвижно, рот у нее был приоткрыт, глаза пустые, и на сигарете в ее пальцах нарос длинный кривой столбик серого пепла. Тогда он толкнул к ней по столу стакан и проговорил:

— Сделайте-ка мне еще одну порцию, детка... и себе сделайте. И выпьем.

Она уронила пепел, поискала глазами, куда бросить окурок, и бросила в раковину.

— За что? — сказала она. — Вот я чего не понимаю. Что мы такое сделали? Мы же не самые плохие все-таки в этом городе...

Нунан подумал, что она сейчас заплачет, но она не заплакала — открыла холодильник, достала водку и сок и сняла с полки второй стакан.

— Вы все-таки не отчаивайтесь, — сказал Нунан. Нет на свете ничего такого, что нельзя исправить. И вы мне поверьте, Гута, у меня очень большие связи. Все, что смогу, я сделаю.

Сейчас он сам верил в то, что говорил, и уже перебирал в уме имена, связи и города, и ему уже казалось, что о подобных случаях он что-то слышал, и вроде бы все кончалось благополучно, надо только вспомнить, где это было и кто лечил, но тут он вспомнил, зачем он сюда пришел, и вспомнил господина Лемхена, и вспомнил, для

чего он подружился с Гутой, и ему больше не захотелось думать ни о чем, и он отогнал от себя все связные мысли, сел поудобнее, расслабился и стал ждать, пока ему поднесут выпивку. И в это время в прихожей послышались шаркающие шаги, постукивание палочки, и отвратительный, особенно сейчас, голос Стервятника Барбриджа проговорил :

— Э, Рыжий! А к твоей бабе, видать, кто-то заглянул, я б на твоем месте это дело так бы не оставил...

И голос Рэдрика:

— Прикуси язык, Стервятник, береги протезы. Вон дверь, уйти не забудь, мне ужинать пора...

И Барбридж:

— Тьфу ты, господи, пошутить уже нельзя... И Рэдрик:

— Мы с тобой уже все отшутили. И точка. Мотай, мотай, не задерживайся.

Щелкнул замок, и голоса стали тише: очевидно, оба вышли на лестничную площадку. Барбридж что-то сказал вполголоса, Рэдрик ему ответил: «Все, все, поговорили». Снова ворчание Барбриджа и резкий голос Рэдрика: «Сказал — все!» Ахнула дверь, простучали быстрые шаги в прихожей, и на пороге кухни появился Рэдрик. Нунан

поднялся ему навстречу, и они крепко пожали друг другу руки.

— Я так и знал, что это ты, — сказал Рэдрик, оглядывая Нунана быстрыми зеленоватыми глазами. — У, растолстел, толстяк, все задницу в барах протираешь... Эге, да вы тут, я вижу, весело время проводите! Гута, старушка, сделай и мне порцию, надо догонять...

— Да мы еще и не начали, — сказал Нунан. — Мы только собирались... От тебя разве убежишь?

Рэдрик резко засмеялся, ткнул Нунана кулаком в плечо.

— А вот мы сейчас посмотрим, кто кого догонит, кто кого перегонит! Я, брат, два года постился, мне, чтоб тебя догнать, цистерну выпить надо... Пошли, пошли, что мы здесь на кухне? Гута, тащи ужин!

Он нырнул в холодильник и снова выпрямился, держа в каждой руке по две бутылки с разными наклейками.

— Гулять будем! — объявил он. — В честь лучшего друга, Ричарда Нунана, который не покидает друзей в беде. Хотя пользы ему от этого никакой. Эх, Гуталина нет, жалко!

— А ты позвони ему, — сказал Нунан. Рэдрик помотал ярко-рыжей головой.

— Туда еще телефон не провели, куда ему звонить. Ну, пошли, пошли...

Он первым вошел в гостиную и грохнул бутылки на стол.

— Гулять будем, папаня, — сказал он неподвижному старику. — Вот Ричард Нунан, наш друг! Дик, а это папаня мой, Шухарт-старший...

Нунан, собравшись мысленно в непроницаемый комок, раздвинул рот до ушей, потряс в воздухе ладонью и сказал покойнику:

— Очень рад, мистер Шухарт. Как поживаете? Мы ведь знакомы, Рэд, — сказал он Шухарту-младшему, который копался в баре. — Мы один раз уже виделись, мельком, правда...

— Садись, — сказал Рэдрик, кивая на стул напротив старика. — Ты, если будешь с ним говорить, говори громче, он не слышит ни хрена...

Он расставил бокалы, быстро откупорил бутылки.

— Разливай, — сказал он Нунану. — Папане немного, на самое донышко.

Нунан неторопливо принялся разливать. Старик сидел в прежней позе, глядя в стену. И он никак не реагировал, когда Нунан придвинул к нему бокал. Но Нунан уже переключился на новую ситуацию, это была игра, страшная и жалкая,

которую разыгрывал Рэдрик, и он включился в эту игру, как всю жизнь включался в чужие игры, и страшные, и жалкие, и дикие, и гораздо более опасные, чем эта. И когда Рэдрик, подняв свой бокал, звякнул им о бокал Нунана и сказал: «Ну что, поехали?» — он совершенно естественным образом взглянул на старика и с понимающим видом, тоже совершенно естественно, кивнул на слова Рэдрика: «Поехали, поехали, ты за него не беспокойся, он свое не упустит».

Они с Рэдриком выпили, Рэдрик крякнул и, блестя глазами, за говорил все в том же возбужденном, немного искусственном тоне:

— Все, браток! Больше меня тюрьма не увидит. Если бы ты знал, милый мой, до чего же дома хорошо! Деньги есть, я себе хороший коттеджик присмотрел, с садом будем, не хуже чем у Стервятника... Ты знаешь, я ведь эмигрировать хотел, еще в тюрьме решил. Ради какой стервы я в этом вшивом городишке сижу? Да провались, думаю, все пропадом... Возвращаюсь — привет, запретили эмиграцию! Да что мы — чумные какие-нибудь сделались за эти два года?

Он говорил и говорил, а Нунан кивал, прихлебывая виски, вставлял сочувственные ругательства, риторические вопросы, потом принялся расспра-

шивать про коттедж — что за коттедж, где, за какую цену, — они с Рэдриком поспорили. Нунан доказывал, что коттедж дорогой и в неудобном месте, он вытащил записную книжку, принялся листать ее и называть адреса заброшенных коттеджей, которые отдадут за бесценок, а ремонт обойдется всего ничего, если подать заявление об эмиграции, получить отказ от властей и потребовать компенсацию.

— Ты, я вижу, уже и недвижимостью занялся, — сказал Рэдрик.

— А я всем понемножку занимаюсь, — ответил Нунан.

— Знаю, знаю, наслышан о твоих бардачных аферах...

Нунан сделал большие глаза, приложил палец к губам и кивнул головой в сторону кухни.

— Да ладно, все это знают, — сказал Рэдрик. — Деньги не пахнут... теперь-то я это знаю... Но Мосла ты себе подобрал в компаньоны — я животики надорвал, когда услышал! Пустил, понимаешь, козла в огород. Ты его хоть платить заставь за это дело или из доли у него вычитай... Он же псих, я его с детства знаю!

Тут старик медленно, деревянным движением, словно огромная кукла, поднял руку с колена и с

деревянным стуком уронил ее на стол рядом со своим бокалом. Рука была темная, с синеватым отливом, сведенные пальцы делали ее похожей на куриную лапу. Рэдрик замолчал и посмотрел на него. В лице его что-то дрогнуло, и Нунан с изумлением увидел на этой конопатой хищной физиономии самую настоящую, самую неподдельную любовь и нежность.

— Пейте, папаня, пейте, — ласково сказал Рэдрик. — Немножко можно, пейте на здоровье... Ничего, — вполголоса сказал он Нунану, заговорщицки подмигивая. — Он до этого стаканчика доберется, будь покоен...

Глядя на него, Нунан вспомнил, что здесь было, когда лаборанты Бойда приехали сюда за этим покойником. Лаборантов было двое, крепкие современные парни, спортсмены и все такое, и еще был врач из городской больницы и при нем двое санитаров, людей грубых и здоровенных, приспособленных таскать носилки и утихомиривать буйных. Потом один из лаборантов рассказывал, что «этот рыжий» сначала не понял, о чем идет речь, впустил в квартиру, дал осмотреть отца, и возможно, старика так бы и увезли, потому что Рэдрик явно вообразил, будто папаню положат в больницу для профилактики. Но эти болваны

санитары; которые в ходе предварительных переговоров торчали в прихожей и подглядывали за Гутой, мывшей на кухне окна, когда их позвали, взялись за старика, как за бревно, поволокли, уронили на пол. Рэдрик взбесился, но тут вылез вперед болван врач и стал обстоятельно разъяснять. Рэдрик послушал его минуту-две, а потом вдруг без всякого предупреждения взорвался, как водородная бомба. Рассказывавший лаборант и сам не помнит, как он очутился на улице. Этот рыжий дьявол спустил по лестнице всех пятерых, не дав ни одному из них уйти на своих ногах самостоятельно. Все они, по словам лаборанта, вылетали из парадной, как ядра из пушки. Двое остались валяться на панели в беспамятстве, а остальных троих Рэдрик гнал по улице четыре квартала, после чего вернулся к институтской машине и выбил в ней все стекла — шофера в машине уже не было, он удирал по улице в противоположном направлении...

— Мне тут в одном баре новый коктейль показали, — сказал Рэдрик, разливая виски.— «Ведьмин студень» называется, я тебе потом сделаю, когда поедим. Это, брат, такая вещь, что на пустое брюхо принимать опасно для жизни, руки-ноги отнимаются с одной порции. Ты как хочешь, Дик,

а я тебя сегодня укачаю. И тебя укачаю, и сам укачаюсь... Старые добрые времена вспомним, «Боржч» вспомним... Бедняга-то Эрни до сих пор сидит, знаешь? — Он выпил, вытер губы тыльной стороной ладони и спросил: — А что там, в институте, за «ведьмин студень» еще не взялись? Я, знаешь ли, от науки слегка отстал...

Нунан сразу понял, почему Рэд заводит разговор на эту тему. Он сказал:

— Что ты, дружище? С этим «студнем» знаешь какая штука случилось? Слыхал про Карриганов-ские лаборатории? Есть такая частная лавочка... Так вот, раздобыли они там порцию этого «студня»...

Он рассказал про катастрофу, про скандал, про то, что в конце концов так и не нашли, кто достал «студень», а Рэдрик слушал вроде бы рассеянно, цокал языком, а потом решительно плеснул еще виски и сказал:

— Так им и надо, сволочам, чтоб они сдохли...

Они выпили, Рэдрик посмотрел на папаню, снова на его лице что-то дрогнуло, он протянул руку и придвинул бокал ближе к сведенным пальцам, и пальцы вдруг разжались и снова сжались, об хватив бокал.

— Вот так оно дело быстрее пойдет, — сказал

Рэдрик. — Гута! — заорал он. — Долго ты нас будешь голодом морить? Это она для тебя старается, — объяснил он Нунану. — Обязательно твой любимый салат готовит, с моллюсками, она их давно припасла, я видел... Ну а как вообще в институте дела? Нашли что-нибудь новенькое? У вас там теперь, говорят, вовсю автоматы работают, да мало вырабатывают...

Ричард принялся рассказывать про институтские дела, и, пока он говорил, у стола рядом со стариком неслышно возникла Мартышка, постояла, положив на стол мохнатые лапки, и вдруг совершенно детским движением прислонилась к покойнику и положила голову ему на плечо. И Нунан, продолжая болтать, вдруг подумал, глядя на эти два чудовищных порождения Зоны: господи, да что же еще? Что же еще нужно сделать с человечеством, чтобы его, наконец, проняло? Неужели этого вот мало? Он знал, что этого мало. Он знал, что миллиарды и миллиарды ничего не знают и ничего не хотят знать, а если и узнают, то поужасаются десять минут и снова вернутся на круги своя. Надо уходить, подумал он с остервенением. К черту Барбриджа, к черту Лемхена... семью эту, богом проклятую, к черту!

— Ты чего на них уставился? — негромко спро-

сил Рэдрик. Ты не беспокойся, это ей не вредно. Даже наоборот, — говорят, от них здоровье исходит.

— Да, я знаю, — сказал Нунан и залпом осушил бокал. Вошла Гута, деловито приказала Рэдрику расставлять тарелки и поставила на стол большую серебряную миску с любимым салатом Нунана.

И тут старик, словно кто-то спохватился и дернул за ниточки, одним движением вскинул бокал к открывшемуся рту.

— Ну, ребята, — сказал Рэдрик восхищенным голосом, теперь у нас пойдет пирушка на славу!

4. Рэдрик Шухарт, 31 год

За ночь долина остыла, а на рассвете стало совсем холодно. Они шли по насыпи, ступая по сгнившим шпалам между ржавыми рельсами, и Рэдрик смотрел, как блестят на кожаной куртке Арчибальда Барбриджа капельки сгустившегося тумана. Мальчишка шагал легко, весело, словно не было позади жуткой ночи, нервного напряжения, от которого до сих пор дрожала каждая жилка, ночевки на мокрой верхушке плешивого холма, где они провели два часа, прижавшись спинами друг к другу для тепла, в мучительном полусне пережидая поток «зеленки», обтекавшей холм и исчезавшей в овраге.

По сторонам высокой насыпи лежал густой туман, время от времени он перетекал через рельсы тяжелыми серыми струями, и в этих местах они шли по колено в медленно клубящейся мути. Пахло мокрой ржавчиной; из болота, справа под насыпью, тянуло тухлятиной. Вокруг ничего не было видно, кроме тумана, но Рэдрик знал, что в обе стороны тянется холмистая равнина с каменными россыпями, а за равниной во мгле скрываются горы. И еще он знал, что, когда

взойдет солнце и туман осядет росой, он должен увидеть где-то слева остов разбитого вертолета, а впереди — состав вагонеток, и вот тогда начнется самое дело. Рэдрик на ходу просунул ладонь между спиной и рюкзаком и вскинул рюкзак повыше, чтобы край баллона с гелием не резал хребет. Тяжелый, сволочь, как я с ним поползу? Полтора километра на карачках... Ладно, не жалуйся, сталкер, знал, на что идешь. Тридцать тысяч монет дожидаются в конце дороги, можно и попотеть. Хрен я им отдам меньше, чем за тридцать тысяч. И хрен я дам Стервятнику больше, чем десять. А сопляку... А сопляку — ничего. Если хоть половина того, что говорил старый подонок, — правда, то сопляку ничего. Он снова взглянул на Арчибальда, как тот легко шагает через две шпалы разом, широкоплечий, узкобедрый, и длинные, вороные, как у сестры, волосы вздрагивают в такт шагам. Сам напросился, угрюмо подумал Рэдрик. И чего это он так отчаянно напрашивался? Прямо дрожал весь, слезы на глазах... «Возьмите, мистер Шухарт! Мне разные люди предлагали, но я только с вами хочу. Я никого, кроме вас, в грош не ставлю... Папахен был силен, так ведь он меня не брал». Рэдрик усилием воли резко оборвал это воспоминание. Противно было об

этом думать, и, может быть, поэтому он стал думать о сестре Арчибальда, о том, как он спал с этой Диной — и трезвый спал, и пьяный спал, — и какое это каждый раз было разочарование. Просто уму непостижимо: такая роскошная баба — кажется, век бы с нее не слезал, а на самом деле пустышка, обман, станок какой-то, а не женщина. Как, помнится, пуговицы на кофте у матери — янтарные такие, полупрозрачные, золотистые, так и хочется сунуть в рот и сосать в ожидании какой-то необычайной сладости и вкусности, и он брал их в рот и сосал, и каждый раз страшно разочаровывался, и каждый раз забывал об этом разочаровании, даже не то чтобы забывал, а просто отказывался верить собственной памяти, стоило ему их снова увидеть... А может быть, папахен его ко мне подослал? — подумал он вдруг об Арчибальде. Вон у него какая пушка в заднем кармане... Нет, вряд ли. Стервятник меня знает. Стервятник знает, что со мной шутки плохи. И знает, какой я в Зоне. Нет, чепуха все это. Не первый он меня просил, другие и на колени становились... и пушки они все с со бою таскают по первому разу. По первому и последнему. Да нет, почему же обязательно по последнему? Ох, по последнему! Вот что получается, Стервятник: по

последнему. Да, папахен, узнал бы ты про эту его затею — так бы его костылями отделал, сыночка своего, в Зоне вымоленного...

Он вдруг почувствовал, что впереди что-то есть, недалеко уже, метрах в тридцати — сорока.

— Стой, — сказал он Арчибальду.

Парень послушно замер на месте. Реакция у него была хорошая — он так и застыл с приподнятой ногой, а затем медленно и осторожно опустил ее на землю. Рэдрик остановился рядом с ним. Колея здесь заметно уходила вниз и совершенно скрывалась в тумане. И там, в тумане, что-то было. Что-то большое и неподвижное. Безопасное. Рэдрик осторожно втянул ноздрями воздух. Да, безопасное.

— Вперед, — сказал он негромко, подождал, пока Арчибальд сделал шаг, и двинулся за ним. Краем глаза он видел лицо Арчибальда, точеный его профиль, чистую кожу щеки и решительно поджатые губы под тончайшими усиками.

Они погрузились в туман по пояс, потом по шею, а еще через несколько секунд впереди замаячила косая глыба вагонетки.

— Все, — сказал Рэдрик и стал стягивать рюкзак. — Садись, где стоишь. Перекур.

Арчибальд помог ему стянуть рюкзак, а потом

они сели рядышком на ржавый рельс, Рэдрик отстегнул один из клапанов, достал сверток с едой и термос с кофе и, пока Арчибальд разворачивал сверток и устраивал бутерброды на рюкзаке, вытащил из-за пазухи флягу, отвинтил колпачок и, прикрыв глаза, сделал несколько медленных глотков.

— Глотнешь? — предложил он, вытирая губы. — Для храбрости...

Арчибальд обиженно помотал головой.

— Для храбрости мне не нужно, мистер Шухарт, — сказал он. — Я лучше кофе. Сыро здесь очень, правда?

— Сыро, — согласился Рэдрик. Он спрятал флягу, выбрал бутерброд и принялся жевать. — Вот туман рассеется, увидишь, что тут кругом — сплошные болота. Раньше тут комарья было— страшное дело... — Он замолчал и налил себе кофе. Кофе был горячий, густой, сладкий, пить его сейчас было даже приятнее, чем спиртное. От него пахло дымом, Гутой. И не просто Гутой, а Гутой в халатике, прямо со сна, с еще сохранившимся рубцом от подушки на щеке. Зря я в это дело впутался, подумал он. Тридцать тысяч... На кой ляд мне эти тридцать тысяч. Деньги нужны, чтобы о них не думать. Это правильно. Но я ведь

о них и так не думаю последнее время. На кой ляд мне эти деньги? Дом есть, сад есть, без работы не остался бы... Завел меня Стервятник, гнида вонючая, завел, как молоденького...

— Мистер Шухарт, — сказал вдруг Арчибильд, глядя в сторону,— а вы серьезно верите, что эта штука выполняет желания?

— Чепуха, — рассеянно произнес Рэдрик и замер с поднесен ным ко рту стаканчиком. — А ты откуда знаешь какой штукой мы идем?

Арчибальд смущенно засмеялся, запустил пятерню в вороные волосы, подергал и сказал:

— Да вот догадался. Я уже и не помню, что меня на эту мысль натолкнуло. Ну, во-первых, раньше отец все время бубнил про этот Золотой шар, а тут вдруг перестал и вместо этого к вам зачастил, а я ведь знаю — никакие вы не друзья, что бы там отец ни говорил... Потом, он странный какой-то стал в последнее время... — Арчибальд засмеялся и покрутил головой, что-то вспоминая. — А окончательно я понял, когда вы с ним на пустыре этот шарик испытывали. — Он похлопал ладонью по рюкзаку, где лежала туго свернутая оболочка воздушного шара. — Я вас тогда выследил, и, когда увидел, как вы мешок с камнями приподняли и по воздуху вели, тут уж мне все окончательно

ясно стало. По-моему, в Зоне ничего тяжелого, кроме Золотого шара, не осталось. — Он откусил от бутерброда, пожевал и задумчиво проговорил набитым ртом: — Я вот только не понимаю, как его цеплять, он же, наверное, гладкий...

Рэдрик все смотрел на него поверх стаканчика и думал, до чего же они не похожи друг на друга — отец и сын. Ничего общего между ними не было. Ни лицо, ни голос, ни душа. У Стервятника голос хриплый, заискивающий, подлый какой-то, но в тот раз он говорил так, что нельзя было его не слушать. «Рыжий! — говорил он, перегнувшись через стол. — Нас ведь двое осталось всего, да на двоих две ноги, и обе твои... Кому же, как не тебе? Это же, может, самое ценное, что в Зоне есть... Кому же достанется, а? Неужто этим чистоплюям с машинами? Я ведь его нашел, я! Сколько там наших по дороге полегло! Себе берег! И сейчас бы не отдал, да руки, видишь, коротки стали! Ну ладно, ты не веришь. Не веришь — не надо. Тебе — деньги, дашь мне, сколько сам захочешь, я знаю, ты не обидишь. А я, может, ноги себе верну. Ноги верну, понимаешь ты? Зона ведь ноги у меня отобрала, так, может, Зона и отдаст?..»

— Что? — спросил Рэдрик, очнувшись.

— Я спросил, закурить можно, мистер Шухарт?

— Да, — сказал Рэдрик. — Кури, кури... Я тоже закурю.

Он залпом допил остаток кофе, вытащил сигарету и, разминая ее, уставился в редеющий туман. Сумасшедший, подумал он. Псих. Ноги ему... стервецу... гниде вшивой... От всех этих разговоров копился какой-то осадок, непонятно какой. И он не рассеивался со временем, а, наоборот, именно копился. И непонятно было, что это такое, но оно мешало, словно он чем-то заразился от Стервятника, но не гадостью какой-нибудь, а, наобо рот... силой, что ли? Нет, не силой. А чем же тогда? Ну ладно, сказал он себе. Давай так: предположим, не дошел я сюда. Совсем уже собрался, рюкзак уложил, и тут что-нибудь случилось... сцапали бы меня, например. Плохо было бы? Определенно плохо. Почему плохо? Деньги пропали? Да нет, не в деньгах дело... Что добро это гадам достанется? Да, в этом что-то есть. Обидно. Но мне-то что? Все равно в конце концов все им достанется...

— Бр-р-р... — сказал Арчибальд. — До костей пробирает. Мистер Шухарт, может, вы дадите мне теперь глотнуть?

Рэдрик молча достал флягу и протянул ему. А ведь я не сразу согласился, подумал вдруг он. Двадцать раз я посылал Стервятника куда подальше,

а на двадцать первый все-таки согласился. Как-то мне невмоготу стало вдруг. И последний разговор у нас получился короткий и вполне деловой. «Здорово, Рыжий. Я вот карту принес. Может, все-таки, посмотришь?» — «Давай», — сказал я. И все. Помню, что пьяный был тогда, целую неделю пил, что-то на душе было гадко... А, ч-черт, не все ли равно? Пошел и пошел! Что я в этом копаюсь, как в дерьме прутиком? Боюсь я, что ли?

Он вздрогнул. Длинный тоскливый скрип донесся вдруг из тумана. Рэдрик вскочил, как подброшенный, и сейчас же, как подброшенный, вскочил Арчибальд. Но уже снова стало тихо, и только шуршала, струясь по насыпи у них из-под ног, мелкая галька.

— Это, наверное, порода просела, — неуверенно, с трудом вы говаривая слова, проговорил Арчибальд. — Вагонетки ведь с породой давно стоят...

Рэдрик смотрел прямо перед собой и ничего не видел. Он вспомнил. Это было ночью. Он проснулся от такого же звука, тоскливого и длинного, обмирая, как во сне. Только это был не сон. Это кричала Мартышка, сидя на своей постели у окна, а из гостиной откликался батя, очень похоже, так же длинно и скрипуче, только с каким-то клокотанием. И так они перекликались

и перекликались в темноте целых сто лет. Гута проснулась тоже и взяла Рэдрика за руку, он чувствовал ее мгновенно покрывшееся испариной плечо, и так они лежали все эти сто лет и слушали, а когда Мартышка за молчала и улеглась, он подождал еще немного, потом встал, вышел на кухню и жадно выпил полбутылки коньяку. С этой ночи он запил.

— Порода, — говорил Арчибальд. — Она, знаете, проседает со временем. От сырости, от всяких таких причин...

Рэдрик посмотрел на его побледневшее лицо и снова сел. Сигарета у него из пальцев куда-то пропала, и он закурил новую. Арчибальд постоял еще немного, опасливо вертя головой, потом тоже сел и сказал негромко:

— А еще говорят, что в Зоне будто бы кто-то живет. Люди какие-то. Не пришельцы, а именно люди. Будто Посещение застигло их тут, и они мутировали... приспособились к новым условиям. Вы слыхали об этом, мистер Шухарт?

— Да,— сказал Рэдрик. — Только это не здесь. Это в горах, на северо-западе. Пастухи какие-то.

Вот он чем меня заразил, думал он. Сумасшествием он меня своим заразил. Вот, значит, почему я сюда пошел. Вот что мне здесь надо. Какое-то

странное о очень новое ощущение медленно заполнило его. Он осознавал, сто ощущение это не новое, что оно давно уже сидело где-то у него в печенках, но только сейчас он о нем догадался, и все встало на свои места. И то, что раньше казалось глупостью, сумасшедшим бредом выжившего из ума старика, обернулось теперь единственной надеждой, единственным смыслом жизни, потому что только сейчас он понял: единственное на всем свете, что у него еще осталось, единственное, ради чего он жил последние месяцы, была надежда на чудо. Он, дурак, болван, отталкивал эту надежду, затаптывал ее, издевался над нею, потому что он так привык, потому что никогда в жизни с самого детства он не рассчитывал ни на кого, кроме себя, и потому что с самого детства этот расчет на себя он выражал в количестве зелененьких, которые ему удавалось вырвать, выдрать, выгрызть из окружающего его равнодушного хаоса. Так было всегда, и так было бы и дальше, если бы он в конце концов не оказался в такой яме, из которой его не вызволят никакие зелененькие, в которой рассчитывать на себя совершенно бессмысленно. И мимолетно он удивился, как ему удалось прожить последние недели без этой надежды и без этого ощущения,

которое заполняло его сейчас до макушки, но до него сразу же дошло, что и надежда, и ощущение были в нем все эти недели. Он засмеялся и толкнул Арчибальда в плечо.

— Ну что, сталкер? — сказал он. — Замарал подштанники? Привыкай, браток, не стесняйся, дома выстирают.

Арчибальд удивленно посмотрел на него, неуверенно улыбаясь. А Рэдрик смял промасленную бумагу из-под бутербродов, швырнул ее под вагонетку и прилег на рюкзак, упершись локтем.

— Ну хорошо, — сказал он. — А предположим, например, что этот самый Золотой шар действительно... Что б ты тогда загадал?

— Значит, вы все-таки верите? — быстро спросил Арчибальд

— Это не важно — верю я там или не верю. Ты мне на вопрос ответь.

Рэдрик вдруг почувствовал, что ему действительно интересно узнать, что может пожелать такой вот парень, молокосос еще, вчерашний школьник, и он с веселым любопытством следил, как Арчибальд хмурится, тревожит усики и старательно думает.

— Ну, конечно, ноги отцу, — сказал Арчибальд наконец. — Чтобы дома было все хорошо...

— Врешь, врешь, — добродушно сказал Рэдрик. — Ты, браток, учти: Золотой шар только сокровенные желания выполняет, только такие, что если не исполнятся, то хоть в петлю.

Арчибальд Барбридж покраснел, вскинул на Рэдрика и сейчас же опустил глаза и совсем залился краской, даже слезы выступили. Рэдрик ухмыльнулся, глядя на него.

— Все понятно, — сказал он почти ласково. — Ладно, это не мое дело. Держи свое при себе. — И тут он вдруг вспомнил про пистолет и подумал, что, пока есть время, надо учесть все, что можно учесть. — Что это у тебя в заднем кармане? — спросил он небрежно.

— Пистолет, — буркнул Арчибальд и закусил губу.

— Зачем он тебе? — удивился Рэдрик.

— Стрелять, — сказал Арчибальд вызывающе.

— Брось, брось, — сказал Рэдрик, садясь. — Давай его сюда, в Зоне стрелять не в кого. Давай.

Арчибальд хотел что-то сказать, но промолчал, сунул руку за спину, вытащил армейский кольт и протянул Рэдрику, держа за ствол. Рэдрик взял пистолет за теплую рубчатую рукоятку, под бросил его, поймал и сказал:

— Платок есть какой-нибудь? Давай, я заверну.

Он взял у Арчибальда носовой платок, чистенький, пахнущий одеколоном, завернул пистолет и положил сверток на шпалу.

— Пусть здесь полежит, — объяснил он. — Обратно пойдем — возьмешь. Может, в самом деле от патрульных отстреливаться придется... Хотя от патрульных отстреливаться, браток...

Арчибальд решительно помотал головой.

— Да мне не для этого, — сказал он с досадой. — Там только один патрон. Чтобы... если как с отцом...

— Во-он что, — протянул Рэдрик, внимательно глядя на него. — Ну, это можешь не беспокоиться. Если как с отцом, то уж до этого места я тебя дотащу. Обещаю... Гляди, рассвело!

Туман исчезал на глазах. На насыпи его уже не было вовсе, а внизу и вдали молочная мгла проседала и протаивала, сквозь нее прорастали округлые щетинистые вершины холмов, и между холмами кое-где уже проглядывала рябая поверхность прокисшего болота, покрытого реденьким заморенным лозняком, а на горизонте, за холмами, ярко-желтым вспыхнули вершины гор, и небо над горами было ясное и голубое. Арчибальд оглянулся через плечо и восхищенно вскрикнул. Рэдрик тоже оглянулся. На востоке

горы казались черными, а над ними полыхало знакомое изумрудное зарево, зеленая заря Зоны. Рэдрик поднялся и, расстегивая ремень, сказал:

— Облегчиться не собираешься? Смотри, потом негде будет и некогда...

Он зашел за вагонетку, присел на насыпи и, покряхтывая, смотрел, как быстро гаснет, заливается розовым зеленое зарево и оранжевая краюха солнца выползает из-за хребта, и сразу от холмов потянулись лиловатые тени, все стало резким, рельефным, все стало видно как на ладони, и прямо перед собой, метрах в двухстах, Рэдрик увидел вертолет. Вертолет упал, видно, в самый центр «комариной плеши», и весь фюзеляж его расплющило в жестяной блин, только хвост остался целым, его слегка изогнуло, и он черным крючком торчал над прогалиной между холмами, и стабилизирующий винт остался цел — отчетливо поскрипывал, покачиваясь на легком ветерке. «Плешь», видимо, попалась мощная, даже пожара настоящего не получилось, и на расплющенной жестянке отчетливо выделялась красно-синяя эмблема королевских военно-воздушных сил, которую Рэдрик вот уже сколько лет и в глаза не видел и вроде бы даже забыл, как она выглядит.

Справив нужду, Рэдрик вернулся к рюкзаку,

достал карту и разложил ее на спекшейся груде породы в вагонетке. Самого карьера видно отсюда не было, его заслонял холм с почерневшим обгорелым деревом на верхушке. Этот холм предстояло обойти справа, по Лощине между ним и другим холмом, который тоже был виден отсюда, совсем голый, с бурой каменной россыпью по всему склону. Все ориентиры совпадали, но Рэдрик не испытывал удовлетворения. Многолетний инстинкт сталкера категорически протестовал против самой мысли, несуразной и противоестественной, — прокладывать тропу между двумя близкими возвышенностями. Ладно, подумал Рэдрик, это мы еще посмотрим. На месте будет виднее. Тропа до этой лощины вела по болоту, по открытому ровному месту, казавшемуся отсюда безопасным, но, приглядевшись, Рэдрик различил между сухими кочками какое-то темно-серое пятно. Он взглянул на карту. Там стоял крестик, и корявыми буквами было написано: «Хлюст». Красный пунктир тропы шел правее крестика. Кличка была вроде бы знакомая, но кто такой этот Хлюст, как он выглядел и когда он был, Рэдрик вспомнить не мог. Вспоминалось только: дымный зал в «Боржче», какие-то пьяные свирепые хари, огромные красные лапы, сжимающие

стаканы, громовой хохот, потные лоснящиеся морды, фантастическое стадо титанов и гигантов, собравшееся на водопой; одно из самых ярких воспоминаний детства — первое посещение «Боржча». Что я тогда принес? «Пустышку», кажется. Прямо из Зоны, мокрый, голодный, ошалелый, с мешком через плечо, ввалился в этот кабак, грохнул на стойку перед Эрнестом мешок, злобно щерясь и озираясь, выдержал грохочущий залп издевательств, дождался, пока Эрнест, тогда еще молодой и всегда при галстуке бабочкой, отсчитал сколько-то там зелененьких... нет, тогда были еще не зелененькие, тогда были «квадратные», королевские, с какой-то полуголой бабой в плаще и венке... дождался, спрятал деньги в карман и неожиданно для самого себя цапнул со стойки тяжелую пивную кружку и с размаху хватил ею по ближайшей хохочущей пасти. Рэдрик ухмыльнулся и подумал: может, это и был Хлюст?

— Разве между холмами можно, господин Шухарт? — вполголоса спросил над ухом Арчибальд. Он стоял рядом и тоже разглядывал карту.

— Посмотрим, — сказал Рэдрик. Он все смотрел на карту. Там было еще два крестика — один на склоне холма с деревом, другой — на каменной

россыпи. Пудель и Очкарик. Тропа проходила понизу между ними. — Там посмотрим, — повторил он, сложил карту и сунул ее в карман. Он оглядел Арчибальда. — Как стул? — спросил он и, не дожидаясь ответа, приказал: — Подай мне на спину рюкзак.

— Пойдем, как раньше, — сказал он, встряхивая рюкзак и прилаживая лямки поудобнее. — Ты идешь впереди, чтобы я тебя каждую минуту видел. Не оглядывайся, а уши держи нараспашку. Мой приказ — закон. Имей в виду, придется много ползти, грязи но вздумай бояться, если прикажу — мордой в грязь без разговоров... Да курточку свою застегни. Готов?

— Готов, — сказал Арчибальд глухо. Он здорово нервничал. Румянца у него на щеках как не бывало.

— Первое направление — вот. — Рэдрик резко махнул ладонью в сторону ближайшего холма в сотне шагов от насыпи. — Пошел.

Арчибальд судорожно вздохнул и, перешагнув через рельс, стал боком спускаться по насыпи. Галька с шумом сыпалась за ним.

— Легче, легче, — сказал Рэдрик. — Спешить некуда.

Он принялся осторожно спускаться следом,

привычно регулируя инерцию тяжеленного рюкзака мускулами ног. Краем глаза он все время следил за Арчибальдом. Боится парень, думал он. Правильно боится. Предчувствует, наверное. Если у него чутье, как у папаши, то должен предчувствовать. Знал бы ты, Стервятник, как обернулось дело. Знал бы ты, Стервятник, что я тебя послушаюсь. «Но вот здесь, Рыжий, тебе одному не пройти. Хочешь не хочешь, а придется тебе кого-нибудь с собой взять. Могу кого-нибудь из своих сопляков отдать, кого не жалко...» Уговорил. Первый раз в жизни согласился я на такое дело. Ну, ничего, может быть, все-таки обойдется, все-таки я не Стервятник, может быть, и словчим как-нибудь.

— Стоп! — приказал он Арчибальду.

Арчибальд остановился по щиколотку в ржавой воде. Пока Рэдрик спускался, трясина затянула его по колено.

— Камень видишь? — сказал Рэдрик. — Вон, под холмом лежит. Давай на него.

Арчибальд двинулся вперед. Рэдрик отпустил его на десять шагов и пошел следом. Трясина под ногами чавкала и воняла. Мертвая трясина — ни мошкары, ни лягушек, даже лозняк здесь высох и сгнил. Рэдрик привычно посматривал по

сторонам, но пока все было вроде бы спокойно. Холм медленно приближался, наполз на низкое еще солнце, потом закрыл всю восточную часть неба. У камня Рэдрик оглянулся в сторону насыпи. Насыпь была ярко освещена солнцем, на ней стоял поезд из десятка вагонеток, часть вагонеток сорвалась с рельсов и лежала на боку, насыпь под ними была покрыта рыжими потеками высыпавшейся породы. А дальше, к северу от поезда, в сторону карьера, воздух над рельсами мутно дрожал и переливался, и время от времени в нем мгновенно вспыхивали и гасли маленькие радуги. Рэдрик посмотрел на это дрожание, сплюнул почти всухую и отвернулся.

— Дальше, — сказал он, и Арчибальд повернул к нему напряженное лицо. — Вон тряпье видишь? Да не туда смотришь. Вон там, правее.

— Да, — сказал Арчибальд.

— Так вот, это был некий Хлюст. Давно был. Он не слушался старших и теперь лежит там специально для того, чтобы показывать умным людям дорогу. Возьми два пальца вправо от этого Хлюста... Взял? Засек точку? Ну примерно там, где лозняк чуть погуще... Двигай туда. Пошел!

Теперь они шли параллельно насыпи. С каждым шагом воды под ногами становилось все

меньше, и скоро они шагали уже по сухим пружинистым кочкам. Арчибальд приободрился и перешел было на полный шаг, и тогда Рэдрик пошарил в кармане, выбрал гайку граммов на двадцать и, прицелившись, запустил ему в голову. Гайка попала Арчибальду прямо в затылок. Парень ахнул, схватился за голову и плашмя рухнул на сухую траву. Рэдрик остановился над ним.

— Вот так оно и бывает, Арчи, — сказал он. — Это тебе не бульвар, ты здесь не на прогулке.

Арчибальд медленно поднялся. Лицо у него было совершенно белое.

— Все понятно? — спросил Рэдрик. Арчибальд глотнул и закивал.

— Хорошо. А в следующий раз надаю по зубам. Если жив останешься. Пошел.

Из паренька мог бы получиться сталкер, думал Рэдрик, звали бы его, наверное, Красавчик. Красавчик Арчи. У нас был один Красавчик, звали его Диксон, а теперь его зовут Суслик. Единственный сталкер, который попал в «мясорубку» и выжил. Повезло. Он-то, чудак, до сих пор думает, что его Барбридж из «мясорубки» вытащил. Черта с два. Из Зоны он его выволок, это верно. Попробовал бы не выволочь. Ему ребята тогда прямо сказали:

один лучше не возвращайся. А ведь как раз тогда Барбриджа Стервятником и назвали, до этого он у нас в Битюгах ходил...

Рэдрик вдруг ощутил на левой щеке едва заметный ток воздуха и сейчас же, еще не успев ни о чем подумать, крикнул:

— Стой!

Он вытянул влево руку. Ток воздуха чувствовался там сильнее. Где-то между ними и насыпью разлеглась «комариная плешь», а может быть, она шла и но самой насыпи — недаром же свалились вагонетки. Арчибальд стоял как вкопанный. Он даже не обернулся.

— Возьми правее, — приказал Рэдрик. — Пошел.

Да, неплохой был бы сталкер. Кой черт, жалею я его, что ли? Этого еще не хватало. Меня кто-нибудь когда-нибудь жалел? Вообще-то да, жалели. Кирилл меня жалел. Ричард Нунан меня жалеет. Вообще-то он, как видно, не столько меня жалеет, сколько к Гуте прислоняется. А может быть, и жалеет, одно другому не помеха. Только мне жалеть никого не приходится. У меня выбор или — или. Он впервые с полной отчетливостью представил себе выбор: или этот паренек, или моя Мартышка. Тут и выбирать нечего, все ясно.

Если только чудо возможно, подсказал какой-то голос изнутри, но он с ужасом и ожесточением задавил в себе этот голос.

Они миновали груду серого тряпья. От Хлюста ничего не осталось, только лежала поодаль в засохшей траве длинная, насквозь проржавевшая палка — миноискатель. Тогда многие пользовались миноискателями, покупали втихаря у армейских интендантов, надеялись на эти штуки, как на господа бога, а потом два сталкера подряд за несколько дней погибли с ними, убитые подземными разрядами. И как отрезало... Кто же все-таки был этот Хлюст? Барбридж его сюда привел или он сам сюда пришел? И почему их всех тянуло в этот карьер? Почему я ничего об этом не слыхал? Дьявол припекает-то как! И это с утра, а что будет потом? Арчибальд, шедший шагах в пяти впереди, поднял руку и вытер со лба пот. Рэдрик покосился на солнце. Солнце было еще невысоко. И тут он вдруг осознал, что сухая трава под ногами не шуршит, как раньше, а словно бы поскрипывает, как картофельная мука, и она уже не колючая и жесткая, как раньше, а мягкая и зыбкая, она рассыпалась под сапогом, как лохмотья копоти. И он увидел четко выдавленные следы Арчибальда и бросился на землю,

крикнув: «Ложись!»

Он упал лицом в траву, и она разлетелась в пыль под его щекой, и он заскрипел зубами от злости, что так не повезло. Он лежал, стараясь не двигаться, все еще надеясь, что, может быть, про несет, хотя и понимал, что они попались. Жар усиливался, наваливался, обволакивал все тело, как простыня, смоченная кипятком, глаза залило потом, и Рэдрик запоздало крикнул Арчибальду: «Не шевелись! Терпи!». И стал терпеть сам. И он бы вытерпел, и все, может быть, обошлось бы более или менее благополучно, без всяких потерь, но не выдержал Арчибальд. То ли он не расслышал Рэдрика, то ли перепугался до того, что забыл все наказы и заповеди, то ли разом припекло его еще сильнее, чем Рэдрика, во всяком случае, управлять собой он перестал и слепо, с каким-то горловым воплем кинулся, пригнувшись, куда погнал его бессмысленный инстинкт — назад, как раз туда, куда бежать уж никак было нельзя. Рэдрик едва успел приподняться и обеими руками обхватить его за ногу, и он всем телом грянулся о землю, подняв тучу пепла, взвизгнул неестественно высоким голосом и лягнул Рэдрика свободной ногой в лицо, забился и задергался, но Рэдрик, сам уже плохо

соображая от боли, наполз на него, прижимаясь обожженным лицом к кожаной куртке, стремясь задавить, втереть в землю, обеими руками держа за длинные волосы дергающуюся голову и бешено колотя носками ботинок и коленями по ногам, по земле, по заду. Он смутно слышал стоны и мычание, доносившиеся из-под него, и свой собственный хрип: «Лежи, сволочь, лежи, убью...», а сверху на него все наваливали и наваливали груды раскаленного угля, и уже полыхала на нем одежда, и трещала, вздуваясь пузырями и лопаясь, кожа на ногах и боках, и он, уткнувшись лицом в серый пепел, судорожно уминая грудью голову этого проклятого сопляка, не выдержал и заорал изо всех сил...

Он не помнил, когда все это кончилось. Понял только, что снова может дышать, что воздух снова стал воздухом, а не расплавленным свинцом, выжигающим глотку, и сообразил, что надо спешить, что надо как можно скорее убираться из-под этой дьявольской жаровни, пока она не вернулась обратно. Он сполз с Арчибальда, который лежал совершенно неподвижно, зажал обе его ноги под мышкой и, помогая себе свободной рукой, пополз вперед, не спуская глаз с черты, за которой начиналась снова трава, мертвая,

сухая, колючая, но настоящая — она казалась ему сейчас величайшим обиталищем жизни. Пепел скрипел на зубах, обожженное лицо то и дело обдавало остатками жара, пот лил прямо в глаза — наверное, потому, что ни бровей, ни ресниц у него больше не было. Арчибальд волочился следом, словно нарочно цепляясь своей проклятой курточкой, горела обваренная задница, а рюкзак при каждом движении поддавал в обгорелый затылок. От боли и духоты Рэдрик вдруг с ужасом подумал, что совсем обварился и теперь ему не дойти, и от этого страха сильнее заработал свободным локтем и коленками, выталкивая через пересохшую глотку самые гнусные ругательства, какие приходили ему в голову, а потом вдруг с какой-то сумасшедшей радостью вспомнил, что за пазухой у него лежит почти полная фляга, подружечка, которая не выдаст, только бы доползти, ну еще немного, давай, Рэд, давай, Рыжий, вот так, вот так, ну еще, ну еще немного, в бога, в ангелов, под тридцатью одеялами на Северном полюсе, в пришельцев и Стервятника душу...

Потом он долго лежал, погрузив лицо и руки в холодную ржа вую воду, с наслаждением вдыхая провонявшую гнилью прохладу. Век бы так лежал, но он заставил себя подняться, сбросил

рюкзак, стоя на коленях, на четвереньках подполз к Арчибальду, неподвижно лежавшему шагах в двадцати от болота, и перевернул его на спину. Н-да, красивый был мальчик. Сейчас эта смазливая морда казалась черно-серой маской из смеси крови и пепла, и несколько секунд Рэдрик с тупым интересом разглядывал на ней продольные борозды — следы от кочек и камней. Потом он взял Арчибальда под мышки, поднялся на ноги и потащил обратно к воде. Арчибальд хрипло дышал, время от времени постанывая. Рэдрик бросил его лицом в самую большую лужу и повалился рядом, снова переживая наслаждение от мокрой ледяной ласки. Арчибальд забулькал, завозился, подтянул под себя руки и поднял голову. Глаза его были вытаращены, он ничего не соображал и жадно хватал ртом воздух, отплевываясь и кашляя. Потом взгляд его сделался осмысленным и остановился на Рэдрике.

— Ф-фу, — сказал он и помотал головой, разбрызгивая грязную воду. — Что это было?

— Смерть это была, — невнятно произнес Рэдрик и закашлялся. Он ощупал лицо. Было больно, нос распух, но брови и ресницы, как это ни странно, были на месте. И кожа на руках тоже оказалась цела, только покраснела малость. Надо

думать, и задницу не до кости прожгло. Он пощупал — нет, явно не до кости, даже штаны целы. Просто как кипятком ошпарило.

Арчибальд тоже осторожно трогал пальцами лицо. Теперь, когда страшную маску смыло водой, физиономия у него оказалась — тоже против ожиданий — почти в порядке. Несколько царапин, нос припух, рассечена нижняя губа, а так, в общем, ничего.

— Никогда о таком не слышал, — проговорил Арчибальд и посмотрел назад.

Рэдрик тоже оглянулся. На сероватой испепеленной траве осталось много следов, и Рэдрик поразился, как, оказывается, короток был тот страшный бесконечный путь, который он прополз, спасаясь от гибели. Каких-нибудь метров двадцать — тридцать, не больше, было всего от края до края выжженной проплешины, но он сослепу и от страха полз по ней каким-то диким зигзагом, как таракан по раскаленной сковороде, и спасибо еще, что полз, в общем, туда, куда надо, а ведь мог бы заползти на «комариную плешь» слева, а мог бы и вообще повернуть обратно... Нет, не мог бы, поду мал он с ожесточением. Это молокосос какой-нибудь мог бы, а я тебе не молокосос, и если бы не этот дурак, то вообще бы

ничего не случилось, обварил бы себе зад — вот и все неприятности.

Он посмотрел на Арчибальда. Арчибальд с фырканьем умывался, покряхтывая, когда задевал больные места. Рэдрик поднялся и, морщась от прикосновений задубевшей от жара одежды к обожженной коже, вышел на сухое, место и нагнулся над рюкзаком. Вот рюкзаку досталось по-настоящему. Верхние клапаны просто-напросто обгорели, пузырьки в аптечке все полопались от жара к чертовой матери, и от жухлого пятна несло невыносимой химией. Рэдрик открыл клапан и принялся выбрасывать осколки стекла и пластика, и тут Арчибальд у него за спиной сказал:

— Спасибо вам, мистер Шухарт, вытащили вы меня. Рэдрик промолчал. Кой черт — спасибо! Сдался ты мне — спасать тебя.

— Я сам виноват, — сказал Арчибальд. — Я слышал, что вы мне приказали лежать, но я здорово перепугался, совсем голову по терял, когда припекло. Я очень боли боюсь, мистер Шухарт...

— Вставай, вставай, — сказал Рэдрик, не оборачиваясь. — Это все были цветочки... Вставай, чего разлегся!

Зашипев от боли в обожженных плечах, он

вскинул на спину рюкзак, продел руки в ремни. Ощущение было такое, будто кожа на обожженных местах съежилась и покрылась болезненными морщинами. Боли он боится... С дерьмом тебя пополам вместе с твоей болью!.. Он огляделся. Ничего, с тропы не сошли. Теперь эти холмики с покойниками. Сволочные холмики, стоят, гниды, торчат, как стервячьи ягодицы, а эта лощинка между ними... Он ухмыльнулся. Известно, что между ягодицами бывает. Ах, сволочная лощинка, вот она-то самая сволочь и есть. Сука.

— Лощину между холмами видишь? — спросил он Арчибальда.

— Вижу.

— Прямо на нее. Марш!

Арчибальд тыльной стороной ладони вытер под носом и двинулся вперед, шлепая по лужам. Он прихрамывал и был уже не такой прямой и стройный, как раньше, согнуло его, и шел он теперь осторожно, с большой опаской. Вот и еще одного я вытащил, подумал Рэдрик. Который это будет? Пятый? Шестой? И теперь вот спрашивается: зачем? Что он мне — родной? Поручился я за него? Слушай, Рыжий, а почему ты его действительно тащил? Чуть сам из-за него не загнулся... Теперь-то, на ясную голову, я знаю, что правиль-

но я его тащил, что без него мне не обойтись, что он у меня как заложник за Мартышку. Что я не человека вытащил, а миноискатель свой вытащил, тральщик свой. А там, на горячем месте, я ведь об этом и думать не думал. Тащил его, как родного, и мысли даже не было, чтобы бросить, хотя про все забыл — и про тральщик забыл, и про Мартышку забыл... Что же это получается? Получается, что я и в самом деле добрый парень. Это мне и Гута твердит, и Кирилл-покойник внушал, и Ричард все время насчет этого долдонит... Тоже мне, нашли добряка. Ты это брось, сказал он себе. Тебе здесь эта доброта ни к чему. Чтоб в первый и в последний раз... Мне его надо сберечь для «мясорубки», подумал он. Здесь все можно пройти, кроме «мясорубки».

— Стой, — сказал он Арчибальду.

Они остановились перед лощиной, и Арчибальд растерянно оглянулся на Рэдрика. Дно лощины было покрыто гнойно-зеленой, жирно отсвечивающей на солнце жижей, над поверхностью ее курился легкий парок, между холмами он становился гуще, и в тридцати шагах уже ничего не было видно. И стоял смрад. Черт знает что гнило в этом отвратительном месиве, но Рэдрику показалось, что сотни тысяч разбитых тухлых

яиц, вылитых на кучу из сотни тысяч тухлых рыбьих голов и дохлых кошек, не могут вонять так, как воняло здесь. Арчибальд издал горловой звук и отступил на шаг. Рэдрик стряхнул с себя оцепенение, торопливо вытащил из кармана сверток с ватой, пропитанной дезодорантом, заткнул ноздри тампонами и протянул вату Арчибальду.

— Спасибо, мистер Шухарт, — слабым голосом сказал Арчибальд. — А как-нибудь верхом нельзя?

Рэдрик взял его молча за волосы и повернул его голову в сторону кучи тряпья на каменной россыпи.

— Это был Очкарик, — сказал он. — А на левом холме — от сюда не видно — лежит Пудель. Понял? Вперед.

Жижа была теплая, липкая, как гной. Сначала они шли в рост, погрузившись по пояс. К счастью, дно под ногами было каменистое и довольно ровное, но вскоре Рэдрик услышал знакомое жужжание с обеих сторон. На левом холме, освещенном солнцем, ничего не было видно, но на склоне справа, в тени, запрыгали бледные лиловатые огоньки.

— Нагнись, — проговорил он сквозь зубы и нагнулся сам. — Ниже, дурак! — крикнул он.

Арчибальд испуганно пригнулся, и в ту же секунду громовой разряд расколол воздух. Над самыми головами затряслась в бешеной пляске разветвленная молния, едва заметная на фоне неба. Арчибальд присел и окунулся по плечи. Рэдрик, чувствуя, что уши ему заложило от грохота, повернул голову и увидел в тени ярко-алое, быстро тающее пятно среди камней, и сейчас же ударила вторая молния.

— Вперед, вперед! — заорал он, не слыша себя.

Теперь они двигались на корточках, выставив наружу только головы, и при каждом разряде Рэдрик видел, как длинные волосы Арчибальда встают дыбом, и ощущал, как тысячи иголочек вонзаются в кожу лица. «Вперед, — монотонно повторял он. — Вперед...» Он уже ничего не слышал. Один раз Арчибальд повернулся к нему в профиль, и он увидел вытаращенный ужасом глаз, скошенный на него, и белые трясущиеся губы, и замазанную зеленью потную щеку; потом молнии стали бить так низко, что им приходилось окунаться с головой, зеленая слизь заклеивала рот, было трудно дышать; хватая ртом воздух, Рэдрик вырвал из носа тампоны и обнаружил вдруг, что вонь исчезла, что воздух наполнен свежим пронзительным запахом озона, а пар вокруг

становился все гуще, или, может быть, это потемнело в глазах, — и уже не видно было холмов ни справа, ни слева, ничего не было видно, кроме облепленной зеленой грязью головы Арчибальда и желтого клубящегося пара вокруг.

Пройду, пройду, думал Рэдрик. Не в первый раз, всю жизнь так, сам в дерьме, а над головой молнии, иначе никогда и не было... И откуда здесь это дерьмо? Столько дерьма... с ума сойти, сколько дерьма в одном месте, здесь дерьмо со всего мира... Это Стервятник, подумал он яростно. Это Стервятник здесь прошел, это за ним осталось. Очкарик лег справа, Пудель лег слева, и все для того, чтобы Стервятник прошел между ними, прошел и оставил за собой все свое дерьмо... Так тебе и надо, сказал он себе, кто идет следом за Стервятником — тот всегда глотает дерьмо. Во всем мире так. Их слишком много, Стервятников, потому ни одного места и не осталось, все загажено... Нунан — дурак: ты, мол, Рыжий, нарушитель равновесия, разрушитель порядка, тебе, Рыжий, при любом порядке плохо, и при плохом плохо, и при хорошем плохо, из-за таких, как ты, никогда не будет царствия небесного на земле... Да что ты в этом понимаешь, толстяк? Когда это я видел хороший по рядок? Когда это ты видел меня при

хороших порядках? Я только всю свою жизнь и вижу, как умирают Кириллы и Очкарики, а Стервятники проползают между их трупами, по их трупам и гадят, и гадят, и гадят...

Он поскользнулся на повернувшемся под ногой камне, окунулся с головой, вынырнул, увидел совсем рядом перекошенное, с вытаращенными глазами лицо Арчибальда и вдруг на мгновение похолодел: ему показалось, что он потерял направление. Но он не потерял направление. Он сейчас же понял, что надо идти вон туда, где из жижи торчит черная верхушка камня, хотя, кроме этой верхушки, не было видно ничего в желтом тумане.

— Стой! — заорал он. — Держи правее камня!

Он не услышал своего голоса, поймал Арчибальда за плечо и стал показывать рукой: держись правее камня, голову вниз.

Вы мне за это заплатите, подумал он. У камня Арчибальд нырнул, и сейчас же молния с треском ударила в камень, только раскаленные крошки полетели. Вы мне за это заплатите, повторял он, погружаясь с головой и изо всех сил работая руками и ногами. В ушах гулко раскатился новый удар молнии. Я из вас всю душу вытрясу за это. Он мимолетно подумал: о ком это я? Не знаю. Но

кто-то за это должен заплатить, кто-то мне за это заплатит! Подождите, дайте только добраться до шара, до шара мне дайте добраться, я это дерьмо вам в глотки вобью, я вам не Стервятник, я с вас спрошу по-своему...

Когда они выбрались на сухое место, на уже раскаленное солнцем каменное крошево, оглушенные, вывернутые наизнанку, шатаясь и цепляясь друг за друга, чтобы не упасть, Рэдрик увидел облупленный автофургон, просевший на оси, и смутно вспомнил, что здесь, возле этого фургона, можно отдышаться в тени. Они залезли в тень. Арчибальд лег на спину и принялся вялыми пальцами расстегивать на себе куртку, а Рэдрик привалился рюкзаком к стенке фургона, вытер ладонь о щебень и полез за пазуху.

— И мне, — проговорил Арчибальд. — И мне, мистер Шухарт...

Рэдрик поразился, какой у этого мальчишки громкий голос, хлебнул, закрыл глаза, прислушиваясь, как горячая, все очищающая струя проливается в глотку и растекается по груди, глотнул еще раз и протянул флягу Арчибальду. Все, подумал он вяло. Прошли. И это прошли. Теперь сумму прописью. Вы думаете, я забыл? Нет, я все помню. Думаете, я вам спасибо скажу, что

вы не утопили меня в этом дерьме? Хрен вам, а не спасибо. Теперь вам конец, понятно? Я ничего этого не оставлю. Теперь я решаю. Я, Рэдрик Шухарт, в здравом уме и в доброй памяти буду решать все за всех. А вы, все прочие, стервятники, жабы, пришельцы, костлявые, квотерблады, зелененькие, хрипатые, в галстучках, в мундирчиках, чистенькие, с портфелями, с речами, с благодеяниями, с работодательством, с вечными аккумуляторами, с вечными двигателями, с «комариными плешами», со светлыми обещаниями, — хватит, поводили вы меня за нос, через всю жизнь мою вели меня за нос, я все, дурак, хвастался, что, мол, как хочу, так и делаю, а вы только поддакивали, а сами, гады, перемигивались и вели меня за нос, тянули, тащили, через дерьмо, через тюрьмы, через кабаки... Хватит! Он отстегнул ремни рюкзака и принял из рук Арчибальда фляжку.

— Никогда я не думал, — говорил Арчибальд с кротким недоумением в голосе, — даже представить себе не мог... Я знал, конечно... Смерть, огонь, железо... но вот такое!.. Как же мы с вами обратно-то пойдем?

Рэдрик не слушал его. То, что говорит этот человек, теперь не имело никакого значения. Это и раньше не имело никакого значения, но раньше

он был человеком. А теперь это... так, говорящая отмычка. Пусть говорит.

— Помыться бы, — с тоской проговорил Арчибальд, озираясь. — Хоть бы лицо сполоснуть...

Рэдрик рассеянно взглянул на него, увидел слипшиеся, свалявшиеся войлоком волосы, измазанное подсохшей слизью лицо со следами пальцев и всего его, покрытого коркой растрескавшейся грязи, и не ощутил ни жалости, ни сочувствия, ничего. Говорящая отмычка. Он отвернулся. Впереди расстилалось унылое, как заброшенная строительная площадка, пространство, засыпанное острой щебенкой, запорошенное белой пылью, залитое слепящим солнцем, нестерпимо белое, горячее, сухое, мертвое. Дальний край карьера был уже виден отсюда — тоже ослепительно белый и кажущийся с этого расстояния совершенно ровным и отвесным, а ближний край отмечала россыпь крупных обломков, и спуск был там, где из-за обломков красным пятном выделялась кабина экскаватора. Это был единственный ориентир. Надо было идти прямо на него, положившись на обыкновенное везенье.

Арчибальд вдруг приподнялся, сунул руку под фургон и вытащил оттуда ржавую консервную банку.

— Смотрите-ка, мистер Шухарт, — сказал он, оживившись. — Ведь это, наверное, отец оставил... и еще там есть...

Рэдрик не ответил. Это ты зря, подумал он. Лучше бы тебе сейчас про отца не вспоминать, лучше бы тебе сейчас помалкивать. А впрочем, все равно. Он поднялся и зашипел от боли, потому что вся одежда приклеилась к телу, к обожженной коже, и теперь что-то там внутри мучительно рвалось, отдиралось, как засохшие бинты от раны. Арчибальд тоже поднялся и тоже зашипел, закряхтел и страдальчески посмотрел на Рэдрика — видно было, что ему очень хочется пожаловаться, но он не решается. Он только сказал сдавленным голосом:

— А нельзя мне сейчас еще разок глотнуть, мистер Шухарт? Рэдрик спрятал за пазуху флягу, которую держал в руке, и сказал:

— Красное видишь между камнями?

— Вижу, — сказал Арчибальд и вздохнул.

— Прямо на него. Пошел.

Арчибальд со стоном потянулся, расправляя плечи, весь искривился и, озираясь, проговорил:

— Помыться бы хоть немножко... Приклеилось все... Рэдрик молча ждал. Арчибальд безнадежно посмотрел на него, покивал и двинулся было, но

тут же остановился.

— Рюкзак... — сказал он. — Рюкзак забыли, мистер Шухарт!

— Марш! — сказал Рэдрик.

Ему не хотелось ни объяснять, ни лгать, да и незачем все это было. И так пойдет. И Арчибальд пошел. Побрел, ссутулившись, волоча ноги, пытаясь отодрать с лица прочно присохшую дрянь, сделавшись маленьким, жалким, тощим, как мокрый котенок. Рэдрик двинулся следом, и как только он вышел из тени, солнце опалило его и ослепило, и он прикрылся ладонью, жалея, что не захватил темных очков. От каждого шага взлетало неоседающее облачко белой пыли, пыль садилась на ботинки, она воняла, вернее, это от Арчибальда воняло, идти было следом невозможно, и не сразу Рэдрик понял, что воняет-то больше всего от него самого. Запах был мерзкий, но какой-то знакомый, это в городе так воняло в те дни, когда северный ветер нес дымы от завода. И от отца так же воняло, когда он возвращался домой — огромный, мрачный, с красными бешеными глазами, и Рэдрик торопился забраться куда-нибудь в дальний угол и оттуда смотрел, как отец сдирает с себя и швыряет в руки матери рабочую куртку, сдирает с огромных ног огромные стоп-

танные башмаки, оставляет их на полу, а сам в одних носках липко шлепает в душ и долго ухает там, с треском хлопая себя по мокрым телесам, гремит тазами, что-то ворчит себе под нос, а потом ревет на всю квартиру: «Мария! Заснула?..». Нужно было дождаться, пока он помоется, сядет за стол, где уже стоит четвертинка, и глубокая тарелка с густым супом, и банка с кетчупом, дождаться, пока он опустошит четвертинку, доест суп, рыгнет и примется за мясо с бобами, и вот тогда можно было выбираться на свет, залезать к нему на колени и спрашивать, какого мастера или какого инженера он утопил сегодня в купоросном масле...

Все вокруг было раскалено добела, и его мутило от сухой жестокой жары, от вони, от усталости, и неистово саднила обожженная, полопавшаяся на сгибах кожа, и ему казалось, что сквозь муть, обволакивающую сознание, она пытается докричаться до него, умоляя о покое, о прохладе, о воде. Затертые до незнакомости воспоминания громоздились в отекшем мозгу, опрокидывая друг друга, заслоняя друг друга, смешиваясь друг с другом, вплетаясь в белый знойный мир, пляшущий перед полузакрытыми глазами, и все они были горькими, и все они смердели, и все они

вызывали царапающую жалость или ненависть. Он пытался вмешаться в этот хаос, вызвать из прошлого какой-нибудь сладкий мираж, ощущения нежности или бодрости, он выдавливал из глубин памяти свежее смеющееся личико Гуты, еще девчонки, желанной и неприкосновенной, и оно появлялось, но сразу же затекало ржавчиной, искажалось и превращалось в угрюмую, заросшую бурой грубой шерстью мордочку Мартышки; он силился вспомнить Кирилла, святого человека, его быстрые уверенные движения, его голос, обещающий небывалые и прекрасные места и времена, и Кирилл появлялся перед ним, а потом ярко вспыхивала на солнце серебряная паутина, и вот уже нет Кирилла, а уставились в лицо Рэдрику немигающие ангельские глазки Хрипатого, и большая белая рука его взвешивает на ладони фарфоровый контейнер. Какие-то темные силы, ворочающиеся в его сознании, мгновенно сминали волевой барьер и гасили то немногое хорошее, что хранила его память, и уже казалось, что ничего хорошего не было вовсе, а только рыла, рыла, рыла...

И все это время он оставался сталкером. Не думая, не осознавая, не запоминая даже, он фиксировал словно бы спинным мозгом, что вот

слева, на безопасном расстоянии, над грудой старых досок, стоит «веселый призрак» — выдохшийся, спокойный, и плевать на него; а справа подул невнятный ветерок, и через несколько шагов обнаружилась ровная, как зеркало, «комариная плешь», многохвостая, как морская звезда, — далеко, не страшно, — а и центре ее расплющенная в тень птица, редкая штука, птицы над Зоной почти не летают; а вон рядом с тропой две брошенные «пустышки» — Стервятник, видно, бросил на обратном пути, страх сильнее жадности. Он все видел и все учитывал, и стоило скрюченному Арчибальду хоть на шаг уклониться от направления, как рот Рэдрика сам собой раскрывался, и хриплый предостерегающий оклик сам собой вылетал из глотки. Машину, думал он. Машину вы из меня сделали. А каменные обломки на краю карьера все приближались, и уже можно было разглядеть прихотливый узор ржавчины на крыше красной кабины. Дурак ты, Барбридж, думал Рэдрик. Хитер, а дурак. Как же ты мне поверил, а? Ты же меня вот с таких пор знаешь, ты же меня лучше меня самого должен знать. Старый ты стал, вот что. Поглупел. Да и то сказать, всю жизнь с дураками дело имел... И тут он представил себе, какое рыло сделалось у Стер-

вятника, когда тот узнал, что Арчибальд-то, Арчи, красавчик, кровинушка... что с Рыжим в Зону за его, Стервятниковыми, ногами ушел не сопляк бесполезный, а родной сын, гордость, жизнь... И, представив себе это рыло, Рэдрик захохотал, а когда Арчибальд испуганно оглянулся на него, он, продолжая хохотать, махнул ему рукой: марш, марш! И опять поползли по сознанию, как по экрану, рыла, рыла, рыла... Надо было менять все. Не одну жизнь и не две жизни, не одну судьбу и не две судьбы — каждый винтик этого смрадного мира надо было менять...

Арчибальд остановился перед крутым съездом в карьер, остановился и замер, уставившись вниз, вытянув длинную шею. Рэдрик подошел и остановился рядом. Но он даже не взглянул туда, куда смотрел Арчибальд. Прямо из-под ног в глубину карьера уходила дорога, много лет назад разбитая гусеницами и колесами тяжелых грузовиков, справа от нее поднимался белый, растрескавшийся от жары откос, а слева откос был полуразрушен, и среди камней и груд щебня там стоял, накренившись, экскаватор, ковш его был опущен и бессильно уткнулся в край дороги. И, как и следовало ожидать, ничего больше на дороге не было видно, только возле самого

ковша с грубых выступов откоса свисали черные скрученные сосульки, похожие на толстые витые свечи, и множество черных клякс виднелось в пыли, словно там расплескали битум. Вот и все, что от них осталось, даже нельзя сказать, сколько их было. Может быть, каждая клякса — это один человек, одно желание Стервятника. Вон та — это Стервятник живым и невредимым вернулся из подвала седьмого цеха. Вон та, побольше, — это Стервятник без помех вытащил из Зоны «шевелящийся магнит». А вон та сосулька — это роскошная, не похожая ни на мать, ни на отца, всеми вожделенная Дина Барбридж. А вот это пятно — не похожий ни на мать, ни на отца Арчибальд, Арчи, красавчик, гордость...

— Дошли! — исступленно прохрипел Арчибальд. — Мистер Шухарт, дошли ведь все-таки, а?

Он засмеялся счастливым смехом, присел и обоими кулаками заколотил по земле. Колтун волос у него на макушке трясся и раскачивался смешно и нелепо, летели в разные стороны высохшие ошметки грязи. И только тогда Рэдрик повернул голову и взглянул на шар. Осторожно. С опаской. С затаенным страхом, что он окажется каким-нибудь не таким — разочарует, вызовет

сомнения, сбросит с неба, на которое удалось вскарабкаться, купаясь в дерьме...

Он был не золотой, он был скорее медный, совершенно гладкий, красноватый, и он мутно отсвечивал на солнце. Он лежал под дальней стеной карьера, уютно устроившись среди куч рыхлой породы, и даже отсюда было видно, какой он массивный и как тяжко придавил он свое ложе. В нем не было ничего разочаровывающего или вызывающего сомнение, но не было и ничего, внушающего надежды. Почему-то сразу в голову приходила мысль, что он, вероятно, полый и что на ощупь он должен быть очень горячим — наверное, от солнца. Он явно не светился своим светом, и он явно был неспособен взлетать на воздух и плясать, как это часто случалось в легендах о нем. Он лежал там, где он,упал, — может быть, вывалился из какого-нибудь огромного кармана или затерялся, закатился во время игры каких-то гигантов, — он не был установлен здесь, он валялся точно так же, как все эти «пустышки», «браслеты», «батарейки» и прочий мусор, оставшийся от Посещения.

Но в то же время что-то в нем было, и чем дольше Рэдрик глядел на него, тем яснее он понимал, что смотреть на него приятно, что к нему хочет-

ся подойти, его хочется потрогать, и откуда-то вдруг всплыла мысль, что хорошо, наверное, сесть рядом с ним, прислониться к нему спиной, откинуть голову и, закрыв глаза, по размыслить, повспоминать, а может быть, просто подремать, отдыхая...

Арчибальд вскочил, раздернул все «молнии» на своей куртке, сорвал ее с себя и с размаху швырнул себе под ноги, подняв клуб белой пыли. Он что-то кричал, гримасничая и размахивая руками, а потом заложил руки за спину и, приплясывая, выделывая ногами замысловатые па, вприпрыжку двинулся вниз по спуску. Он больше не глядел на Рэдрика, он забыл о Рэдрике, он забыл обо всем, он шел выполнять свои желания, маленькие сокровенные желания краснеющего колледжера, мальчишки, который никогда в жизни не видел никаких денег, кроме так называемых карманных, сопляка, который никогда в жизни не видел ни одной голой бабы, кроме как на картинках, которого нещадно пороли, если по возвращении домой от него хоть чуть-чуть пахло спиртным, из которого растили известного адвоката, а в перспективе — министра, а в самой далекой перспективе — сами понимаете, президента... Рэдрик, прищурив воспаленные глаза

от слепящего света, молча смотрел ему вслед. Он был холоден и спокоен, он знал, что сейчас произойдет, и он знал, что не будет смотреть на это, но пока смотреть было можно, и он смотрел, ничего особенного не чувствуя, разве что где-то глубоко-глубоко внутри заворочался вдруг беспокойно некий червячок и завертел колючей головкой.

А мальчишка все спускался, приплясывая, по крутому спуску, отбивая немыслимую чечетку, и белая пыль взлетала у него из-под каблуков, и он что-то кричал во весь голос, очень звонко, и очень весело, и очень торжественно, как песню или как заклинание, и Рэдрик подумал, что впервые за все время существования карьера по этой дороге спускались так — словно на праздник. И сначала он не слушал, что там кричит эта говорящая отмычка, а потом как будто что-то включилось в нем, и он услышал:

— Счастье для всех!.. Даром!.. Сколько угодно счастья!.. Все собирайтесь сюда!.. Хватит всем!.. Никто не уйдет обиженный!.. Даром! Счастье! Даром!

А потом он вдруг замолчал, словно огромная рука с размаху загнала ему кляп в рот. И Рэдрик увидел, как прозрачная пустота, притаившаяся

в тени ковша экскаватора, схватила его, вздернула в воздух и медленно, с натугой скрутила, как хозяйки скручивают белье, выжимая воду. Рэдрик успел заметить, как один из пыльных башмаков сорвался с дергающейся ноги и взлетел высоко над карьером. Тогда он отвернулся и сел. И ни одной мысли не было у него в голове, и он как-то перестал чувствовать себя. Вокруг стояла тишина, и особенно тихо было за спиной, там, на дороге. Тогда он вспомнил о фляге — без обычной радости, просто как о лекарстве, которое пришло время принять. Он отвинтил колпачок и стал пить маленькими скупыми глотками, и впервые в жизни ему захотелось, чтобы во фляжке было не спиртное, а холодная вода.

Прошло некоторое время, и в голове стали появляться более или менее связные мысли.

Ну вот и все. Дорога открыта. Уже сейчас можно идти, но лучше, конечно, подождать еще немножко. «Мясорубки» бывают с фокусами. Все равно подумать надо. Дело непривычное — думать, вот в чем беда. Думать — это значит извернуться, обвести вокруг пальца, сфинтить, сблефовать, но ведь здесь это все не годится.

Ну ладно, Мартышка, отец... Расплатиться за все, душу из гадов вынуть, пусть дерьма пожрут,

как я... Не то, не то это, Рыжий... То есть то, конечно, но что все это значит? Это же ругань, а не мысли. Он похолодел от какого-то страшного предчувствия и, сразу перешагнув через множество разных рассуждении, которые еще предстояли, свирепо приказал себе: ты вот что, рыжая сволочь, ты отсюда не уйдешь, пока не додумаешься до дела, сдохнешь здесь рядом с этим шариком, сжаришься, сгниешь, падаль, но не уйдешь...

Господи, да где же слова-то, мысли мои где? Он с размаху ударил себя полураскрытым кулаком по лицу. Ведь за всю жизнь ни одной мысли у меня не было! Подожди, Кирилл ведь что-то говорил такое... Кирилл! Он лихорадочно копался в воспоминаниях, всплывали какие-то слова, знакомые и полузнакомые, но все это было не то, потому что не слова остались от Кирилла, остались какие-то смутные картины, очень добрые и совершенно неправдоподобные...

Подлость, подлость... И здесь они меня обвели, без языка оста вили, гады... Шпана... Как был шпаной, так шпаной и состарился... Вот этого не должно быть, ты слышишь? Чтобы на будущее это раз и навсегда было запрещено! Человек рожден, чтобы мыслить (это Кирилл, наконец-то!..).

Только ведь я в это не верю. И раньше не верил, и сейчас не верю, и для чего человек рожден, не знаю. Родился — вот и рожден. Кормятся кто во что горазд. Пусть мы все будем здоровы, а они пускай все подохнут. Кто — мы? Кто — они? Это ж яснее ясного. Мне хорошо — Барбриджу плохо, Барбриджу хорошо — Пуделю плохо, Хрипатому хорошо — всем плохо, и самому Хрипатому плохо, он только, дурак, воображает, что сумеет как-нибудь вовремя извернуться... Господи, это ж каша, каша! Я всю жизнь с капитаном Квотербладом воюю, а он всю жизнь с Хрипатым воевал и от меня, обалдуя, только одного ведь и хотел — чтобы я сталкерство бросил. Но как же мне было сталкерство бросать, когда семью кормить надо? Работать идти? А я не хочу на вас работать, тошнит меня от вашей работы, можете вы это понять? Я так полагаю: если человек работает, он всегда на кого-то работает, раб он — и больше ничего, а я всегда хотел сам, чтобы на всех поплевывать...

Он допил остатки коньяка и изо всех сил швырнул пустую флягу о землю. Фляга подскочила, сверкнув на солнце, и укатилась куда-то — он сразу забыл о ней. Теперь он сидел, закрыв глаза рука ми, и пытался уже не понять, не придумать,

а хотя бы увидеть что-нибудь, как оно должно быть, но опять видел только рыла, рыла, рыла... зелененькие, бутылки, кучи тряпья, которые были когда-то людьми, столбики цифр... Он знал, что все это надо уничтожить, он хотел это уничтожить, но догадывался, что если все это будет уничтожено, то не останется ничего. Ровная голая земля. От бессилия и отчаяния ему снова захотелось прислониться спиной и откинуть голову. Он поднялся, машинально отряхнул штаны от пыли и начал спускаться в карьер.

Жарило солнце, перед глазами плавали красные пятна, дрожал воздух на дне карьера, и в этом дрожании казалось, будто шар приплясывает на месте, как буй на волнах. Он прошел мимо ковша, суеверно поднимая ноги повыше и следя, чтобы не наступить на черные кляксы, а потом, увязая в рыхлости, потащился наискосок через весь карьер к пляшущему и подмигивающему шару. Весь он был покрыт потом, задыхался от жары, и в то же самое время морозный озноб пробирал его, он трясся крупной дрожью, как с похмелья, а на зубах скрипела пресная меловая пыль. И он уже больше не пытался думать. Он только твердил про себя с отчаянием, как молитву: «Я животное, ты же видишь — я животное. У меня нет слов,

меня не научили словам, я не умею думать, эти гады не дали мне научиться думать. Но если ты на самом деле такой... всемогущий, всесильный, всепонимающий, то разберись! Загляни в мою душу, я знаю — там есть все, что тебе надо. Должно быть. Душу-то ведь я никогда и никому не продавал! Она моя, человеческая! Вытяни сам из меня, чего же я хочу, — ведь не может же быть, чтобы я хотел плохого!.. Будь оно все проклято, ведь я ничего не могу придумать, кроме этих его слов — «СЧАСТЬЕ ДЛЯ ВСЕХ. ДАРОМ, И ПУСТЬ НИКТО НЕ УЙДЕТ ОБИЖЕННЫЙ!»